

СЕВЕРНЫЕ ДРЕВНОСТИ:

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

I (13) / 2025

БУ ВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
SURGUT STATE UNIVERSITY

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – 1»
LLC “SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION “NORTHERN ARCHAEOLOGY – 1”

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO “INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH”

БУ ВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – 1»
АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

SURGUT STATE UNIVERSITY
LLC “SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION “NORTHERN ARCHAEOLOGY – 1”
ANO “INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH”

СЕВЕРНЫЕ ДРЕВНОСТИ: АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

№ 1 (13) 2025

ВЫПУСК ПОСВЯЩЕН 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ СОВЕТСКОГО АРХЕОЛОГА В. Н. ЧЕРНЕЦОВА

НЕФТЕЮГАНСК – СУРГУТ

NORTHERN ANTIQUITIES: ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY, HISTORY

№ 1 (13) 2025

THE ISSUE IS DEDICATED TO THE 120TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF
THE OUTSTANDING SOVIET ARCHAEOLOGIST V. N. CHERNETSOV

NEFTEYUGANSK – SURGUT

Учредители:

БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет»
 ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»
 АНО «Институт археологии Севера»

Издатель:

АНО «Институт археологии Севера»
 628306 Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
 Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
 информационных технологий и массовых коммуникаций
 Свидетельство ПИ № ФС77-83139 от 12 мая 2022 г.

Издается с мая 2022 года.
 Выпускается 4 раза в год.

Главный редактор:

А. В. Курбатов, д-р ист. наук

Редакционная коллегия:

С. М. Косенок, д-р пед. наук, профессор
 Р. В. Оствальд, канд. хим. наук
 О. В. Кардаш, канд. ист. наук
 Г. П. Визгалов, канд. ист. наук
 Н. М. Чаиркина, д-р ист. наук
 И. В. Побережников, д-р ист. наук
 В. С. Мыглан, д-р ист. наук

Выпускающий редактор:

Е. А. Гирченко

Полные тексты статей размещаются в базе данных Научной электронной библиотеки на сайте elibrary.ru и включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Журнал выходит в свет в рамках реализации проекта № 2023-227-18 «Югорская археология и этнография: сохранение и изучение культурного наследия в условиях нефтегазового освоения Севера» (Департамент образования и науки ХМАО-Югры) по госзаданию СурГУ на 2024–2026 гг.

Адрес редакции:

628306, РФ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
 Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202
 E-mail: archeonord.journal@yandex.ru
 www.nordarcho.ru

12+

© БУ ВО «Сургутский государственный университет», 2025
 © ООО «НПО «Северная археология – 1», 2025
 © АНО «Институт археологии Севера», 2025
 © Оформление.
 АНО «Институт археологии Севера», 2025

ISSN 2949-3609

Founders:

Surgut State University
 LLC “Scientific Production Association “Northern Archaeology – 1”
 ANO “Institute of Archaeology of the North”

Publisher:

ANO “Institute of Archaeology of the North”
 628306, Russian Federation, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Nefteyugansk,
 Pionernaya Industrial Zone, Naberezhnaya street, 16, office 202

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere
 of Communications, information technology and mass communications
 Certificate PI No. FS77-83139 dated May 12, 2022

Published since May 2022.
 Issued 4 times a year.

Chief Editor:

A.V. Kurbatov, Doctor of Historical Sciences

Editorial team:

S. M. Kosenok, Doctor of Pedagogical Sciences, professor
 R. V. Ostvald, Candidate of Chemical Sciences
 O. V. Kardash, Candidate of Historical Sciences
 G. P. Vizgalov, Candidate of Historical Sciences
 N. M. Chairkina, Doctor of Historical Sciences
 I. V. Poberezhnikov, Doctor of Historical Sciences
 V. S. Myglan, Doctor of Historical Sciences

Commissioning Editor:

Ekaterina A. Girchenko

Full texts of articles are placed in the database of the Scientific Electronic Library on the website elibrary.ru and are included in the Russian Science Citation Index (RSCI). The journal is published within the framework of the project № 2023-227-18 «Yugra archeology and ethnography: preservation and study of cultural heritage in the conditions of oil and gas development of the North» (Department of Education and Science of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra) under the state order of Surgut State University for 2024–2026.

Editorial office address:

628306, Russian Federation, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra,
 Nefteyugansk, Pionernaya Industrial Zone, Naberezhnaya street, 16, office 202
 E-mail: archeonord.journal@yandex.ru
 www.nordarcho.ru

12+

© Surgut State University, 2025
 © LLC “NPO “Northern Archaeology – 1”, 2025
 © ANO “Institute of Archaeology of the North”, 2025
 © Registration.
 ANO “Institute of Archaeology of the North”, 2025

ISSN 2949-3609

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	8
Кардаш О. В., Визгалов Г. П., Ермакова К. К., Слесаренко И. В. В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера (биографический очерк).....	10–41
Приложение 1. Список публикаций В. Н. Чернецова.....	17–18
Приложение 2. Список научных отчетов В. Н. Чернецова.....	19
Приложение 3. Список публикаций о В. Н. Чернецове.....	20–21
Приложение 4. Прижизненные фото В. Н. Чернецова.....	22–27
Приложение 5. Выставка «Валерий Николаевич Чернецов – легенда археологии Севера» (120 лет со дня рождения) в СурГУ	28–41
Чернецов В. Н. Жертвоприношение у вогулов // Этнограф-исследователь. Журнал Научно-исследовательского Этнографического Кружка Этноотделения Геофака Ленинградского Государственного университета. Л.: Издание Н.-И. Э. кружка, август 1927. № 1. С. 21–25	42–50
Чернецов В. Н. Зоопарк вогула Алхати // Всемирный следопыт. М.: Красный пролетарий, 1928. № 2. С. 140–143	51–52
Чернецов В. Н. Встреча с лапландской совой // Всемирный следопыт. М.: Красный пролетарий, 1928. № 2. С. 143–145	52–53
Чернецов В. Н. Полевой отчет о работе археологической экспедиции в Мангазее / Архив Арктического научно-исследовательского института. Р-1641. Д. 574 на 56 л.	62–116
Чернецов В. Н. Стоянка и селище «Зеленая Горка» в р-не Сале-Харда (раскопки Мангазейской экспедиции 1946). Кн. I / Архив Арктического научно-исследовательского института. Р-1641. Д. 574 на 56 л.	117–139
Чернецов В. Н. Быт хантов и манси по рисункам XIX в. / В. Н. Чернецов // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Т. X. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – С. 7–33.	140–157
Список сокращений	158
Выходные данные	159

CONTENTS

Foreword	8
Kardash O. V., Vizgalov G. P., Ermakova K. K., Slesarenko I. V. V. N. Chernetsov – a legend of Northern archeology (biographical essay)	10–41
Annex 1. List of publications by V. N. Chernetsov	17–18
Annex 2. List of scientific reports by V. N. Chernetsov	19
Annex 3. List of publications about V. N. Chernetsov	20–21
Annex 4. Lifetime photos of V. N. Chernetsov	22–27
Annex 5. Exhibition «Valery Nikolaevich Chernetsov – a legend of Northern archeology» (120 years since the day of birth) at Surgut State University	28–41
Chernetsov V. N. Zhertvoprinosheniye u vogulov [Sacrifice among the Voguls] // Etnograf-issledovatel' [Ethnographer-researcher]: journal of the Scientific Research Ethnographic Group of the Ethnographic Department of the Geography Faculty of the Leningrad State University. Leningrad: S.-R. E. Group Publ., August 1927. No. 1. P. 21–25	42–50
Chernetsov V. N. Zoopark vogula Alkhati [Alkhati Vogul Zoo] // Vsemirny Sledopyt [World Pathfinder]. Moscow: Krasny proletary Publ., 1928. No. 2. P. 140–143	51–52
Chernetsov V. N. Vstrecha s laplandskoi sovoi [Meeting a Lapland owl] // Vsemirny Sledopyt [World Pathfinder]. Moscow: Krasny proletary Publ., 1928. No. 2. P. 143–145.....	52–53
Chernetsov V. N. Polevoy otchet o rabote arkheologicheskoy ekspeditsii v Mangazeye [Field report on the work of the archaeological expedition in Mangazeya] / Arkhiv Arkticheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta [Archive of the Arctic Research Institute]. Archive No. in Russ. P-1641. D. 574 in 56 pages.....	62–116
Chernetsov V. N. Stoyanka i selishche «Zelenaya Gorka» v r-ne Sale-Kharda (raskopki Mangazeyской ekspeditsii 1946) [Zelenaya Gorka site and settlement in the Sale-Khard area (excavations by the Mangazeya expedition in 1946)]. Book I / Arkhiv Arkticheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta [Archive of the Arctic Research Institute]. Archive No. in Russ. P-1641. D. 574 in 56 pages.....	117–139
Chernetsov V. N. Life of the Khanty and Mansi according to drawings of the 19th century. / V. N. Chernetsov // Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. – T. X. – M.-L.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1949. P. 7–33.	140–157
List of abbreviations	158
Imprint page	159

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Новый выпуск журнала «Северные древности: археология, этнография, история» посвящен 120-летию со дня рождения знаменитого исследователя, одного из первопроходцев молодой советской науки на Северном Урале и в Сибири – Валерия Николаевича Чернецова (1905–1970). Для нас большая честь участвовать в череде памятных мероприятий, связанных с научной деятельностью этого уникального археолога, этнографа, фольклориста и лингвиста, автора первого учебника мансийского языка, и представить материалы его отчетов, студенческие заметки первых экспедиций на страницах данного журнала. Структура номера построена таким образом, что включает в себя как первые публикации Валерия Николаевича, еще совсем молодого исследователя, студента, только нашедшего свое призвание в археологии и истории (1927–1928), так и отчеты второй половины 1940-х годов, созданные Чернецовым уже в качестве руководителя трудной и масштабной Мангазейской экспедиции Арктического института. Тексты даются без сокращений, отчеты о работе археологических экспедиций приводятся в печати впервые.

Задачи перед экспедициями ставились амбициозные – и в культурно-хронологическом, и в географическом плане. Начиная с 1925 года В. Н. Чернецов регулярно участвовал в долговременных экспедициях в районы расселения ханты и манси, затем ненцев и других народов Обского Севера, проводил археологические разведки и изучал наскальные изображения по берегам уральских рек, часто в труднодоступных районах. Читатель имеет возможность услышать эти уникальные рассказы от первого лица и вместе с ученым отправиться на Северный Урал, восхититься красотами суровой природы, мужеством и простотой честного быта местных жителей, заряжаясь любознательностью и оптимизмом исследователей. Валерий Чернецов рассказывает о проблемах, что поджидали в пути, во всех деталях (все-таки это отчеты!), тем интереснее, ближе и понятнее становятся читателю приключения и открытия, ожидавшие исследователей на Севере Урала и Западной Сибири.

Подтверждением широты научных интересов автора может послужить его диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук – «Основные этапы истории Приобья с древнейших времен до X в. н. э.», а затем монографии «Древняя история Нижнего Приобья» и «Нижнее Приобье в I тыс. н. э.», где впервые систематизированы накопленные материалы, выстроена хронология культурно-исторического развития региона от неолита до XIII в. н. э., которую исследователи используют до сих пор. На собранных материалах были выделены несколько археологических культур и разработана методология описания са-

мого массового для Севера Западной Сибири материала – керамики. В. Н. Чернецов одним из первых стал использовать орнамент в качестве главного культуромаркирующего признака, на основе которого можно судить и об уровне развития общества, его мировоззрении, и о влиянии сопредельных территорий, и о миграциях, инфильтрациях пришлого населения. Валерий Николаевич благодаря своему этнографическому опыту активно использовал ретроспективный метод и в археологии, применяя этнографические параллели для интерпретации археологических материалов, что крайне справедливо для

традиционных обществ Севера Урала и Западной Сибири, где многие сферы с минимальными изменениями сохраняются вплоть до этнографической современности.

Методологически работы Чернецова сформировали не одно поколение высококлассных ученых, специалистов по археологии, этнографии, языкам народов Сибири, чье понимание археологической культуры как динамичной многообразной системы расширило наши представления об истории родного края. Мы надеемся, что открытие в этом году в Сургутском государственном университете аудитории имени Валерия Николаевича Чернецова вдохновит еще не одно поколение студентов встать на трудный, но такой невероятно интересный путь научного поиска!

До новых встреч!

УДК 929
DOI 10.31630/2949-3609-2025-1-10-41

Г. П. Визгалов^{1,2,4}, О. В. Кардаш^{1,2,3}, К. К. Ермакова^{1,3}, И. В. Слесаренко^{1,3}

¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

² ООО «НПО «Северная археология – 1», Нефтеюганск, Россия

³ Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

⁴ АНО «Институт археологии Севера», Нефтеюганск, Россия

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ – ЛЕГЕНДА АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА (БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Аннотация. Это обобщенный биографический очерк, основанный на исследованиях, жизненном и научном пути В. Н. Чернецова. Мы постарались объективно рассмотреть жизненный путь, научную и экспедиционную деятельность исследователя. Чернецов являлся археологом, историком, этнографом, фольклористом и лингвистом, объединившим свои естественно-научные знания с гуманитарными науками. Благодаря этому его по праву можно назвать основоположником междисциплинарного подхода к научным исследованиям, что является основой югорской археологии и остается самым востребованным и актуальным подходом в наши дни.

Annotation. The article presents a biographical essay based on the research, life and scientific path of V. N. Chernetsov. We tried to objectively consider the researcher's life, scientific and expedition activities. Chernetsov was an archaeologist, historian, ethnographer, folklorist, and linguist who combined natural science with the humanities. Due to this, he could rightfully be called the founder of an interdisciplinary approach to scientific research, which is the basis of Yugra archeology and remains the most sought-after and relevant approach nowadays.

Ключевые слова: этнография, Север Западной Сибири, Урал, Ямал, Мангазея, раскопки, экспедиции, писаницы, научное изучение Сибири

Keywords: ethnography, the North of Western Siberia, the Urals, Yamal, Mangazeya, excavations, expeditions, rock paintings, scientific investigation of Siberia

Становление югорской археологии как науки – сложный и многогранный процесс, основанный на слиянии гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. С историографической точки зрения югорская археология и ее развитие чаще всего рассматриваются в отчетах о научно-исследовательских работах в сфере изучения археологического наследия, и крайне редко – в научных публикациях. Исключением являются монографические издания, посвященные крупным и известным памятникам археологии ХМАО-Югры и Ямала. Объединяющим звеном этих монографий зачастую является Валерий Николаевич Чернецов.

В. Н. Чернецов – человек широкого кругозора, видный специалист в сфере археологии, этнографии коренных народов Югры и Ямала, владевший мансийским языком. Результатам его научной деятельности посвящено множество публикаций, его биография стала примером для многих исследователей, а те, кто знал Чернецова лично, часто упоминают его незаурядность и при этом простоту, которая часто поражала их до глубины души [Герасимова, 2015; Гурьянова, 1998; Приложение 3]. Как мы говорили ранее, о Чернецове написано много, однако когда начинаешь изучать

и сравнивать труды различных авторов, видишь, что они зачастую либо не учитывают некоторых аспектов деятельности, либо содержат полярные позиции, посвященные тому или иному вопросу, и чаще всего это касается его научной работы: Чернецов – археолог или все же этнограф? Обе позиции не только имеют право на жизнь, но и обладают достаточно серьезной аргументацией. Однако мы придерживаемся более усредненной, но объективной позиции: Чернецов является в первую очередь археологом (наиболее значимые научные работы ученого посвящены археологическому наследию) и только потом – этнографом. Этнография стала тем, что привело Чернецова в науку, когда он еще был студентом, и тем, что способствовало его развитию как археолога. Как показали десятилетия исследований Валерия Николаевича, археология и этнография на Севере неразрывно связаны: невозможно построить полноценную картину прошлого, не привлекая данных этнографии, фольклора коренного населения, особенно в закрытых обществах и на территориях, отдаленных не только географически, но и культурно.

Данная статья представляет собой обобщенный биографический очерк, основанный на исследовани-

ях жизненного и научного пути Валерия Николаевича Чернецова. Здесь мы постарались объективно рассмотреть биографию ученого, его научную и экспедиционную деятельность. В рамках подготовки публикации нами был собран полный список публикаций исследователя, составлен список научных отчетов, основанный на общем реестре археологических исследований 1930–1960-х гг., составлена карта исследований Чернецова на протяжении его жизни, собран полный фотоархив, доступный в открытых сетевых изданиях и интернет-ресурсах, а также список публикаций, посвященных ученому, на 2024 год.

Таким образом, нам удалось выяснить, что Валерий Николаевич Чернецов является автором 47 научных, научно-популярных и образовательных публикаций [Приложение 1], 14 отчетов о научных экспедициях [Приложение 2], а его жизни и деятельности посвящена 31 статья [Приложение 3]. География его исследований представлена на карте Западной Сибири, где отражены его экспедиции и годы исследований. Фотографии, опубликованные в настоящем журнале, были повышены в качестве [Приложение 4]. Также мы впервые публикуем отчеты Чернецова о Мангазейской экспедиции 1946 г., включающей раскопки Мангазейского городища и стоянки «Зеленая Горка».

Мы не претендуем на исчерпывающий обзор – учесть всё пока является задачей недостижимой, ведь существуют до сих пор не исследованные дневники ученого, личная библиотека и архив, часть публикаций попросту не сохранилась до наших дней, фотоархив исследователя также не обладает единым местом хранения, вследствие чего его достаточно сложно найти и изучить. Тем не менее, изучив все доступные нам источники, мы смогли собрать наиболее полный архив и представляем его в настоящей работе.

Валерий Чернецов родился в Москве в семье архитектора. В 1920 г. он поступил на биологическое отделение Пречистенского рабочего факультета. Следующим летом он прошел практику на биологической станции под Москвой. Однако зимой 1922 г. Валерий Николаевич перевелся в Московский электротехнический институт, где его пригласили принять участие в геологической экспедиции на Урал в качестве радиотехника [Китова, Чидина, 2016. С. 6]. Именно эта экспедиция во многом предопределила его дальнейшую судьбу: по возвращении из экспедиции Чернецов поступает на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского государственного университета по специальности «Этнография финно-угорских народов». В конце августа 1926 – начале февраля 1927 г., еще студентом, он объехал Северную Сосьву, участвовал в Приполярной переписи населения 1926 г. Именно к этому времени относятся его первые публикации, основанные на полевых материалах: статья «Жертвоприношение у вогулов» была опубликована в журнале «Этнограф-исследователь», который выпускался этнографическим кружком, функционирующим при

Ленинградском университете [Чернецов, 1927]. Следующие работы – «Зоопарк вогула Алхати» и «Встреча с лапландской совой» – опубликованы в набиравшем популярность журнале «Всемирный следопыт» [Чернецов, 1928]. Именно здесь впервые встречается фотография Валерия Николаевича в мансийском костюме.

Будучи студентом, в 1927–1928 гг., помимо Северной Сосьвы, он обследовал бассейны рек Тагила и Ивделя, Конды и Средней Оби, а также начал изучение тагильских наскальных изображений, изучал обряд Медвежьего праздника у ханты и манси [Чернецов, 2001]. Валерий Николаевич отличался неконфликтным характером, легко сходился с людьми, благодаря чему смог найти общий язык с коренным населением Севера: манси называли его *Лос махум*, что означает «лозвинский мужчина» [Герасимова, 2015. С. 152].

По окончании обучения (1930 г.) Валерий Николаевич преподавал в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена, был научным сотрудником Института народов Севера. За годы пребывания на Севере Западной Сибири Чернецов выучил язык манси и стал одним из авторов первой азбуки и учебников мансийского языка. В это время вышли его статьи о культуре манси: языковедческие и этнографические о терминах мансийского языка касательно средств передвижения, о чуме, фратриальном устройстве обских угров, мансийский букварь, книги по обучению грамоте в начальных школах Севера, мансийско-русский словарь [Чернецов, Ришес, 1932; Чернецов, 1934; 1935; Чернецов, Чернецова, 1936; Про мышонка..., 1936; Чернецов, 1936; 1937a; 1937b].

Наряду с преподавательской деятельностью экспедиции оставались важной составляющей жизни Чернецова. В конце июня 1931 г. ученый вновь посетил Лозьву, где пробыл до середины декабря. Обширную территорию бассейнов Конды, Юконды, Тапа и Северной Сосьвы Валерий Николаевич объехал с начала сентября 1933-го по начало января 1934 г. В этой экспедиции он решал практические задачи – в частности, вел методическую работу со школьными учителями. Будучи для манси «своим среди своих», он нередко помогал им решать житейские вопросы.

1935 год положил начало его карьеры в качестве археолога. В августе этого года состоялась новая экспедиция на Северную Сосьву. Главная задача экспедиции – «Археологическое исследование городищ и других древних вогульских поселений». В этой экспедиции была собрана коллекция мансийских предметов, выполнены зарисовки о мансийской культуре, а также начал складываться фото- и видеоархив. Следующая экспедиция на Северную Сосьву и прилегающий участок Оби состоялась в декабре 1936 – январе 1937 гг. Осенью 1938-го Чернецов исследовал бассейны Тагила и Ивделя (сентябрь – ноябрь).

В 1940 г. Чернецов переехал в Москву и более тридцати лет являлся научным сотрудником Института археологии Академии наук СССР. Научные интересы

Исследование выполнено в рамках государственных заданий Сургутского государственного университета № 2023-227-18 «Югорская археология и этнография: сохранение и изучение культурного наследия в условиях нефтегазового освоения Севера» и ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0013 «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков».

В. Н. Чернецова чрезвычайно широки. Он был крупнейшим специалистом по языку, этнографии и фольклору Зауралья и Сибири. Во время Великой Отечественной войны Чернецов читал лекции по этнографии и фольклору народов Сибири в Московском государственном университете. В 1941 г. он выпустил очерк об этногенезе обских угров [Чернецов, 1941], а в 1942-м г. защитил кандидатскую диссертацию «Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X века н. э.» [Чернецов, 1942]. В 1945 г. В. Н. Чернецов работал на раскопках Омской стоянки [Чернецов, 1947].

В 1946 г. Валерий Николаевич стал руководителем Мангазейской экспедиции Арктического института. Он занимался обследованием Мангазейского городища и сбором материалов по этнографии тазовских селюков. Это была масштабная и трудная экспедиция, где фактически сразу все пошло не так: средства, которые должны были перевести в начале июля, поступили лишь во второй половине августа, из-за чего пришлось значительно уменьшить масштабы работ и проводить исследования в долг. Изначально было запланировано исследование не только Мангазеи, но и Сале-Харда, Зеленой Горки, Усть-Полуйского городища, памятников близ селения Лабет-нанг, Катра-вож и Пель-вож. Однако вследствие финансовых проблем и неблагоприятных погодных условий экспедиция была вынуждена отказаться от изучения последних. В ожидании парома на Мангазею были организованы раскопки на месте типографии (бывшей Васильевской церкви), расположенной на Обдорском холме. Как гласит отчет об экспедиции, представленный в настоящем выпуске журнала, учеными вскрыто около 40 кв. м, но из-за слоя мерзлой щепы, местами достигающего метра, не все участки удалось обследовать полностью. Тем не менее проведенные исследования позволили дать характеристику культурного слоя на Обдорском холме и выявить памятник эпохи ранней бронзы, известный ныне как стоянка Салехард I [Кардаш, 2013. С. 9]. Изучение Зеленой Горки также пришлось начать с некоторой задержкой, всего удалось исследовать около 44 кв. м, на которых были выявлены следы стоянки, предположительно эпохи позднего неолита – ранней бронзы, а также, возможно, следы могильника Усть-Полуйского времени. В одном из раскопов были обнаружены следы поселения IX–X вв.

В конце августа удалось вылететь в Хальмер-Седе, где было обнаружено городище предположительно эпохи позднего железа. Исследования Мангазеи как таковой удалось начать лишь в середине сентября, и проводились они вплоть до образования снежного покрова, что случилось 5 октября. В отчете представлено описание территории городища, а также вещевого комплекса, включающего костные остатки, керамику, стекло, железо, фаянс, а также индивидуальные предметы. По окончании археологических работ экспедиция занялась проведением этнографических исследований, которые продлились до 23 ноября. Этой деятельности

экспедиции посвящена третья часть отчета. Во время этнографических исследований научные работники жили в землянке, построенной близ Мангазейского городища, так как жить в палатках из-за сильных морозов стало невозможно. Вылететь в Москву удалось лишь 3 февраля.

С 1948 г. Валерий Николаевич руководил Западно-Сибирской археологической экспедицией и занимался изучением этнографии ханты и манси Средней Оби. В рамках этих исследований он посетил Кондинск и Вежакары. В период 1948–1956 гг. Чернецов проводил исследования по правому берегу Оби. Результатом стала публикация двух монографий: «Древняя история Нижнего Приобья» (1953) и «Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры» (1957) [Древняя история..., 1953; Чернецов, 1957]. В 1956 г. выходит книга под названием «Народы Сибири», где он стал одним из авторов раздела «Ханты и манси» [Чернецов, 1956]. В 1950-х гг. Чернецов вновь посещает стоянку Зеленая Горка и выделяет зеленогорскую культуру [Чернецов, 1957].

Чернецов является автором основной периодизации нижнеобской культуры, разделив ее на четыре этапа: ярсалинский, карымский, оронтурский, кинтусовский. Данная периодизация, с некоторыми доработками, легла в основу археологии Нижнего Приобья и применяется в наши дни.

Начав изучение тагильских писаниц еще студентом, Валерий Николаевич продолжил эту работу в конце 1950-х. В результате был собран огромный материал, который обобщен в двух томах его докторской диссертации «Наскальные изображения Урала» (1964 и 1970 гг.). Работа построена с учетом всей суммы собранных автором данных о духовной и материальной культуре народов региона. Помимо публикации накопленного материала, касающегося непосредственно уральских писаниц, работа содержит многочисленные факты и наблюдения этнографического характера, собранные автором в течение жизни [Чернецов, 1964; 1970; 1971]. Защитить диссертацию ученому не довелось – он скончался в 1971 г. вследствие тяжелой болезни.

В 1987 г. увидела свет книга его коллег Н. В. Лукиной и О. М. Рыдиной «Источники по этнографии Западной Сибири» [Источники по этнографии..., 1984], в которой собраны и апробированы материалы полевых исследований В. Н. Чернецова 1925–1938 гг.

В настоящем 2025 году исполняется 120 лет со дня рождения великого исследователя. В честь этой знаменательной даты при Сургутском государственном университете была торжественно открыта именная аудитория, посвященная Валерию Николаевичу. В аудитории расположена подготовленная коллективом Центра югорской археологии и этнографии выставка «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера» [Приложение 5], где представлена краткая биография, полный фотоархив, собранный в открытых интернет-источниках. Достоянием выставки являют-

ся прижизненные публикации Чернецова, в т. ч. его первые студенческие работы, его кандидатская диссертация, а также автореферат и сама диссертация, подготовленная для защиты степени доктора исторических наук. Идеальным вдохновителем выставки выступил О. В. Кардаш, ее дизайнерское воплощение, а также портрет молодого исследователя по мотивам самой известной фотографии ученого в мансийском костюме выполнены художником-реставратором Е. А. Следь. Сбор информации, поиск печатных изданий и прижизненных трудов В. Н. Чернецова, а также создание фотоархива производилось студентами исторического направления при наставничестве сотрудников Центра югорской археологии и этнографии. Торжественное открытие выставки состоялось в первый день VI международного Северного археологического конгресса, где собралось множество именитых ученых, посвятивших жизнь Северу. Выставку с научно-методической и музейной точки зрения высоко оценили не только современные исследователи, но и ученые, знакомые с деятельностью Чернецова не понаслышке – Н. И. Дроздов и В. В. Бобров были знакомы с Чернецовым будучи еще студентами.

Литература и источники

1. Герасимова Д. В. Памяти В. Н. Чернецова посвящается // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № S4 (39). С. 151–154.
2. Гурьянова Г. Г. В. Н. Чернецов – исследователь древнего искусства Западной Сибири // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Вып. 2: Кн. 1: Историческое исследование. 1998. С. 32–38.
3. Древняя история Нижнего Приобья / сост. В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, И. А. Талицкая; под ред. А. В. Збруевой. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 360 с.
4. Источники по этнографии Западной Сибири / сост. Н. В. Лукина, О. М. Рындина. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. 284 с.
5. Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. 380 с. (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура).
6. Китова Л. Ю., Чидина Л. А. В. Н. Чернецов: путь в науку и методолого-методическое наследие // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 5–11.
7. Про мышонка: сказки и песни народов манси (вогулов) = Маһар-уҗ егь: mansi mojtmt, erbmt / собр. Чернецов В. Н., Чернецова И. Я. Л.: Детская литература, 1936. 19 с.
8. Чернецов В. Н. Вогульские сказки: сборник фольклора народа Манси (вогулов) / под ред. и с предисл. В. Г. Богораза-Тана. Л.: Гослитиздат, 1935. 141 с.
9. Чернецов В. Н. Встреча с лапландской совой // Всемирный следопыт. 1928. № 2. С. 143–145.
10. Чернецов В. Н. Жертвоприношение у вогулов // Этнограф-исследователь. Журнал Научно-исследовательского этнографического кружка этноотделения геофака Ленинградского государственного университета. 1927. № 1. С. 21–25.
11. Чернецов В. Н. Зоопарк вогула Алхати // Всемирный следопыт. 1928. № 2. С. 140–143.
12. Чернецов В. Н. Книга для чтения. Часть вторая: перевод с мансийского языка. М.; Л.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1934. 71 с.
13. Чернецов В. Н. Мансийский (вогульский) язык. Очерк фонетики, морфологии и синтаксиса // Языки и письменность народов Севера. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.; Л.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1937а. С. 161–192.
14. Чернецов В. Н. Медвежий праздник у обских угров. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. 48 с.
15. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М.: Наука, 1964. 52 с.
16. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала: автореф. дис. ... доктора ист. наук. М.: [б. и.], 1970. 62 с.
17. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М.: Наука, 1971. 118 с.
18. Чернецов В. Н. Новый путь. Начальная мансийская учебная книга. Л.: Учпедгиз, 1932. 80 с.

19. **Чернецов В. Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. 1957. № 58. С. 136–245. (Материалы и исследования по археологии СССР).
20. **Чернецов В. Н.** Отчет о разведках в Омской области // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. № 17. С. 79–91.
21. **Чернецов В. Н.** Очерк этногенеза обских угров // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1941. № 9. С. 18–28.
22. **Чернецов В. Н.** Термины средств передвижения в мансийском языке // Сборник статей памяти В. Г. Богораза. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937б. С. 349–365.
23. **Чернецов В. Н.** Фратриальное устройство югорского общества // Советская этнография. 1939. № 2. С. 20–42.
24. **Чернецов В. Н.** Ханты и манси // Народы Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 570–607.
25. **Чернецов В. Н.** Чум // Советская этнография. 1936. № 6. С. 85–92.
26. **Чернецов В. Н., Ришес Л. Д.** Советский Север: Книга по обучению грамоте для национальных школ Севера. Л.: Учпедгиз, 1932. 63 с.
27. **Чернецов В. Н., Чернецова И. Я.** Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М., Л.: Учпедгиз, 1936. 116 с.

Сведения об авторах

Визгалов Георгий Петрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра Института гуманитарного образования и спорта, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет, г. Сургут; научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; директор ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1», г. Нефтеюганск. SPIN-код: 6728-8917

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Кардаш Олег Викторович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра Института гуманитарного образования и спорта, доцент Кафедры истории России, Сургутский государственный университет, г. Сургут; научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; директор Автономной некоммерческой организации «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.

SPIN-код: 8401-0471

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Ермакова Ксения Кирилловна – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра Института гуманитарного образования и спорта, Сургутский государственный университет, г. Сургут, младший научный сотрудник Автономной некоммерческой организации «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.

E-mail: xeniya954@mail.ru

Слесаренко Инна Васильевна – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра Института гуманитарного образования и спорта, Сургутский государственный университет, г. Сургут, помощник директора Автономной некоммерческой организации «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.

E-mail: sliesarenko.inna@yandex.ru

G. P. Vizgalov^{1,2,4}, O. V. Kardash^{1,2,3}, K. K. Ermakova^{1,3}, I. V. Slesarenko^{1,3}

¹ Surgut State University, Surgut, Russia

² “Scientific Production Association “Northern Archeology – 1” LLC, Nefteyugansk, Russia

³ Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

⁴ ANO “Institute of Archeology of the North”, Nefteyugansk, Russia

V. N. CHERNETSOV – THE LEGEND OF THE ARCHEOLOGY OF THE NORTH (BIOGRAPHICAL ESSAY)

Summary

V. N. Chernetsov is a broad-minded scientist, a prominent specialist in archeology and ethnography of the indigenous peoples of Yugra and Yamal regions, who spoke the Mansi language. Many publications have been devoted to the results of his scientific investigations, his biography has become an example for many researchers, and those who knew Chernetsov personally often mentioned his extraordinariness and at the same time simplicity, which had often struck them to the core. As we said earlier, a lot has been written about Chernetsov, but when you start studying and comparing the works

of various authors, you see that they often either do not take into account certain aspects of his activities, or contain polar positions on a particular issue, and most often this concerns his scientific works. But as decades of Valery Nikolaevich's investigations have shown, archeology and ethnography in the North are inextricably linked: it is impossible to build a complete picture of the past without using ethnography and folklore of the indigenous population, especially in closed societies and in territories which are located far not only geographically but also culturally.

This article is a biographical essay based on research on life and scholarly biography of Valery Nikolaevich Chernetsov. We tried to objectively consider Chernetsov's biography, his scientific and expedition activities. Valery Nikolaevich Chernetsov is the author of 47 scientific, popular and educational publications, 14 reports on scientific expeditions. 31 articles are devoted to his life and work. The geography of his investigations is presented on the map of Western Siberia, which reflects his expeditions and years of research. The photos published in this journal have been improved in quality.

An auditorium named after Valery Nikolaevich was inaugurated at Surgut State University. The auditorium houses the exhibition “V. N. Chernetsov – legend of the archeology of the North”, which presents a short biography, a complete photo archive collected in open Internet sources. The domain of the exhibition is Chernetsov's lifetime publications, including his first student papers, his dissertation of Candidate of History, as well as his author's abstract and the dissertation, prepared for the defence of the degree of Doctor of Historical Sciences. Also for the exhibition, the artist E. A. Sled created a portrait of a young scientist, based on the most famous photograph of the researcher in a Mansi suit.

Valery Nikolaevich was simultaneously an archaeologist, historian, ethnographer, folklorist and linguist, who managed to combine natural science interests and technical knowledge with the history of art. Due to this breadth of views and a non-standard approach for his time, he can rightfully be called the founder of an interdisciplinary method in the investigations of archaeological, linguistic and ethnographic data. Such an integrated approach is the basis of Yugra archeology and nowadays remains the most in demand and relevant method of scientific research.

References

1. **Gerashimova D. V.** Pamyati V. N. Chernetsova posvyashchaetsya [Dedicated to the memory of V. N. Chernetsov] // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Yugra State University], 2015, No. S4 (39), pp. 151–154. (In Russ.).
2. **Gur'yanova G. G.** V. N. Chernetsov – issledovatel' drevnego iskusstva Zapadnoj Sibiri [V. N. Chernetsov – researcher of the ancient art of Western Siberia] // Gumanitarnoe znanie. Seriya «Preemstvennost'» [Humanitarian knowledge. The “Preemstvennost' (Succession)” series]. Vol. 2: Book. 1: Istoricheskoe issledovanie [Historical research], 1998, pp. 32–38. (In Russ.).
3. Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya [Ancient history of the Lower Ob region] / compiled by V. N. Chernetsov, V. I. Moshinskaya, I. A. Talitskaya; edit. A. V. Zbrueva. Moscow: AS USSR Publ., 1953, 360 p. (In Russ.).
4. Istochniki po etnografii Zapadnoj Sibiri [Sources on the ethnography of Western Siberia] / compiled by N. V. Lukina, O. M. Ryndina. Tomsk: Tomsk University Publ., 1987, 284 p. (In Russ.).
5. **Kardash O. V.** Polujskij mysovoj gorodok knyazej Tajshinyh [Poluysky cape town of the Taishin knyazes]. Ekaterinburg; Salekhard: Magellan, 2013, 380 p. (Obdorskiye gorodki v konce XVI – pervoj treti XVIII vv. Istoriya i material'naya kul'tura [Obdora towns at the end of the 16th – the first third of the 18th centuries. History and material culture]). (In Russ.).
6. **Kitova L. Yu., Chidina L. A.** V. N. Chernetsov: put' v nauku i metodologo-metodicheskoe nasledie [V. N. Chernetsov: the path to science and methodological-methodical heritage] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History], 2016, No. 4 (42), pp. 5–11. (In Russ.).
7. Pro myshonka: skazki i pesni narodov mansi (vogulov) [About the mouse: fairy tales and songs of the Mansi (Vogul) peoples] = Mahar-uj er": mansi mojtmt, erbmt / compiled by Chernetsov V. N., Chernetsova I. Ya. Leningrad: Detskaya literatura, 1936, 19 p. (In Russ.).
8. **Chernetsov V. N.** Vogul'skie skazki: sbornik fol'klora naroda Mansi (vogulov) [Vogul fairy tales: a collection of folklore of the Mansi people (Voguls)] / edit. and foreword by V. G. Bogoraz-Tan. Leningrad: Goslitizdat, 1935, 141 p. (In Russ.).
9. **Chernetsov V. N.** Vstrecha s laplandskoj sovoj [Meeting with the Lapland owl] // Vsemirnyj sledopyt [World Pathfinder], 1928, No. 2, pp. 143–145. (In Russ.).
10. **Chernetsov V. N.** Zhertvoprinoshenie u vogulov [Sacrifice at the Voguls] // Etnograf-issledovatel'. Zhurnal Nauchno-issledovatel'skogo etnograficheskogo kruzha etnootdeleniya geofaka Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta [Ethnographer-researcher. Journal of the Scientific Research Ethnographic Circle of the Ethnographic Department of the Leningrad State University Faculty of Geography], 1927, No. 1, pp. 21–25. (In Russ.).
11. **Chernetsov V. N.** Zoopark vogula Alhati [Zoo of Alkhati vogul] // Vsemirnyj sledopyt [World Pathfinder], 1928, No. 2, pp. 140–143. (In Russ.).
12. **Chernetsov V. N.** Kniga dlya chteniya. Chast' vtoraya: perevod s mansijskogo yazyka [A book for reading. Part two: translation from the Mansi language]. Moscow; Leningrad: Gos. uchebno-ped. izd-vo publ., 1934, 71 p. (In Russ.).

13. **Chernetsov V. N.** Mansijskij (vogul'skij) yazyk. Oчерk fonetiki, morfologii i sintaksisa [The Mansi (Vogul) language. An essay on phonetics, morphology and syntax] // Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Yazyki i pis'mennost' samoedskih i finno-ugorskih narodov [Languages and writing of the peoples of the North. Languages and writing of the Samoyed and Finno-Ugric peoples]. Moscow ; Leningrad : Gos. uch.-ped. izd-vo publ., 1937a, pp. 161–192. (In Russ.).

14. **Chernetsov V. N.** Medvezhij prazdnik u obskih ugrov [The Bear festival among the Ob Ugrians]. Tomsk : Tomsk University Publ., 2001, 48 p. (In Russ.).

15. **Chernetsov V. N.** Naskal'nye izobrazheniya Urala [Rock paintings of the Urals]. Moscow : Nauka, 1964, 52 p. (In Russ.).

16. **Chernetsov V. N.** Naskal'nye izobrazheniya Urala: avtoref. dis. ... doktora ist. Nauk [Rock paintings of the Urals: abstract of the dissertation. ... Doctor of Historical Sciences]. Moscow, 1970, 62 p. (In Russ.).

17. **Chernetsov V. N.** Naskal'nye izobrazheniya Urala [Rock paintings of the Urals]. Moscow : Nauka, 1971, 118 p. (In Russ.).

18. **Chernetsov V. N.** Novyj put'. Nachal'naya mansijskaya uchebnaya kniga [The New Way. The initial Mansi educational book]. Leningrad : Uchpedgiz, 1932, 80 p. (In Russ.).

19. **Chernetsov V. N.** Nizhnee Priob'ye v I tysyacheletii nashej ery [The Lower Ob region in the first millennium CE] // Kul'tura drevnih plemen Priural'ya i Zapadnoj Sibiri [Culture of the ancient tribes of the Urals and Western Siberia], 1957, No. 58, pp. 136–245. (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [Materials and investigations on archeology of the USSR]). (In Russ.).

20. **Chernetsov V. N.** Otchet o razvedkah v Omskoj oblasti [Report on exploration in the Omsk region] // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury [Brief reports of the Institute of the History of Material Culture], 1947, No. 17, pp. 79–91. (In Russ.).

21. **Chernetsov V. N.** Oчерk etnogeneza obskih ugrov [An essay on the ethnogenesis of the Ob Ugrians] // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury [Brief reports of the Institute of the History of Material Culture], 1941, No. 9, pp. 18–28. (In Russ.).

22. **Chernetsov V. N.** Terminy sredstv peredvizheniya v mansijskom yazyke [Terms of means of transport in the Mansi language] // Sbornik statej pamyati V. G. Bogoraza [Collection of articles in the memory of V. G. Bogoraz]. Moscow ; Leningrad : AS USSR Publ., 1937b, pp. 349–365. (In Russ.).

23. **Chernecov V. N.** Fraternal'noe ustrojstvo yugorskogo obshchestva [The phratry structure of the Yugra society] // Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography], 1939, No. 2, pp. 20–42. (In Russ.).

24. **Chernetsov V. N.** Hanty i mansi [Khanty and Mansi] // Narody Sibiri [Peoples of Siberia] / edit. M. G. Levin, L. P. Potapov. Moscow : AS USSR Publ., 1956, pp. 570–607. (In Russ.).

25. **Chernetsov V. N.** Chum [Chum] // Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography], 1936, No. 6, pp. 85–92. (In Russ.).

26. **Chernetsov V. N., Rishes L. D.** Sovetskij Sever : Kniga po obucheniyu gramote dlya nacional'nyh shkol Severa [The Soviet North : A book on literacy education for national schools of the North]. Leningrad : Uchpedgiz, 1932, 63 p. (In Russ.).

27. **Chernetsov V. N., Chernetsova I. Ya.** Kratkij mansijsko-russkij slovar' s prilozheniem grammaticheskogo oчерka [A short Mansi-Russian dictionary with a grammatical essay]. Moscow, Leningrad : Uchpedgiz, 1936, 116 p. (In Russ.).

Information about the authors

Vizgalov Georgiy P. – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of the History of Russia, leading researcher of the Yugra Laboratory of Archeology and Ethnography, Institute of Humanities and Sport SurSU, Surgut; researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk; director of LLC “SPA “Northern Archaeology – 1”, Nefteyugansk.

SPIN-код: 6728-8917

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Kardash Oleg V. – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of the History of Russia, head of the Yugra Archaeology and Ethnography, the Institute of Humanities and Sport SurSU, Surgut; researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk; director of ANO “Institute of Archeology of the North”, Nefteyugansk.

SPIN-код: 8401-0471

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Ermakova Ksenia K. – laboratory assistant of Yugra Laboratory of Archeology and Ethnography, Institute of Humanities and Sport SurSU, Surgut; laboratory assistant of ANO “Institute of Archeology of the North”, Nefteyugansk.

E-mail: xeniya954@mail.ru

Slesarenko Inna V. – junior researcher of the Yugra Laboratory of Archeology and Ethnography, Institute of Humanities and Sport SurSU, Surgut; assistant director of ANO “Institute of Archeology of the North”, Nefteyugansk.

E-mail: slesarenko.inna@yandex.ru

Приложение 1

Список публикаций В. Н. Чернецова

1. **Чернецов В. Н.** Зоопарк вогула Алхати / В. Н. Чернецов // Всемирный следопыт. – М. : Красный пролетарий, 1928. – № 2. – С. 140–143.

2. **Чернецов В. Н.** Встреча с лапландской совой / В. Н. Чернецов // Всемирный следопыт. – М. : Красный пролетарий, 1928. – № 2. – С. 143–145.

3. **Чернецов В. Н.** Новый путь. Начальная мансийская учебная книга / В. Н. Чернецов. – Л. : Учпедгиз, 1932. – 80 с.

4. **Чернецов В. Н.** Советский Север : Книга по обучению грамоте для национальных школ Севера / В. Н. Чернецов, Л. Д. Ришес. – Л. : Учпедгиз, 1932. – 63 с.

5. **Чернецов В. Н.** Книга для чтения. Часть вторая : перевод с мансийского языка / В. Н. Чернецов. – М. ; Л. : Гос. уч.-пед. изд-во, 1934. – 71 с.

6. **Чернецов В. Н.** Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.) / В. Н. Чернецов // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8. – Томск ; Ханты-Мансийск, 2010. – Вып. 8. – С. 507–512.

7. **Чернецов В. Н.** Вогульские сказки : сборник фольклора народа манси (вогулов) / В. Н. Чернецов ; под ред. и с предисл. В. Г. Богораза-Тана. – Л. : Гослитиздат, 1935. – 141 с.

8. **Чернецов В. Н.** Древняя приморская культура на полуострове Ямал / В. Н. Чернецов // Советская этнография. – 1935. – № 4–5. – С. 109–133.

9. **Чернецов В. Н.** Краткий мансийско-русский словарь : с приложением грамматического очерка / В. Н. Чернецов, И. Я. Чернецова. – Москва [и др.] : Учпедгиз, 1936. – 116 с.

10. **Чернецов В. Н.** Про мышонка : сказки и песни народов манси (вогулов) = Маһаһ-цј егъь : mansi mojtmt, erbmt / В. Н. Чернецов, И. Я. Чернецова. – Л. : Детская литература, 1936. – 19 с.

11. **Чернецов В. Н.** Чум / В. Н. Чернецов // Советская этнография, 1936. – № 6. – С. 85–92.

12. **Чернецов В. Н.** Термины средств передвижения в мансийском языке / В. Н. Чернецов // Сборник статей памяти В. Г. Богораза. – М. ; Л. : АН СССР, 1937. – С. 349–365.

13. **Чернецов В. Н.** Мансийский (вогульский) язык. Очерк фонетики, морфологии и синтаксиса / В. Н. Чернецов // Языки и письменность народов Севера. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. – М. ; Л. : Гос. уч.-пед. изд-во, 1937. – С. 161–192.

14. **Чернецов В. Н.** Фратриальное устройство югорского общества / В. Н. Чернецов // Советская этнография, 1939. – № 2. – С. 20–42.

15. **Чернецов В. Н.** Очерк этногенеза обских угров / В. Н. Чернецов // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Б. м. : б. и., 1941. – № 9. – С. 18–28.

16. **Чернецов В. Н.** Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н. э. // КСИИМК. Вып. XIII. – М. ; Л. : АН СССР, 1946. – С. 153–156.

17. **Чернецов В. Н.** К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье / В. Н. Чернецов. – Б. м. : б. и., – 1947. – Т. 1. – С. 113–134.

18. **Чернецов В. Н.** О работах Мангазейской экспедиции / В. Н. Чернецов // КСИИМК. Вып. XXI. – М. ; Л. : АН СССР, 1947. 166 с. – С. 159–162.

19. **Чернецов В. Н.** Опыт типологии западносибирских кельтов / В. Н. Чернецов // КСИИМК. Вып. XVI. – М. ; Л. : АН СССР, 1947. – С. 65–78.

20. **Чернецов В. Н.** Результаты археологической разведки в Омской области / В. Н. Чернецов – Б. м., 1947. – С. 79–91.

21. **Чернецов В. Н.** К истории родового строя обских угров / В. Н. Чернецов // Советская этнография, 1947. – № 6–7. – С. 159–183. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_801876/?ysclid=ltx8ugqhmh841641895.

22. **Чернецов В. Н.** Орнамент ленточного типа у обских угров / В. Н. Чернецов // Советская этнография, 1948. – № 1. – С. 139–152.

23. **Чернецов В. Н.** Быт хантов и манси по рисункам XIX в. // МАЭ. Т. X. – М. ; Л., 1949. – С. 159–162.

24. **Чернецов В. Н.** Зеленая горка близ Салехарда // КСИИМК. Вып. XXV. – М. ; Л. : АН СССР, 1949. – С. 67–74.

25. **Чернецов В. Н.** Городище Большой Лог / В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская // КСИИМК. Вып. XXXVII. – М. ; Л. : АН СССР, 1951. – С. 78–87.

26. **Чернецов В. Н.** Городище Андрюшин городок / В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская // КСИИМК. Вып. 51. – М., 1953. – С. 93–98.

27. **Чернецов В. Н.** Древняя история Нижнего Приобья / В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, И. А. Талицкая ; под ред. А. В. Збруевой ; АН СССР, Ин-т истории материальной культуры. – М. : изд-во АН СССР, 1953. – 360 с.
28. **Чернецов В. Н.** В поисках древней родины угорских народов / В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М., 1954. – С. 163–192.
29. **Чернецов В. Н.** Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / А. П. Смирнов, В. И. Мошинская, В. Н. Чернецов, И. М. Золотарева. – М. : изд-во АН СССР, 1957. – 252 с.
30. **Чернецов В. Н.** Представления о душе у обских угров / В. Н. Чернецов // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. – М. ; Л. : изд-во АН СССР, 1959. – Т. 51. – С. 114–156.
31. **Чернецов В. Н.** К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угорско-самодийской) общности / В. Н. Чернецов // Тезисы «Congressus internationalis fenno-ugristarum Budapestini Habitus». – Budapest, 1963. – С. 405–411.
32. **Чернецов В. Н.** К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре / В. Н. Чернецов. – М. : Наука, 1964. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006389610/?ysclid=ltx94sspb153499661
33. **Чернецов В. Н.** Наскальные изображения Урала / В. Н. Чернецов. – М. : Наука, 1964. – 52 с.
34. **Чернецов В. Н.** Исчезнувшее искусство (узоры, выдавленные зубами на бересте у манси) / В. Н. Чернецов // Советская этнография, 1964. – № 3. – С. 53–63.
35. **Чернецов В. Н.** Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем / В. Н. Чернецов // Congressus Secundus Internationalis fenno-ugristarum. – Helsinki, 1968. – Pars II: Acta ethnologica. – С. 102–111.
36. **Чернецов В. Н.** К вопросу о составе уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. – М. : Наука, 1968. – С. 41–52.
37. **Чернецов В. Н.** Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии / В. Н. Чернецов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск : изд-во Том. ун-та, 1969. – С. 112–119.
38. **Чернецов В. Н.** Наскальные изображения Урала : автореф. дис. ... д-ра ист. наук (575) / В. Н. Чернецов. – М. : [б. и.], 1970. – 62 с.
39. **Чернецов В. Н.** Наскальные изображения Урала / В. Н. Чернецов. – М. : Наука, 1971. – 118 с.
40. **Чернецов В. Н.** Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита / В. Н. Чернецов // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука, 1973. – С. 10–17 [посмертно].
41. **Чернецов В. Н.** О некоторых общих чертах в древних культурах народов Западной Сибири и Северной Америки / В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская // Бронзовый и железный век Сибири / Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. – Новосибирск, 1974. – С. 288–293 [посмертно].
42. **Чернецов В. Н.** Источники по этнографии Западной Сибири / В. Н. Чернецов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. – 279 с. [посмертно].
43. **Чернецов В. Н.** Земляной братец : мансийские сказки, предания, песни, загадки / В. Н. Чернецов. – Томск [и др.] : изд-во Том. ун-та, 1997. – 131 с. [посмертно].
44. **Чернецов В. Н.** Медвежий праздник у обских угров / В. Н. Чернецов. – Томск : изд-во Том. ун-та, 2001. – 48 с. [посмертно].

Список научных отчетов В. Н. Чернецова

1. Отчет В. Н. Чернецова о работе Обь-Иртышской экспедиции 1958 г. (Институт археологии РАН).
2. Отчет В. Н. Чернецова о работах, проведенных Мангазейской экспедицией в 1946 г. (Институт археологии РАН).
3. Отчет В. Н. Чернецов – археологические разведки Омской области 1945 г. (Институт археологии РАН).
4. Отчет В. Н. Чернецова о работе Обь-Иртышской экспедиции 1949 г. (Институт археологии РАН).
5. **Чернецов В. Н.** Отчет о разведках в Омской области // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1947. – № 17. – С. 79–91.
6. **Чернецов В. Н.** Отчет. Лозьва. 1925 г. (Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. – С. 284).
7. **Чернецов В. Н.** Отчет. Тагил, Ивдель. 1938 г. (Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. – С. 284).
8. **Чернецов В. Н.** Отчет об этнографической экспедиции института антропологии, археологии и этнографии Академии СССР в Остяко-Вогульский национальный округ (1937) // Советская этнография. – 1937. – № 4. – С. 209–211.
9. **Чернецов В. Н.** Отчет о работе Западно-Сибирской экспедиции в 1950 г. (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1945–1954 гг. / отв. ред. : Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков ; сост. : С. И. Болдырев, А. В. Ковальчук, У. Ю. Кочкаров, Е. Ю. Лебедева, О. А. Роянова, И. М. Умарова. – М. : ИА РАН, 2009. – 352 с.).
10. **Чернецов В. Н., Мошинская В. И.** Отчет о работе Западно-Сибирской экспедиции 1951 г. (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1945–1954 гг. / отв. ред. : Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков ; сост. : С. И. Болдырев, А. В. Ковальчук, У. Ю. Кочкаров, Е. Ю. Лебедева, О. А. Роянова, И. М. Умарова. – М. : ИА РАН, 2009. – 352 с.).
11. **Чернецов В. Н.** Отчет о работах Западно-Сибирской археологической экспедиции 1959 г. (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1945–1954 гг. / отв. ред. : Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков ; сост. : С. И. Болдырев, А. В. Ковальчук, У. Ю. Кочкаров, Е. Ю. Лебедева, О. А. Роянова, И. М. Умарова. – М. : ИА РАН, 2009. – 352 с.).
12. **Чернецов В. Н.** Отчет о работах Первого отряда Западно-Сибирской экспедиции в 1960 г. (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1945–1954 гг. / отв. ред. : Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков ; сост. : С. И. Болдырев, А. В. Ковальчук, У. Ю. Кочкаров, Е. Ю. Лебедева, О. А. Роянова, И. М. Умарова. – М. : ИА РАН, 2009. – 352 с.).
13. **Чернецов В. Н.** Отчет о работах Западно-Сибирской экспедиции в 1952 г. (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1945–1954 гг. / отв. ред. : Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков ; сост. : С. И. Болдырев, А. В. Ковальчук, У. Ю. Кочкаров, Е. Ю. Лебедева, О. А. Роянова, И. М. Умарова. – М. : ИА РАН, 2009. – 352 с.).
14. **Чернецов В. Н.** Отчет о работе Обь-Иртышской экспедиции в 1948 г. (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1945–1954 гг. / отв. ред. : Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков ; сост. : С. И. Болдырев, А. В. Ковальчук, У. Ю. Кочкаров, Е. Ю. Лебедева, О. А. Роянова, И. М. Умарова. – М. : ИА РАН, 2009. – 352 с.).

Приложение 3

Список публикаций о В. Н. Чернецове

1. **Бурыкин А. А.** Исследования по этнографии и фольклору народов Северо-Западной Сибири / А. А. Бурыкин, В. Н. Соловар. – 2-е изд., доп. – Тюмень : ООО «ФОРМАТ», 2017. – 380 с.
2. **Герасимова Д. В.** Памяти В. Н. Чернецова посвящается / Д. В. Герасимова // Вестник Югорского государственного университета. – 2015. – УДК 811. – С. 151–154.
3. **Гурьянова Г. Г.** В. Н. Чернецов – исследователь древнего искусства Западной Сибири / Г. Г. Гурьянова // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Вып. 2. Кн. 1: Историческое исследование. – 1998. – С. 32–38.
4. **Ивановская Е. В.** Первые итоги изучения археолого-этнографической библиотеки В. Н. Чернецова и С.-В. И. Мошинской / Е. В. Ивановская // Библиосфера. – 2017. – № 4. – С. 26–29.
5. **Казаков Ю. В.** Хождения в Югру / Ю. В. Казаков. – Тюмень : Издат.-полиграф. АО «Слово Тюмени»; АИИК «Сев. Дом». – 1993. – 258 с.
6. **Китова Л. Ю.** В. Н. Чернецов: путь в науку и методолого-методическое наследие / Л. Ю. Китова, Л. А. Чиндина // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 4. – С. 5–11.
7. **Лукина Н. В.** Вклад А. Каннисто и В. Н. Чернецова в этнографию манси / Н. В. Лукина // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 38. – С. 238–254.
8. **Лукина Н. В.** Полвека новой жизни / Н. В. Лукина // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 66. – С. 172–180.
9. **Лукина Н. В.** Этнографический архив В. Н. Чернецова (к 80-летию со дня рождения ученого) / Н. В. Лукина, О. М. Рындина // Советская этнография. – 1985. – № 5. – С. 70–74.
10. **Мартынова Е. П.** В. Н. Чернецов и проблемы этносоциальной истории обских угров / Е. П. Мартынова // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 2 : Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв. : история организации и научное наследие : мат-лы Междунар. симп. – 2006 – С. 159–172.
11. **Матющенко В. И.** Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири : Материалы совещаний. 25–31 мая 1970 г. / [ред. коллегия : В. И. Матющенко (отв. ред.) и др.] ; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. Проблемная науч.-исслед. лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. – 298 с.
12. **Могильников В. А.** Чернецов Валерий Николаевич / В. А. Могильников // Югра : Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск, 2000. – Т. 3. – С. 309.
13. **Огрызко В. В.** Отечественные исследователи коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока / В. В. Огрызко // Биобиблиографический словарь. – М. : Лит. Россия, 2013. – 664 с.
14. **Огрызко В. В.** Североведы России : материалы к биографическому словарю / В. В. Огрызко. – М. : Лит. Россия, 2007. – 558 с.
15. **Омельчук А. К.** Рыцари севера / А. К. Омельчук. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1982. – 194 с.
16. **Ошибкина С. В.** Валерий Николаевич Чернецов / С. В. Ошибкина // Институт археологии РАН: 100 лет истории. – М. : ИА РАН, 2019. – С. 296–299.
17. **Пика А. И.** Новые материалы к истории первой советской этнографической экспедиции на полуостров Ямал (1928–29 гг.) // Советская этнография. – 1989. – № 6. – С. 100–108.
18. **Решетов А. М.** В. Н. Чернецов: ленинградский период жизни и деятельности (1925–1940 гг.) / А. М. Решетов // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : мат-лы XIII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. К 100-летию со дня рождения В. Н. Чернецова. – Томск, 2005. – С. 34–35.
19. **Решетникова Р. Г.** В. Н. Чернецов и орнаментальное искусство обских угров / Р. Г. Решетникова // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 2 : Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв. : история организации и научное наследие : мат-лы Междунар. симп. – 2006. – С. 180–185.
20. **Рындина О. М.** Архив В. Н. Чернецова: мансийская этнография, фольклор и лингвистическая перспектива / О. М. Рындина, Д. О. Жорник, Е. В. Барсуков, С. Ф. Покровская // Вопросы языкознания. – 2022. – № 5. – С. 35–50.
21. **Рындина О. М.** Этнографические полевые материалы из архива В. Н. Чернецова в свете почерковедения / О. М. Рындина // Томск. Современный музей: традиции, проблемы, перспективы : сб. мат-лов X межрегион. науч.-практ. конф., 8–9 октября 2019. – УДК 39. – С. 8–12.

22. **Рындина О. М.** Архив В. Н. Чернецова как творческая лаборатория исследователя (1920-е гг.) / О. М. Рындина, Е. В. Барсукова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2020. – № 37. – С. 228–238.
23. **Соколова З. П.** Воспоминания о В. Н. Чернецове (к 100-летию со дня рождения) / З. П. Соколова // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 3. – С. 149–157.
24. Проблемы археологии Урала и Сибири : сборник статей, посвящ. памяти В. Н. Чернецова / отв. ред. А. П. Смирнов ; АН СССР. Ин-т археологии. – М. : Наука, 1973. – 303 с.
25. **Смирнов А. П.** В. Н. Чернецов / А. П. Смирнов // Советская археология. – 1971. – № 1. – С. 309–310.
26. **Соколова З. П.** Слово о Чернецове / З. П. Соколова // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : мат-лы XIII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 40–41.
27. **Фёдорова Н. В.** Северный странник: ямальский эпизод из экспедиций В. Н. Чернецова / Н. В. Фёдорова // Ямальский меридиан. – № 2 (166). – 2010. – С. 14–17.
28. **Харючи Г. П.** В. Н. Чернецов – исследователь ненцев / Г. П. Харючи // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири : тез. докл. X Западно-Сибирского археол.-этнограф. совещания памяти В. Н. Чернецова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – С. 193–195.
29. **Чиндина Л. А.** Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : мат-лы XIII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф.: к 100-летию со дня рождения В. Н. Чернецова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 389 с.
30. **Шубин В. В.** Томский киноархив В. Н. Чернецова как источник по этнографии обских угров / В. В. Шубин // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2017. – № 2 (16). – С. 84–91.
31. Югорские краеведы (Материалы к биобиблиографическому словарю) / Ханты-Мансийская окр. б-ка, отд. краевед. лит. и библиогр. ; подгот. В. К. Белобородовым, Т. В. Пуртовой. – Шадринск : Изд-во шадрин. ПО «Исеть», 1995. – 134 с.

Приложение 4

Прижизненные фото
В. Н. Чернецова*

Рис. 1. Приполярная перепись населения. Студент ЛГУ В. Н. Чернецов в мансийском костюме на Северной Сосьве зимой 1926–1927 гг.

Fig. 1. The circumpolar census. LSU student V. N. Chernetsov in a Mansi costume on the Northern Sosva in the winter of 1926–1927

* Рис. 1–10 из открытых источников, обработаны в программе Adobe Photoshop и Toraz Gigapixel AI.

Рис. 2. Ямальская экспедиция уральского облздравотдела в пути на р. Иртыш у Тобольска. Слева направо: Н. А. Котовщикова, В. П. Евладов, Л. М. Сурин и В. Н. Чернецов. Лето 1926 года

Fig. 2. The Yamal expedition of the Ural Regional Health Department travelling to the Irtysh River near Tobolsk. From left to right: N. A. Kotovshchikova, V. P. Evladov, L. M. Surin and V. N. Chernetsov. Summer 1926

Рис. 3. Ямальская землеустроительная экспедиция уральского облисполкома 1928–1929 гг. Слева направо: В. П. Евладов (начальник), Н. А. Котовщикова (студентка ЛГУ), Н. Н. Спицин (охотовед), В. И. Терентьев (практикант), В. Н. Чернецов (студент ЛГУ). Озеро Ней-то, лето 1928 года

Fig. 3. Yamal Land Surveying Expedition of the Ural Regional Executive Committee, 1928–1929. From left to right: V. P. Evladov (chief), N. A. Kotovshchikova (LSU student), N. N. Spitsin (hunter), V. I. Terentyev (trainee), V. N. Chernetsov (LSU student). Lake Ney-to, summer 1928

Рис. 4. Портрет В. Н. Чернецова, сделанный, вероятно, во время обучения на этнографическом отделении географического факультета Ленинградского государственного университета по специальности «этнография финно-угорских народов». 1920–1930-е годы
Fig. 4. Portrait of V. N. Chernetsov, probably made during his studies at the ethnographic department of the geography faculty of the Leningrad State University, specialising in ethnography of Finno-Ugric peoples. 1920s–1930s.

Рис. 5. Мангазейская экспедиция. В. Н. Чернецов осматривает осыпь на берегу р. Таз перед городищем. Осень 1946 года
Fig. 5. Mangazeya expedition. V. N. Chernetsov examines the scree on the bank of the Taz River in front of the settlement. Autumn 1946

Рис. 6. В. Н. Чернецов занимается съемкой плана Мангазейского городища. 1946 год
Fig. 6. V. N. Chernetsov is engaged in surveying the plan of the Mangazeisky settlement. 1946

Рис. 7. Экспедиции Института археологии АН СССР. Копирование наскальных изображений Урала на р. Тагил. Слева направо: А. И. Новиков, В. И. Лебедев, В. Н. Чернецов. 1958 год
Fig. 7. Expeditions of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences. Copying rock images of the Urals on the Tagil River. From left to right: A. I. Novikov, V. I. Lebedev, V. N. Chernetsov. 1958

Рис. 8. Портрет В. Н. Чернецова, сотрудника Института археологии АН СССР. 1940–1950-е гг.
Fig. 8. Portrait of V. N. Chernetsov, employee of the Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences. 1940s–1950s

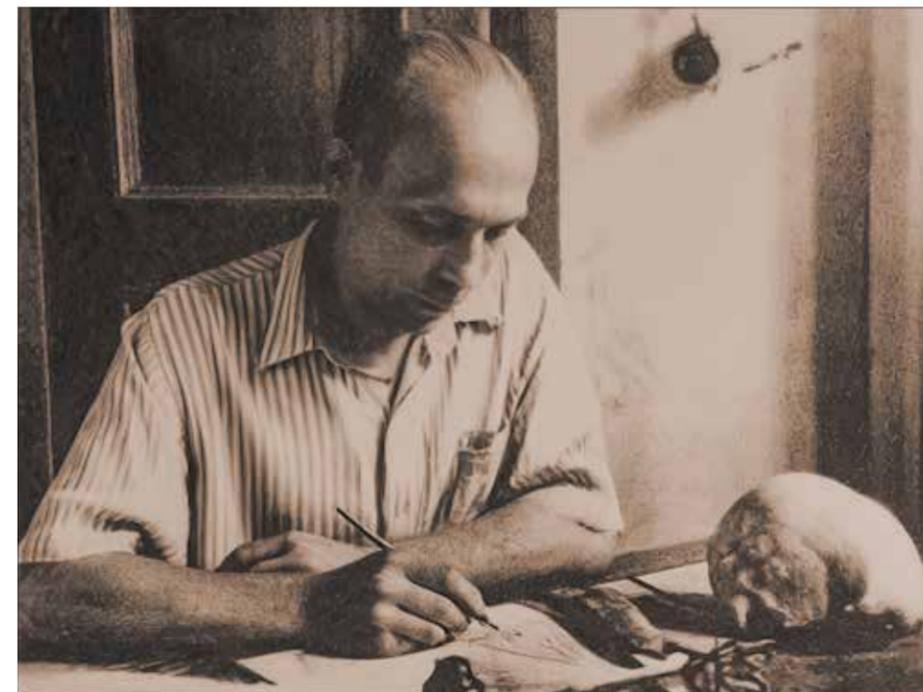

Рис. 9. Работа в Кузнецком музее. В. Н. Чернецов рисует материалы Кузнецкого могильника, раскопанного совместно с В. И. Мошинской в 1951 году
Fig. 9. Work in the Kuznetsk Museum. V. N. Chernetsov draws materials Kuznetsky burial ground, excavated together with V. I. Moshinskaya in 1951

Рис. 10. В. Н. Чернецов. Кабинетная работа ученого, 1960-е годы
Fig. 10. V. N. Chernetsov. Cabinet work of the scientist, 1960s

Выставка «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера»

Приложение 5

Рис. 5.1. Выставка «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». Стенд-название выставки. Художник-дизайнер Следь Е. А.

Fig. 5.1. Exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». The exhibition title stand. Artist-designer Sled' E. A.

Рис. 5.2. Выставка «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». Общий вид выставки

Fig. 5.2. Exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». General view of the exhibition

Рис. 5.3. Выставка «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». Витрина с литературой, посвящённой исследователю, и его прижизненными изданиями

Fig. 5.3. Exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». A display case with literature dedicated to the researcher and the lifetime editions

17.03.1905 – 29.03.1970

СОВЕТСКИЙ
АРХЕОЛОГ

БИОГРАФИЯ

ЧЕРНЕЦОВ ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Валерий Чернецов родился в Москве в семье архитектора. Поступив на биологическое отделение Пречистенского рабочего факультета в 1920 году, он уже следующим летом прошел практику на биологической станции под Москвой. Зимой 1922 года Валерий Николаевич перевелся в Московский электротехнический институт, в котором учился до лета 1923го.

В том же году он был приглашен в качестве радиотехника в геодезическую экспедицию на Урал, что во многом определило его дальнейшую судьбу. По возвращении из экспедиции Чернецов поступает на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского государственного университета по специальности «этнография финно-угорских народов», окончив обучение в 1930м. Будучи студентом, в 1927–1928 годах он объездил всю Северную Сосьву, участвуя в Приполярной переписи населения, обследовал бассейны рек Тагила и Инделя, Конды и Средней Оби. Манси называли его Лос махум, что означает «лозинский мужчина». Одновременно с этим молодой ученый изучал обряд Медвежьего праздника у ханты и манси.

В 1930–1935 годах Чернецов работает в Ленинграде научным сотрудником Института народов Севера, параллельно занимаясь преподавательской деятельностью в Педагогическом

университете имени Герцена. В эти годы он издает мансийской букварь, книги по обучению грамоте в начальных школах Севера, мансийско-русский словарь, а также публикует языковедческие и этнографические статьи о культуре манси.

В 1940 году Чернецов переехал в Москву и более тридцати лет являлся научным сотрудником Института археологии АН СССР. Научные интересы В. Н. Чернецова чрезвычайно широки. Он был крупнейшим специалистом по языку, этнографии и фольклору Зауралья и Сибири.

Во время Великой Отечественной войны Чернецов читал лекции по этнографии и фольклору народов Сибири в Московском государственном университете. В 1941 году он выпустил очерк об этногенезе обских угров, а в 1942 защитил кандидатскую диссертацию «Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X века н. э.». В 1945 году В. Н. Чернецов работал на раскопках Омской стоянки.

В 1946 году В. Н. Чернецов стал руководителем Мангазейской экспедиции Арктического института. Он занимался обследованием Мангазейского городища и сбором материалов по этнографии таежных селькупов.

С 1948 года Валерий Николаевич руководил Западно-Сибирской археологической экспедицией и занимался изучением этно-

графий ханты и манси Средней Оби. В период 1948–1956 годов Чернецов проводил исследование по правому берегу Оби. Результатом этого стала публикация двух монографий: «Древняя история Нижнего Приобья» (1953 г.) и «Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры» (1957 г.).

В 1956 году выходит книга под названием «Народы Сибири», где он стал одним из авторов раздела «Ханты и манси». В 1950х годах он исследует стоянку Зеленая Горка и выделяет зеленюгорскую культуру.

Чернецов является автором основной периодизации Нижнеобской культуры, разделив ее на четыре этапа: иренинский, карымский, оронгурский, кинтусовский. Данная периодизация, с некоторыми доработками, легла в основу археологии Нижнего Приобья.

Начав изучение тагильских писаниц еще студентом, Валерий Николаевич продолжил эту работу в конце 1950х. В результате был собран огромный материал, который обобщен в двух томах его докторской диссертации «Наскальные изображения Урала» (1964 и 1970 гг.) Работа построена с учетом всей суммы собранных автором данных о духовной и материальной культуре народов региона. Помимо публикации названного материала, касаются непосредственно уральских писаниц, работа содержит многочисленные факты и наблюдения этногра-

фического характера, собранные автором в течение жизни. Защитить диссертацию ученому не удалось — он скончался в 1971 году вследствие тяжелой болезни.

В 1974 году в Будапеште вышла посмертная статья Чернецова о Медвежьем празднике у обских угров. А в 1987м увидела свет книга его коллег Н. В. Лукиной и О. М. Рыдиной «Источники по этнографии Западной Сибири», в которой собраны и апробированы материалы полевых исследований В. Н. Чернецова 1925–1938 годов.

Заслуги Валерия Николаевича Чернецова по достоинству оценены: он награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Москвы», «800 лет Москвы».

Валерий Николаевич являлся одновременно археологом, историком, этнографом, фольклористом и лингвистом, сумев объединить свои естественно-научные интересы и технические знания с историей искусства. Благодаря такой широте взглядов и нестандартному для своего времени подходу его по праву можно назвать основоположником междисциплинарного метода в изучении археологических, лингвистических и этнографических данных. Такой комплексный подход к научным исследованиям является самым востребованным и актуальным в наши дни.

Рис. 5.4. Выставка «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». Стенд № 1. Биография исследователя. Художник-дизайнер Следь Е. А.

Fig. 5.4. Exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». Stand No. 1. Biography of the researcher. Artist-designer Sled' E. A.

**ЧЕРНЕЦОВ
ВАЛЕРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ**

ФОТОАРХИВ

1. Приполярная переносная населення. Студент ЛГУ В. Н. Чернецов в мансийском костюме на Северной Сосьве зимой 1926–1927 гг.

2. Ямальская экспедиция уральского облдровотдела в пути на р. Иртыш у Тобольска. Слева направо: Н. А. Котовишкова, В. П. Елладов, Л. М. Сурин и В. Н. Чернецов. Лето 1926 года

3. Ямальская землеустроительная экспедиция уральского облзвилькома 1928–1929 гг. Слева направо: В. П. Елладов (начальник), Н. А. Котовишкова (студентка ЛГУ), Н. Н. Спичин (охотовед), В. И. Терезьев (практикант), В. Н. Чернецов (студент ЛГУ). Озеро Ней-то, лето 1928 года

4. Мансийская экспедиция. В. Н. Чернецов осматривает устья на берегу р. Тагил перед городищем. Осень 1946 года

5. В. Н. Чернецов. Кабинетная работа ученого, 1960-е годы

6. Портрет В. Н. Чернецова, сотрудника Института археологии АН СССР. 1940–50-е гг.

7. Экспедиция Института археологии АН СССР. Копирование наскальных изображений Урала на р. Тагил. Слева направо: А. И. Ноников, В. И. Лебедев, В. Н. Чернецов. 1958 год

8. Работа в Кузнецком музее. В. Н. Чернецов рисует материалы Кузнецкого могильника, рассказанного совместно с В. И. Мошинский в 1951 году

9. Мансийская экспедиция. Девятая экспедиция при устье р. Осечерова, построенная В. Н. Чернецовым. Лето 1946–47 года

Рис. 5.5. Выставка «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». Стенд № 2. Фотоархив, собранный из открытых интернет-источников. Художник-дизайнер Следь Е. А.

Fig. 5.5. Exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». Stand No. 2. Photo archive collected from open sources. Artist-designer Sled' E. A.

Рис. 5.6. Выставка «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». Стенд № 3. География исследований. Художник-дизайнер Следь Е. А.
Fig. 5.6. Exhibition «V.N.Chernetsov – a legend of northern archeology». Stand No. 3. Geography of investigations. Artist-designer Sled' E. A.

Рис. 5.7. Выставка «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». Стенд № 4. Портрет В. Н. Чернецова по мотивам фотографии исследователя в мансийском костюме. Художник Следь Е. А.

Fig. 5.7. Exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». Stand No. 4. Portrait of V. N. Chernetsov based on a photograph of the researcher in Mansi costume. Artist Sled' E. A.

Рис. 5.8. Открытие выставки «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». Северный археологический конгресс (далее – САК VI), г. Сургут, 8–11 октября 2024 г. Выступает к.и.н. О. В. Кардаш

Fig. 5.8. Opening of the exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». Northern Archeological Congress (hereinafter – NAC VI), Surgut, October 8–11, 2024. O. V. Kardash, Candidate of Historical Sciences, speaking

Рис. 5.9. Открытие выставки «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». САК VI, г. Сургут, 8–11 октября 2024 г. Общий вид на презентацию выставки. Выступает к.и.н. О. В. Кардаш

Fig. 5.9. Opening of the exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». NAC VI, Surgut, October 8–11, 2024. General view of the exhibition presentation. O. V. Kardash, Candidate of Historical Sciences, speaking

Рис. 5.10. Открытие выставки «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». САК VI, г. Сургут, 8–11 октября 2024 г. Презентация выставки д.и.н. В. В. Боброву и д.и.н. Н. И. Дроздову, которые были знакомы с В. Н. Чернецовым лично
Fig. 5.10. Opening of the exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». NAC VI, Surgut, October 8–11, 2024. Presentation of the exhibition to Drs. of Historical Sciences V. V. Bobrov and N. I. Drozdov, who were personally acquainted with V. N. Chernetsov

Рис. 5.11. Открытие выставки «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». САК VI, г. Сургут, 8–11 октября 2024 г. Презентация выставки д.и.н. В. В. Боброву и д.и.н. Н. И. Дроздову, которые были знакомы с В. Н. Чернецовым лично
Fig. 5.11. Opening of the exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». NAC VI, Surgut, October 8–11, 2024. Presentation of the exhibition to Drs. of Historical Sciences V. V. Bobrov and N. I. Drozdov, who were personally acquainted with V. N. Chernetsov

Рис. 5.12. Открытие выставки «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». САК VI, г. Сургут, 8–11 октября 2024 г. Презентация выставки академику РАН, доктору исторических наук В. И. Молодину. Выступает к.и.н. Г. П. Визгалов
Fig. 5.12. Opening of the exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». NAC VI, Surgut, October 8–11, 2024. Presentation of the exhibition to V. I. Molodin, Academician of the RAS, Doctor of Historical Sciences. G. P. Vizgalov, Candidate of Historical Sciences, speaking

Рис. 5.13. Открытие выставки «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». САК VI, г. Сургут, 8–11 октября 2024 г. Презентация выставки академику РАН, доктору исторических наук В. И. Молодину. Выступает к.и.н. О. В. Кардаш
Fig. 5.13. Opening of the exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». NAC VI, Surgut, October 8–11, 2024. Presentation of the exhibition to V. I. Molodin, Academician of the RAS, Doctor of Historical Sciences. O. V. Kardash, Candidate of Historical Sciences, speaking

Рис. 5.14. Открытие выставки «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». САК VI, г. Сургут, 8–11 октября 2024 г. Выступает к.и.н. О. В. Кардаш

Fig. 5.14. Opening of the exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». NAC VI, Surgut, October 8–11, 2024. O. V. Kardash, Candidate of Historical Sciences, speaking

Рис. 5.15. Открытие выставки «В. Н. Чернецов — легенда археологии Севера». САК VI, г. Сургут, 8–11 октября 2024 г. Презентация выставки д.и.н. И. В. Побережникову, д.и.н. Н. М. Чаиркиной и руководителю Службы Госкультуохраны ХМАО-Югры М. И. Усольцеву. Выступает к.и.н. О. В. Кардаш

Fig. 5.15. Opening of the exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». NAC VI, Surgut, October 8–11, 2024. Presentation of the exhibition to Drs. of Historical Sciences I. V. Poberezhnikov and N. M. Chairkina and the Head of the Service of the Cultural Heritage Protection M. I. Usoltsev. O. V. Kardash, Candidate of Historical Sciences, speaking

Рис. 5.16. Открытие выставки «В. Н. Чернецов – легенда археологии Севера». САК VI, г. Сургут, 8–11 октября 2024 г. Изучение стенда № 3

Fig. 5.16. Opening of the exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». NAC VI, Surgut, October 8–11, 2024. Stand No. 3 review

Рис. 5.17. Открытие выставки «В. Н. Чернецов — легенда археологии Севера». САК VI, г. Сургут, 8–11 октября 2024 г. Презентация выставки академику РАН, доктору исторических наук В. И. Молодину. Выступает к.и.н. Г. П. Визгалов

Fig. 5.17. Opening of the exhibition «V. N. Chernetsov – a legend of northern archeology». NAC VI, Surgut, October 8–11, 2024. Presentation of the exhibition to V. I. Molodin, Academician of the RAS, Doctor of Historical Sciences. G. P. Vizgalov, Candidate of Historical Sciences, speaking

УДК 39; 392

DOI 10.31630/2949-3609-2025-1-42-44

В. Н. Чернецов

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ У ВОГУЛОВ*

Обряды жертвоприношений у вогул совершаются как отдельными родами или группой родов (в последнем случае когда эти роды объединены общим божественным предком, по преимуществу звериным), так и отдельными семействами. Жертвоприношения совершаются в более или менее определенное время года, например, перед началом и после окончания рыбного и охотничьих промыслов, а у оленеводов во время колки неплюя, что бывает в конце июля. Два раза в год, в декабре и в начале июля, вогулы совершают жертвоприношения *Númi-Tórom* (Верхнему богу), солнцу и месяцу. Помимо этого, в определенный день года каждый род или группа выезжают на место обитания своего родового божества. Последнее у многих родов бывает даже не ежегодно. Так, например, у вогулов поселков Мань-я-пауль, Я-сунт-пауль и Хангла-пауль (на реке Ляпин) ездят лишь каждый третий год. С другой стороны, существует целый ряд жертвоприношений, которые не связаны ни с каким определенным временем. Таковы индивидуальные жертвоприношения по обету, данному какому-либо божеству, или же совершаемые при проезде мимо местообитания духа. Прежде чем перейти к описанию жертвоприношений, необходимо кратко сказать о двух типах божеств, встречаемых у вогулов. Наряду с почитанием солнца *Hòtal ékwa*, месяца *étpos ójka*, огня *Naj née*, Верхнего бога *Númi-Tórom*, Верхнего высокого *Númi Kórs*¹, составляющих группу божеств, общих всему племени, существуют божества, почитаемые лишь отдельными родами или небольшими группами. Подобные божества в большинстве зооморфны и носят тотемный характер.

Примером таких тотемобразных божеств может быть *Sakv-Taláh ójka* (вершины реки Ляпина хозяин), почитаемый в образе волка или собаки вогулами юрт Мань-я-пауль, Я-сунт-пауль и Хангла-пауль²).

В данном случае почитателями являются группы родов из соседних поселков, причем, несмотря на отсутствие между этими родами кровного родства, браки между ними вообще не заключаются, так как считается, что у них общие священные предки).

Подобным же образом в юртах Сома-пауль на реке Сосве почитают *Tàhit ójka* – гагару хозяина³, в поселке Люликара почитают *Náltop ójka* – крохалю хозяина, в Ханглас-пауль – *pùripán ékw* – лягушку-женщину, в Мунгес-пауль – *Sort ójka* – щуку хозяина и т. д.

Почитание выражается не только в принесении периодически жертв, но также и в том, что в каждой группе нельзя убивать того животного, в образе которого живет божество данной группы. Так, в Ань-я-пауль нельзя убивать чайку, в Ханглас-пауль – лягушку, в Пупы-пауль – ястреба и т. д. В Я-сунт-пауль каждую собаку после ее смерти хоронят в деревянном срубе, как человека.

Мелкие духи-божества – родовые, зооморфные и всякие другие – у вогулов называются *rúrih*. Слово *rúrih* обозначает одновременно и духа, и его изображение.

Мне приходилось видеть только изображение лишь человекообразных *rúrih*, а изображения родовых зооморфных *rúrih* я ни разу не видел. Поэтому приходится довольствоваться лишь рассказами вогулов, да немногими указаниями, имеющимися в литературе.

По описанию вогулов, такие изображения сделаны из дерева или металла и имеют вид того животного или птицы, имя которых носят: так, *Tàhit ójka* изображен в виде гагары, *Hálew ójka* в виде чайки и т. д. О характере

* Публикуется по изданию в журнале «Этнограф-исследователь» Научно-исследовательского этнографического кружка этноотделения геофака Ленинградского государственного университета. Л. : Издание Н.-И. э. кружка, август 1927. № 1. С. 21–25. Репринт статьи – см. на с. 45–50.

¹ Солнце, *Hòtal ékwa*, буквально Солнце Женщина; месяц, *Étpos ójka*, Месяц Мужчина. Месяц считается мужем, Солнце – женой. Это представление очень древнее, более позднее представление, напротив, изображает Солнце мужем, а Луну – женой. Огонь, *Naj née*, буквально Огонь Женщина. Огонь тоже представляется как женщина, и оттого, по объяснению вогулов, при огне нельзя раздеваться. *Númi Tórom*, Верхний бог, обитает на втором небе, *Númi Kórs*, или *Kors Tórom*, самый высокий бог, обитает на третьем небе, *Tórom* – божество, *Númi* – верх, верхний, *Númi Kórs* – высокий.

² *Sakv* – вогульское имя реки Ляпин, *Tàl'ah* – вершина, верховье; *ójka* – мужчина, хозяин.

³ Об этом упоминает также Гондатти, говоря: «...они (изображения) представляют из себя не что иное, как простые детские игрушки, то нарочно по заказу сделанные или купленные на Ирбитской ярмарке изображения животных, в которых боги в случае надобности могут превращаться. Так, например, в Сома-пауль почитают гагару, в Аньевских юртах – чайку, в Тиболинских юртах лягушку» (Следы язычества у инородцев северо-западной Сибири, стр. 7 из 8-й книги трудов этн. от-дела. Москва, 1888 г.)

изображений Григорий Новицкий говорит: «Иные из них поклоняются кумиру по подобию зверину наипаче медведя, иные же в подобие птиц: лебедя, гуся и всяк по своему пристрастию» (Краткое описание о народе остячком, сочиненное 1715 г., стр. 47, издание Майкова, СПб. 1884 г.). От себя могу добавить лишь то, что мне неоднократно приходилось слышать о том, что вогулы обращаются к русским (но только лишь к людям хорошо знакомым) с просьбами достать фигурки той или иной птицы, причем предпочитают изображения серебряные.

Изображение человекоподобных *rúrih* могу описать более подробно, так как мне приходилось их видеть несколько раз. Так, *Sóhrin' ójka* (узкого ножа хозяин-божество, покровительствующий в охоте и рыбной ловле) имеет вид двухаршинного бревна с заостренным верхним концом, на котором грубо вырезан нос, рот и глаза. На голове у него надет колпак, сшитый из семи полос цветного сукна и опушенный соболем. Туловище его обернуто многочисленными платками и кусками разноцветных материй. В платках и кусках материи в углах завязаны и зашиты деньги.

Но главной святыней является не это изображение, а другое, металлическое, которое, по словам вогулов, находится внутри деревянного. По этому поводу вогул Семен Пакин говорил, что в деревянном *rúrih* делается зарубка в виде ниши, в которую и вкладывается свинцовая, серебряная или золотая фигурка. Такие фигурки находят в земле. Пакин объяснил, что эти фигурки падают на землю из туч во время молнии. Падая, они уходят в землю, но потом поднимаются на поверхность. Такие фигурки вообще изображают человека, иногда человека, сидящего на лошади.

Раз в год на *rúrih* меняют одежды, причем допускаются к этой церемонии лишь наиболее старые и уважаемые люди числом не более трех.

Во время переодевания они огораживают *rúrih* берестяной ширмой так, чтобы никто из посторонних не мог увидеть фигурку. Молодым смотреть на фигурку совсем не разрешается. Изображение *rúrih* помещается в местах их обитания, обычно более или менее отдаленных от жилья человека. Нередко вокруг них устраиваются настороженные луки и ружья для охраны от любителей поживиться приношениями⁴, ибо в таком сорте людей среди русских и зырян недостатка не бывает. Кроме таких изображений, помещенных отдаленно от жилья, существуют и другие изображения, имеющиеся в доме у каждой семьи. Это различные предметы, как медные миски, колокольчики, платки и прочие, олицетворяющие высшие божества, как *Númi Tórom*, *Mir-súsne-hum Kaltaš' éan'*, а также *Kul'*⁵, указанные предметы играют роль при домашних жертвоприношениях. Наиболее простым типом жертвоприношений является такой, когда вогул приносит жертву, проходя или проезжая мимо места обитания какого-либо духа. В таком случае бывает достаточно бросить монету или вылить на этом месте вина.

Так, однажды вогул Пакин, отправившись со своим братом и со мной продавать рыбу в Берёзов, совершил жертвоприношение, проезжая мимо мыса, на котором обитает *Hálew ójka*. Сидя на корме, он налил в кружку самогонки и выплеснул в воду, предварительно постучав по борту лодки веслом. Вылив самогонку, он постучал еще раз. По объяснению Пакина, стучат для того, чтобы обратить внимание *Hálew ójka*. Гораздо сложнее бывает обряд, когда совершается жертвоприношение, приуроченное к охоте, рыбной ловле и т. п. Приведу описание того, как вогул Хуры-Костя принес жертву *Чохрынъ Ойка*, отправляясь в лес на промысел. Рано утром Хуры-Костя (иначе называемый Хуры-Хум – человек с реки Хура) в сопровождении жителей поселка отправился к месту обитания божества. Впереди всех на небольшой лодке ехал человек, везший домашних пухов в черном ящике, стоявшем на оленьей шкуре. За ним ехал Хуры-Хум со своим сыном и вез белого неплюя (оленье тельце), предназначенного в жертву, а также небольшой узелок с домашними *rúrih*.

Сзади на нескольких лодках в качестве гостей ехали все находившиеся в то время в поселке вогулы и везли котлы, чашки и прочее. Жертвенное место находится на берегу реки Тапсуй, недалеко от ее устья. Так как внешний вид изображения был уже описан выше, то повторять я его не буду. Добавлю лишь то, что над *rúrih* был устроен двухскатный навес, а рядом с ним помост, на котором в берестяных кошелях хранятся «приклады» (подарки божеству). Задний столб навеса весь утыкан узкими ножами, жертвованными в разное время.

Помост был устроен у старой березы, на ветвях которой висело множество оленьих рогов и серая коровья шкура. Справа было расположено большое кострище. По приезде на место был разведен большой костер, и в то же время Хуры-Хум наложил в длинную деревянную миску масла, баранок, хлеба и поставил ее перед *Sóhrin' ójka*. После того как миска постояла перед ним, ее убрали и содержимое съели. На площадке перед помостом положили бревно, на которое сел вогул и принялся ворожить на старой сабле, сохраняемой для этой цели. Сабля висела под навесом, к концам ее привязали полотенце, и за его середину левой рукой взялся старик. Сидел он, опершись левым локтем на колено. Через некоторое время рука его начала судорожно подергиваться,

⁴ Надо сказать, что у таких *rúrih* накапливаются много медных, серебряных, даже золотых монет и ценных шкурок.

⁵ *Mir-súsne-hum* – за народом смотрящий мужчина – он является седьмым сыном *Númi-Tórom*. *Kaltaš' éan'* – Калташь мать (Калташь – собственное имя) она мать *Mir-súsne-hum*, и жена *Númi-Tórom*. *Kul'* – подземный дух, враждебный человеку.

а затем подергивание передалось на все тело. Сообразно с этим качалась и сабля. Поворожив таким образом минут десять, вогул объявил ответ *Čóhrin' ójka*, благоприятный для Хуры-Хум, что предстоящая охота принесет хорошую добычу. После окончания ворожбы на площадку вывели теленка, который все это время был привязан позади помоста. Его поставили головой к изображению, и Хуры-Хум покрыл его платком с завязанными в углах монетами. Впоследствии этот платок вместе с прочими вещами Хуры-Хум взял с собой. Справа от теленка встал другой вогул, и по знаку, данному Костей, он оглушил теленка ударом обуха между рогов, после чего Костя заколол его ножом в сердце.

Теленку дали полежать немного перед помостом, а затем, оттащив его в сторону, принялись свежевать. Часть мяса, как ребра, ноги, печень, легкое и горло, съели сырым, а все остальное положили в котел, который к тому времени был подвешен над огнем. Когда мясо сварилось, его выложили в длинную миску и поставили перед *Čóhrin' ójka*, где оно простояло минут десять. В это время все присутствующие молча встали перед помостом наклонив голову: женщины стали сзади всех, опустив на лица платки.

После того принялись за еду и, вторично постояв перед помостом, стали собираться в обратную дорогу, двинувшись в том же порядке, как и приехали сюда.

Жертвоприношение, совершаемое целым родом, значительно сложнее, хотя общая программа его остается такой же, как и в только что описанном случае. Нижеследующее жертвоприношение было совершено членами рода Тигоновых на реке Ляпин. Приготовления начались с утра. Позади юрт поставили две нарты, а за ними воткнули в снег три деревца: справа елку, в середине березу и слева молоденький кедр. В это же время были принесены из юрт сундучки с пупых, бубен, оленьи рога и небольшая морда для ловли рыбы. Все это поставили на нарту, после чего вынули из сундучков пестрые рубашки, платки с зашитыми в уголки монетами и шкурки лисиц и куниц. Все это навесили на три деревца, причем ель изображала *Mir-súsne-hum*, береза – *Kaltaš' čan'* и кедр – *Númi-Tórom*. Немного в стороне находилось на отдельной нарте изображение *Kul'* в черных одеждах. Справа от священного места развели большой костер, а перед *riřih* поставили в чашках угощение из мороженой рыбы, баранок, мяса, рыбьего жира и пр. В это же время привели жертвенных животных: 6 оленей и одну лошадь. Всем им на спины разостлали большие платки, по углам которых были пришиты колокольчики. Обрядив таким образом, их поставили полукругом перед пупых, а потом повели вокруг домов рода Тигоновых. Обведя три раза животных, опять поставили перед пупых, и один из вогул начал ворожить на сабле; после ворожбы вокруг животных три раза обнесли всех грудных детей, что, по объяснению вогул, должно было отвращать все болезни. Теперь все было готово для заклятия.

Один из вогул вооружился топором и приготовился оглушить лошадь. Тогда все присутствующие громко закричали три раза, чтобы обратить внимание божеств. То же самое повторилось, когда кололи последнего оленя. Когда все животные были заколоты, их положили головами по направлению к пупых, после чего все встали позади них, наклонив головы и, постояв несколько минут, разошлись, повернувшись предварительно через правое плечо. Дальнейшая процедура жертвоприношения ничем по существу не отличалась от описанного выше случая, а потому повторять описание не буду. Вечером того же дня в юрте Артема Тигонина происходило камлание, но я опишу его в другом месте.

единицам веса древние подходили от зерен ячменных и пшеничных“ (Щ.—стр. 30).

Северные же народы— Угро-финны и Булгары— не имели, очевидно, никакой монеты. Об этом свидетельствуют Ибн-Даста и Гардизи. О Булгарах последний говорит, что они ломают диргемы и каждый кусок пускают в дело. (По Щепкину, стр. 33).

Сказанного достаточно, чтобы понять, что вся древняя система денежных единиц была колеблющейся. Поэтому Урало-алтайские народы и в частности Угро-финны, вступая в обменные связи и также не имея ни меры, ни весов, должны были приспособляться к существующей „системе“, и, очевидно, поступали с арабскими и иными монетами так же, как и Булгары. В таком же положении, очевидно, оказались и Зыряне, которые в процессе долгих встреч с южными народами, перевели сложную цепь денежных исчислений на белку. Даже и теперь они различают до восьми сортов белок с такой же различной стоимостью. В конечном счете был создан коммерческий лозунг— „за полновесный диргем—полновесную (хорошую) белку“. В этом, по-моему, и кроется причина сложного древнего денежного счета у зырян.

Г. Старцев.

Жертвоприношение у Вогулов.

Обряды жертвоприношений у Вогул совершаются, как отдельными родами или группой родов (в последнем случае, когда эти роды объединены общим божественным предком, по преимуществу звериным) так и отдельными семействами. Жертвоприношения совершаются в более или менее определенное время года, например, перед началом и после оконченной рыбного и охотничьих промыслов, а у оленеводов во время колки непря, что бывает в конце июля. Два раза в год в декабре и в начале июля Вогулы совершают жертвоприношения *Númi-Tórom* (Верхнему богу), солнцу и месяцу. Помимо этого, в определенный день года каждый род или группа выезжают на место обитания своего родового божества. Последнее у многих родов бывает даже не ежегодно. Так, например, у Вогулов поселка Мань-я-пауль, Я-сунт-пауль и Хангла-пауль (на реке Ляпин), ездят лишь каждый третий год. С другой стороны существует целый ряд жертвоприношений, которые не связаны ни с каким определенным временем. Таковы индивидуальные жертвоприношения по обету данному какому-либо божеству или же совершаемые при проезде мимо местообитания духа.

Прежде чем перейти к описанию жертвоприношений, необходимо кратко сказать о двух типах божеств, встречаемых у Вогулов. Наряду с почитанием солнца *Hótal ékwa*, месяца *étpos ójka*, огня *Naj nee*, Верхнего бога *Númi Tórom*, Верхнего высокого *Númi Kors*¹⁾,

¹⁾ Солнце, *Hótal ékwa* буквально Солнце Женщина; месяц *étpos ójka* месяц Мужнина. Месяц считается мужем, Солнце—жен. Это представление очень древнее, более позднее представление напротив изображает Солнце мужем, а луну женой. Огонь, *Naj nee*, буквально огонь Женщина. Огонь тоже представляется, как женщины и оттого по объяснению Вогулов при огне нельзя раздеваться. *Númi Tórom*, Верхний бог, обитает на втором небе. *Númi Kórs*, или *Kors Tórom* самый высокий бог обитает на третьем небе. *Tórom* — божество, *Númi* — верх, верхний, *Kórs* — высокий.

составляющих группу божеств общих всему племени, существуют божества, почитаемые лишь отдельными родами или небольшими группами. Подобные божества в большинстве зооморфны и носят тотемный характер.

Примером таких тотемобразных божеств может быть *Sakv-Taláh ójka* (вершины реки Ляпина хозяин), почитаемого в образе волка или собаки Вогулами юрт Мань-я-пауль, Я-сунт-пауль и Хангла-пауль¹⁾. В данном случае почитателями являются группы родов из соседних поселков, при чем, несмотря на отсутствие между этими родами кровного родства, браки между ними вообще не заключаются, так как считается, что у них общие священные предки).

Подобным же образом в юртах Сома-пауль на реке Сосве почитают *Táhit ójka* гагару хозяина²⁾, в поселке Люликар почитают *Nálor ójka* крохалея хозяина, в Ханглас-пауль *rúgírap ékw* лягушку—женщину, в Мунгес-пауль *Sorít ójka* щуку хозяина и т. д.

Почитание выражается не только в принесение периодически жертв, но также и в том, что в каждой группе нельзя убивать того животного, в образе которого живет божество данной группы. Так в Ань-я-пауль нельзя убивать чайку, в Ханглас-пауль лягушку, в Пупы-пауль ястреба и т. д. В Я-сунт-пауль каждую собаку после ее смерти хоронят в деревянном срубе как человека.

Мелкие духи-божества, родовые, зооморфные и всякие другие у Вогулов называются *rúrih*. Слово *rúrih* обозначает одновременно и духа и его изображение.

Мне приходилось видеть только изображение лишь человекообразных *rúrih*, а изображения родовых зооморфных *rúrih* я ни разу не видел. Поэтому приходится довольствоваться лишь рассказами Вогулов, да не многими указаниями, имеющимися в литературе.

По описанию Вогулов такие изображения сделаны из дерева или металла и имеют вид того животного или птицы имя, которого носят, так *Táhit ójka* изображен в виде гагары, *Hálew ójka* в виде чайки и т. д. О характере изображений Григорий Новицкий говорит: „Иные из них поклоняются кумиру по подобию зверину наипаче медведя, иные же в подобие птиц: лебедя, гуся и всяк по своему пристрастию“. (Краткое описание о народе остячком, сочиненное 1715 г. стр. 47, издание Майкова, СПб. 1884 г.). От себя могу добавить лишь то, что мне неоднократно приходилось слышать о том, что Вогулы обращаются к русским (но только лишь к людям хорошо знакомым) с просьбами достать фигурки той или иной птицы, при чем предпочитают изображения серебряные.

Изображение человекоподобных *rúrih* могу описать более подробно, так как мне приходилось их видеть несколько раз. Так *Sóhrip ójka* (узкого ножа хозяин-божество, покровительствующий в охоте и рыбной ловле) имеет вид двухаршинного бревна с заостренным верхним концом, на котором грубо вырезан нос, рот и глаза. На голове

¹⁾ *Sakv* — вогульское имя реки Ляпин, *Taláh* — вершина, в-рховье; *ójka* — мужнина, хозяин.

²⁾ Об этом упоминает также Гондатти говоря: „они (изображения) представляют из себя ничто иное как простые детские игрушки, то нарочно по заказу сделанные или купленные на Ирбитской ярмарке изображения животных, в которых боги в случае надобности могут превращаться. Так, например, в Сома-пауль почитают гагару, в Аньевских юртах—чайку, в Тибэлинских юртах лягушку.“ (Следы язычества у инородцев северо-зап. Сибири стр. 7 из 8-й книги трудов этн. отдела. Москва 1888 г.).

у него надет колпак, сшитый из семи полос цветного сукна и опушенный сободем. Туловище его обернуто многочисленными платками и кусками разноцветных материй. В платках и кусках материи в углах завязаны и зашиты деньги.

Но главной святыней является не это изображение, а другое, металлическое, которое, по словам Вогулов, находится внутри деревянного. По этому поводу Вогул Семен Пакин говорил, что в деревянном *riřin* делается зарубка в виде ниши, в которую и вкладывается свинцовая, серебряная или золотая фигурка. Такие фигурки находят в земле. Пакин объяснил, что эти фигурки падают на землю из туч во время молнии. Падая они уходят в землю, но потом поднимаются на поверхность. Такие фигурки вообще изображают человека, иногда человека, сидящего на лошади.

Раз в год на *riřin* меняют одежды, при чем допускаются к этой церемонии лишь наиболее старые и уважаемые люди числом не более трех.

Во время переодевания они огораживают *riřin* берестяной ширмой так, чтобы никто из посторонних не мог увидеть фигурку. Молодым смотреть на фигурку совсем не разрешается. Изображение *riřin* помещается в местах их обитания, обычно более или менее отдаленных от жилья человека. Нередко вокруг них устраиваются настороженные луки и ружья для охраны от любителей поживиться приношениями¹⁾, ибо в таком сорте людей среди русских и зырян недостатка не бывает. Кроме таких изображений, помещенных отдаленно от жилья, существуют и другие изображения, имеющиеся в доме у каждой семьи. Это различные предметы, как медные миски, колокольчики, платки и прочие олицетворяющие высшие божества, как *Nimi Tórom*, *Mir-súsne-hum Káltaš' šan'*, а также *Kul'*²⁾ указанные предметы играют роль при домашних жертвоприношениях. Наиболее простым типом жертвоприношений является такой, когда Вогул приносит жертву, проходя или проезжая мимо места обитания какого-либо духа. В таком случае бывает достаточно бросить монету или вылить на этом месте вина.

Так, однажды, Вогул Пакин отправившись со своим братом и со мной продавать рыбу в Березов совершил жертвоприношение проезжая мимо мыса, на котором обитает *Hálew' ójka*. Сидя на корме он налил в кружку самогонки и выплеснул в воду предварительно постучав по борту лодки веслом. Вылив самогонку, он постучал еще раз. По объяснению Пакина стучат для того, чтобы обратить внимание *Hálew' ójka*. Гораздо сложнее бывает обряд, когда совершается жертвоприношение приуроченное к охоте, рыбной ловле и т. п. Приведу описание того, как Вогул Хуры—Костя принес жертву Чохрын Ойка, отправляясь в лес на промысел. Рано утром Хуры Костя (иначе называемый Хуры Хум — человек с реки Хура), в сопровождении жителей поселка отправился к месту обитания божества. Впереди всех на небольшой лодке ехал человек везший домашних пупух в черном ящике стоявшем на оленьей шкуре. За ним ехал Хуры Хум со своим сыном

¹⁾ Надо сказать, что у таких *riřin* накладываются много медных, серебряных и даже золотых монет и ценных шкурок.

²⁾ *Mir-súsne-hum* — за народом смотрящий муляжи — он является седьмым сыном *Nimi-Tórom*. *Káltaš' šan'* — Калташ — мать (Калташ — собственное имя) она мать *Mir-súsne-hum* и жена *Nimi-Tórom*. *Kul'* — подземный дух, враждебный человеку.

и вез белого неплюя (оленьего теленка) предназначенного в жертву, а также небольшой узелок с домашними *riřin*.

Сзади на нескольких лодках в качестве гостей ехали все находившиеся в то время в поселке Вогулы и везли котлы, чашки и прочее. Жертвенное место находится на берегу реки Тапсуй недалеко от его устья. Так как внешний вид изображения был уже описан выше то повторять я его не буду. Добавлю лишь то, что над *riřin* был устроен двухскатный навес, а рядом с ним помост, на котором в берестяных кошелях хранятся „приклады“ (подарки божеству). Задний столб навеса весь утыкан узкими ножами жертвованными в разное время.

Помост был устроен у старой березы на ветвях которой висело множество оленьих рогов и серая коровья шкура. Справа было расположено большое кострище.

По приезде на место был разведен большой костер и в то же время Хуры Хум наложил в длинную деревянную миску масла, баранок, хлеба и поставил ее перед *Šo'hřin' ójka*. После того, как миска стояла перед ним, ее убрали и содержимое съели. На площадке перед помостом положили бревно на которое сел Вогул и принялся ворожить на старой сабле, сохраняемой для этой цели. Сабля висела под навесом, к концам ее привязали полотенце и за его середину левой рукой взялся старик. Сидел он опершись левым локтем на колено. Через некоторое время рука его начала судорожно подергиваться, а затем подергивание передалось на все тело. Сообразно с этим качалась и сабля. Поворожив таким образом минут десять Вогул объявил ответ *Šo'hřin' ójka* благоприятный для Хуры Хум, что предстоящая охота принесет хорошую добычу. После окончания ворожбы на площадку вывели теленка, который все это время был привязан позади помоста. Его поставили головой к изображению и Хуры Хум покрыл его платком с завязанными в углах монетами. Впоследствии этот платок вместе с прочими вещами Хуры Хум взял с собой. Справа от теленка встал другой Вогул и по знаку данному Костей он оглушил теленка ударом обуха между рогов, после чего Костя заколол его ножом в сердце.

Теленку дали полежать немного перед помостом, а затем оттащив его в сторону принялись свежевать. Часть мяса, как ребра, ноги, печень, легкое и горло съели сырым, а все остальное положили в котел, который к тому времени был подвешен над огнем. Когда мясо сварилось его выложили в длинную миску и поставили перед *Šo'hřin' ójka*, где оно простояло минут десять. В это время все присутствующие молча встали перед помостом наклонив голову: женщины стали сзади всех, опустив на лица платки.

После того принялись за еду и вторично постояв перед помостом стали собираться в обратную дорогу двинувшись в том же порядке, как и приехали сюда.

Жертвоприношение совершаемое целым родом значительно сложнее хотя общая программа его остается такой же, как и в только что описанном случае. Нижеследующее жертвоприношение было совершено членами рода Тигоновых на реке Ляпин. Приготовления начались с утра. Позади юрт поставили две нарты, а за ними воткнули в снег три дерева: справа елку, в середине березу и слева молоденький кедр. В это же время были принесены из юрт сундучки с пупух, бубен, оленьи рога и небольшая морда для ловли рыбы.

Все это поставили на нарту, после чего вынули из сундучков пестрые рубашки, платки с зашитыми в уголки монетами и шкурки лисиц и куниц. Все это навесили на три деревца, при чем ель изображала Mir-Súsue-Hum, береза Kaltaş'-Çap и кедр Nu'mi-tórom. Немного в стороне находилось на отдельной нарте изображение Kul' в черных одеждах. Справа от священного места развели большой костер, а перед риріп поставили в чашках угощение из мороженой рыбы, баранок, мяса, рыбьего жира и пр. В это же время привели жертвенных животных: 6 оленей и одну лошадь. Всем им на спины разостлали большие платки по углам которых были пришиты колокольчики. Обрядив, таким образом, их поставили полукругом перед пупых, а потом повели вокруг домов рода Тигоновых. Обведя три раза животных опять поставили перед пупых и один из Вогул начал ворожить на сабле: после ворожбы, вокруг животных три раза обнесли всех грудных детей, что по объяснению Вогул должно было отвращать все болезни. Теперь все было готово для заклятия.

Один из Вогул вооружился топором и приготовился оглушить лошадь. Тогда все присутствующие громко закричали три раза, чтобы обратить внимание божеств. Тоже самое повторилось, когда кололи последнего оленя. Когда все животные были заколоты их положили головами по направлению к пупых после чего все встали позади них наклонив головы и, постояв несколько минут, разошлись повернувшись предварительно через правое плечо. Дальнейшая процедура жертвоприношения ни чем по существу не отличалась от описанного выше случая, а потому повторять описание не буду. Вечером того же дня в юрте Артема Тигонова происходило камлание, но я опишу его в другом месте.

В. Чернецов.

Тамги у Крымских татар.

Тамги — это знаки родовой собственности, накладываемые на крупный домашний скот, на различные предметы хозяйства, кроме того, встречающиеся и на могильных памятниках. Они употребляются также в виде печатей и надписей на различных документах, исторических памятниках и пр.

Как таковые, тамги представляют большую этнографическую и социологическую ценность: во-первых, как показатели возникновения и развития собственности, во-вторых, как показатели общения между собою различных народов, а следовательно и культурного влияния одного народа на другой, в третьих, тамги могут служить материалом для изучения начатков письменности¹⁾. И наконец, они являются материалом дающим возможность проследить родовой состав данного народа²⁾.

Родовые знаки различных народов давно привлекают внимание исследователей, но пока еще не составлено ни одного более или менее полного труда, относящегося к тамгам, в особенности в связи с пере-

¹⁾ Тамги (по материалам Евпаторийского и Судакского районов), Крымгосиздат, 1926 г. (на крымско-татарском языке).

²⁾ Аристов. «Опыт выяснения племенного состава Киргиз», Живая Старина за 1894 г., вып. III и IV, и за 1896 г., вып. III и IV.

В. Н. Чернецов

ЗООПАРК ВОГУЛА АЛХАТИ*

Весь конец августа был дождливый. Я в это время жил в юрте своего друга вогула, на берегу р. Токты. В описываемый вечер мы сидели по обыкновению перед горящим чувалом¹ и прислушивались к завыванию ветра в вершинах старых сосен. Непогода расстраивала все наши планы, и теперь, пребывая в вынужденном бездействии, мы немилосердно скучали и на все лады проклинали дождь, который, как на зло, час от часу становился все сильнее и сильнее.

Обычно в такие дни Алхати — так звали моего друга — рассказывал бесконечные вогульские сказки и легенды или посвящал меня в различные загадки из жизни леса. Сегодня он уже успел рассказать одно сказание и теперь смотрел, как я зарисовывал в альбом причудливую орнаментировку берестяной коробки.

— А дай мне палочку для писания, я тоже чего нарисую, — сказал вогул, когда я кончил рисунок.

Я обрадовался такой идее и немедленно передал в его распоряжение карандаш и бумагу.

Алхати пошевелил сначала дрова в чувале и, когда они разгорелись, уселся на свернутую оленью шкуру, положил тетрадь на колени и принялся рисовать.

Сначала он нарисовал нарту, желая изобразить всю упряжку. Но, видя, что ему не хватит места, нарисовал другую, и при ней трех оленей. Над нарткой поместился человек, правда по сравнению с оленями очень маленького роста. В одной руке он держит вожжу, а в другой — харей². Рисуя оленей, вогул подчеркнул наиболее характерные особенности этих животных, как, например, длинный подшейный волос, имеющий вид бороды, выступающие лопатки и растопыренные копыта. Наряду с этим он довольно равнодушно отнесся к такому важному органу, как глаза, и наградил ими лишь одного оленя.

Закончив рисунок, Алхати полюбовался на него и добавил еще одного оленя и собаку.

— Пусть она тоже бежит, — сказал он и, немного помолчав, добавил: — Видишь, ничего не боится, хвостверху держит!

С этими словами Алхати приделал собаке небольшую закорючку, которая должна была изображать хвост. От собаки его фантазия перенеслась к глухарке, а затем к глухарю, которого он поместил немного правее. Обе птицы были изображены с растопыренными крыльями и распущенными хвостами.

Теперь, повернув тетрадь, чтобы удобнее было рисовать, вогул исполнил лося, широкие рога которого имели многочисленные отростки.

— Старый мужик! — заметил он, любуясь на свое произведение. — А вот знаешь, — продолжал он, — видел я однажды утку! Таких уток здесь нет, она тогда пролетом на озеро села. Нос у нее больно широкий, а на голове перья торчат...

С этими словами он нарисовал птицу с широким, как у колпика³, клювом, но в отличие от последнего — ноги были коротки и с плавательной перепонкой, которую Алхати изобразил в виде двух кружочков на каждой ноге.

Войдя во вкус, он продолжал с воодушевлением рисовать, прибавив к своему зоопарку белку, горностая, зайца, гагару и налима. Нужды нет, что белка вышла почти одного роста с зайцем и больше гагары, а последняя уселась зайцу на спину. О расположении изображений вогул не заботился и повертывал бумагу, как было ему удобнее. Но зато каждое животное имело какую-нибудь отличительную черту, характерную для него, по которой его невозможно было спутать с другими.

— Вот, смотри! Это — заяц. Видишь, лапы какие толстые; он по снегу бегаёт, потому они и такие. А у белки опять хвост большой. Ты лодкой едешь, веслом правишь, а она, когда по деревьям скачет, хвостом себе помогает.

У гагары вогул подметил длинную тонкую шею, а у налима характерные для него сросшиеся спинные, хвостовые и брюшные плавники.

Видя, что места на листе не хватает, я подсунил приятелю еще бумаги, на которой он продолжал рисовать с еще большим рвением. Здесь появились на свет: цапля с длинной шеей и большим клювом, ястреб

* Публикуется по изданию в журнале «Всемирный следопыт». М.: «Красный пролетарий», 1928. № 2. С. 140–143. Репринт статьи — см. на с. 56–59.

¹⁾ Чувал — очаг вроде камина.

²⁾ Харей — длинный шест, служащий для управления ездовыми оленями.

³⁾ Птица из отряда голенастых; клюв ее в конце расширен в виде лопатки, ноги длинные. Водится и у нас, на юге СССР, на берегах озер и болот.

с крючковатым острым носом и изогнутыми когтями, ворон, рябчик и кедровка. Рисуя последнюю, вогул встал ей в разинутый клюв шишку.

– Она всегда кричит «какв, какв», так вот пусть с шишкой и живет. Осенью она их много к себе натаскивает. Я прошлый год у нее фунтов пять орехов нашел, и все хорошие, крупные.

Выдру Алхати изобразил с длинным туловищем, короткими ногами и прямым хвостом. Кузнечик и мышь напоминали настоящих довольно отдаленно, в особенности первый; но здесь приходилось уж верить на слово самому художнику. Зато корову он снабдил прекрасными рогами, а лошади приделал длинный толстый хвост.

– Ну, вот, всех нарисовал! – сказал он, с восторгом глядя на свое художество. – И корова, и мышь, и ястреб – все есть!

– А знаешь, Алхати, – сказал я ему. Ты вот мне про виткину⁴ рассказывал, так нарисуй-ка ее...

– Кого, виткину?.. – тут вогул громко рассмеялся – до того ему показалось забавным нарисовать самое виткину.

– А что, попробую! – наконец промолвил он, снова усаживаясь на свою шкуру. – А ты не боишься, она ведь страшная, виткину, людей ест, – продолжал он, все еще смеясь.

Виткину вогул нарисовал в виде длинного существа с большой зубастой пастью и громадным рогом на голове. Своими плавниками она напоминала рыбу. Покончив с чудовищем, Алхати нарисовал сбоку громадный треугольник, который он тщательно зачернил.

– Это «сас-поли-яны-нел»⁵, леший, у него нос во-о какой! – Здесь вогул далеко раздвинул руки, показывая, какой большой нос у лешего.

– А почему же берестяной?

– Кто знает... Я не знаю, такой уж живет... Это он ночью кричит: «Охо, охо!». У, мы боимся, беда!..

Здесь Алхати пришел в полный восторг от своего зоопарка, и в избытке веселья разразился хохотом, показавшись на оленью шкуру. Его смех был настолько искренен и заразителен, что я последовал его примеру, да с таким усердием, что ручная белка, спокойно разгрызавшая до того времени орешки, моментально нырнула в свой ящик. Оттуда она выглядывала, опасно поводя усатой мордочкой.

Насмеявшись, Алхати поднялся и вышел из юрты. Когда он вернулся, у него был необыкновенно довольный вид.

– Ну, вот, – сказал он, – пока мы здесь рисовали, дождь прошел, и на небе видны звезды. Ветер хороший стал. Теперь дождя больше не будет, и завтра мы пойдем.

Эта весть меня очень обрадовала, так как я уже было совсем отчаялся попасть в интересовавшее меня место до наступления холодов. Теперь же дело повернулось удачной стороной. Улегшись спать, я с наслаждением думал о предстоящем походе...

УДК 39; 392

DOI 10.31630/2949-3609-2025-1-52-53

Чернецов В. Н.

ВСТРЕЧА С ЛАПЛАНДСКОЙ СОВОЙ*

Однажды, во время скитаний по северу, я спускался на лодке по быстрой горной речке. Ее пороги, коварные подводные камни и водовороты на каждом шагу готовили для моей утлой посуды разные пакости, и потому мне постоянно приходилось держаться начеку. После особенно упорной войны с порогами я решил отдохнуть и, прельстившись красивым местом на берегу, зачал лодку. Развести костер было делом недолгим, и вскоре огонь весело потрескивал под закопченным котелком с водой. В ожидании чая я задумал осмотреть берег, где громоздились серые скалы, поросшие густым лесом. Скалы всегда привлекают меня, и я люблю лазать по ним, с любопытством заглядывая в каждую расщелину, в каждую пещеру в надежде найти там что-нибудь интересное.

Добравшись до самой вершины, я повернул было назад, как вдруг услышал за спиной шорох. Моментально обернувшись, я увидел двух сов, сидевших на корне небольшой раскидистой березки. Они угрожающе щелкали клювами и топорщили оперение. Мне сразу бросилось в глаза, что птицы были линные и у них почти не

* Публикуется по изданию в журнале «Всемирный следопыт». М. : «Красный пролетарий», 1928. № 2. С. 140–143. Ре-принт статьи – см. на с. 59–61.

⁴ Виткину – мифическое водяное чудовище.

⁵ «Сас-поли-яны-нел» – мифическое лесное существо, имеющее длинный берестяной нос. Точный перевод – «берестяной большущий нос».

было настоящих перьев. Вследствие этого совы не могли лететь и при моем приближении неуклюже заковыляли вниз по откосу, помогая себе крыльями. На бегу они угрожающе щелкали клювами.

«Мы не хотим с тобой связываться, но попробуй, подойди; и увидишь, как мы тебя отделаем», – слышалось в этом щелканье, а злобное шипенье, напоминающее змеиное, красноречиво подтверждало их намерения.

Как только совы побежали, во мне вспыхнул охотничий инстинкт. Такой он, должно быть, был у наших предков, когда они бродили, одетые в звериные шкуры с каменными топорами в руках. Ружье осталось в лодке, и я, быстро нагнувшись, схватил осколок камня и, почти не целясь, швырнул им в одну из сов. Удар пришелся в голову, и сова, издав каркающий звук, скovyрнулась вниз, распластав крылья. Два последующие удара докончили ее, и через мгновение она была мертва.

И тут на меня напало раскаяние. Я не переносу убийства бесцельного, и тем более когда зверь совершенно беспомощен, как было в данном случае. К тому же сова была страшно худа и не годилась для еды, а ее шкурка, лишенная перьев, не могла быть пригодной для чучела.

Но сделанного не воротись. Надо воспользоваться хоть другой совой и сфотографировать ее. Приняв это решение, я бегом пустился к лодке и вскоре вернулся с фотоаппаратом. Найти птицу было нетрудно, и я увидел ее сидящей между старой сосной и нависшим камнем. Когда я подходил к ней, она только шипела, но раздвигание штатива повергло ее в сущее неистовство. Сова захлопала крыльями, а громкое щелканье клюва было похоже на звук кастаньет. Она грозила изорвать меня на клочки и съесть, но я мужественно перенес ее угрозы и поспешил запечатлеть ее гнев на пластинке.

После этого я вооружился прутиком и, несмотря на великое негодование врага, перегнал его на другое место. В выборе этого места у нас вкусы сильно расходились. В то время как сова искала глубокой тени, я предпочитал свет и солнце. Наконец, мы сошлись на небольшой ямке под защитой скалы, причем большая часть птицы была хорошо освещена.

Установив аппарат, я замер, чтобы дать возможность сове успокоиться. Загнанная в угол, она чувствовала себя, по-видимому, сильно угнетенной, а может быть, и смерть товарища произвела на нее впечатление. Но мне показалось, что в ее глазах виднелся укор, а вместо недавней злобы мелькал страх поставленного в беспомощное положение животного. Перья на голове ее сильно топорщились, что служило показателем сильнейшего волнения.

Я постарался успокоить совушку, начав говорить с ней. Пока я говорил, она сидела без движения, уставившись на меня круглыми немигающими глазами. В это время солнце выглянуло из-за облаков, я нажал спуск и, сложив аппарат, поспешил пойти, не желая больше надоедать птице своим присутствием.

Теперь я принялся за осмотр соседних камней и скал. И вот что они рассказали мне.

Эту местность избрало себе семейство каменных сов⁶. Молодые, не получив еще полного оперения, не могли лететь и были в состоянии лишь прыгать, неловко переваливаясь с боку на бок, помогая себе крыльями. В небольших расщелинах и под нависшими камнями были излюбленные места обеих птиц. Здесь земля была покрыта пометом, перьями и отбросами совиного стола. Частенько совыта сиживали на выступающем корне небольшой искривленной березки, откуда я вспугнул их давеча. Отсюда, в случае необходимости, совы могли быстро спускаться вниз и прятаться в одну из щелей.

Пищу им доставляла их мамаша, старая сова, которой едва хватало времени накормить прожорливых ребят и поесть самой. Она приносила им все, что попадалось ей на охоте. Обычно это были птицы и мыши. Но и не только они делались ее добычей, – на камне валялась лапа зайчика с обрывками окровавленной кожи.

Наверное, ночью, не подозревая о грядущей опасности, он медленно спускался к воде, где у самого берега росла нежная зеленая травка. Такой нет наверху, где между старыми соснами можно было найти лишь толстый слой хвои. Бедному косому нелегко было спускаться по крутому склону. Его ноги приспособлены скорей для подъема, и он был весь поглощен своей трудной задачей.

Вдруг раздался злобный шум, и когти бросившейся вниз совы впелись в спину зайца. Отчаянное сопротивление не спасло его от острых когтей и крепкого клюва. Через минуту он был мертв. Старая сова притащила его птенцам и здесь начала рвать его на куски, которые они с жадностью глотали.

Зайчонка едва хватило на обед, и потому, оставив птенцов в одиночестве, сова снова полетела добывать пищу, спеша покончить с этим до наступления дня. Она боялась света – глаза ее видели днем прекрасно, но ей не хотелось попадать на вид дневным птицам, которые не питали к ней симпатии и, завидя ее, собирались большими стаями и с криком и писком носились вокруг нее, прогоняя кровожадного хищника от своих гнезд.

Избегая встречи с ними, сова предпочитала днем забиваться куда-нибудь в укромный уголок и там проводить время до самого вечера. Молодые совыта, насытившись, тоже залезали в одно из своих убежищ, где благодаря серой окраске совершенно сливались с окружающими камнями.

Так жили они среди скал, пока приход их главного и почти единственного врага – человека – не нарушил их покоя.

⁶ Неясыть (каменная – лапландская – сова).

КАК ^{это} было

В этом новом отделе «Всемирного Следопыта» редакция помещает короткие истории, посвященные необычайным встречам, приключениям, открытиям и интересным наблюдениям (по возможности, оправданные или документами, или фотоснимками, или зарисовками). Не каждый может быть беллетристом, но многие бывалые люди могут кратко описать пережитые ими исключительные случаи, отсылаясь к программе нашего журнала. Особенно это относится к морякам, волжникам, звероловам, охотникам, натуралистам, горникам, геологам, этнографам, археологам, ж.-д. строителям, лицам, работающим в заповедниках, на различного рода промыслах и, вообще, ведущим жизнь под открытым небом. Редакция рассчитывает, что «короткие истории» отдела «Как это было» помогут вместе с тем редакцию выявить среди лиц, дающих материал, новых авторов. Помещаемые нами ниже две интересные встречи описаны молодым студентом-этнографом Ленинградского университета В. Чернецовым.

Зоопарк вогула Алхати

Весь конец августа был дождливый. Я в это время жил в юрте своего друга вогула, на берегу р. Токты. В описываемый вечер мы сидели, по обыкновению, перед горящим чувалом¹⁾ и прислушивались к завыванию ветра в вершинах старых сосен. Непогода расстраивала все наши планы, и теперь, пребывая в вынужденном бездействии, мы немилосердно скучали и на все лады

проклинали дождь, который как на зло час от часу становился все сильнее и сильнее.

Обычно в такие дни Алхати — так звали моего друга — рассказывал бесконечные вогульские сказки и легенды или посвящал меня в различные загадки из жизни леса. Сегодня он уже успел рассказать одно сказание и теперь смотрел, как я зарисовывал в альбом причудливую орнаментировку берестяной коробки.

¹⁾ Чувал — очаг вроде камина.

Фотография с полными рисунками вогула Алхати.

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ 141

— А дай мне палочку для писания, я тоже чего нарисую, — сказал вогул, когда я кончил рисунок.

Я обрадовался такой идее и немедленно передал в его распоряжение карандаш и бумагу.

Алхати пошевелил сначала дрова в чувале и, когда они разгорелись, уселся на свернутую оленью шкуру, положил тетрадь на колени и принялся рисовать.

Сначала он нарисовал нарту, желая изобразить всю упряжку (табл. I, рис. 1). Но, видя, что ему нехватит места, нарисовал другую (I, рис. 2), и при ней трех оленей. Над нартой поместился человек, правда, по сравнению с оленями очень маленького роста. В одной руке он держит вожжу, а в другой — харей¹⁾. Рисуя оленей, вогул подчеркнул наиболее характерные особенности этих животных, как, напр., длинный подшейный волос, имеющий вид бороды, выступающие лопатки и растопыренные копыта. Наряду с этим он довольно равнодушно отнесся к такому важному органу, как глаза, и наградил ими лишь одного оленя.

Закончив рисунок, Алхати полюбился на него и добавил еще одного оленя (I, рис. 3) и собаку (I, рис. 4).

— Пусть она тоже бежит, — сказал он и, немного помолчав, добавил: — Видишь, ничего не боится, хвост кверху держит!

С этими словами Алхати приделал собаке небольшую закорючку, которая должна была изображать хвост. От собаки его фантазия перенеслась к глухарке (I, рис. 5), а затем к глухарю (I, рис. 6), которого он поместил немного правее. Обе птицы были изображены с растопыренными крыльями и распушенными хвостами.

Теперь, повернув тетрадь, чтобы удобнее было рисовать, вогул исполнил лося (I, рис. 7), широкие рога которого имели многочисленные отростки.

— Старый мужик! — заметил он, любясь на свое произведение. — А вот знаешь, — продолжал он, — видел я однажды утку! Таких уток здесь нет, она тогда пролетом на озеро села. Нос

¹⁾ Харей — длинный шест, служащий для управления ездовыми оленями.

у нее больно широкий, а на голове перья торчат...

С этими словами он нарисовал птицу с широким, как у колпика²⁾, клювом, но — в отличие от последнего — ноги были коротки и с плавательной перепонкой, которую Алхати изобразил в виде двух кружочков на каждой ноге (I, рис. 8).

Войдя во вкус, он продолжал с воодушевлением рисовать, прибавив к своему зоопарку белку, горностая, зайца, гагару и налима (I, рис. 9–13). Нужды нет, что белка вышла почти одного роста с зайцем и больше гагары, а последняя уселась зайцу на спину. О расположении

Когда дрова в чувале разгорелись, Алхати приделал тетрадь на колени и принялся рисовать.

изображений вогул не заботился и повертывал бумагу как было ему удобнее. Но зато каждое животное имело какую-нибудь отличительную черту, характерную для него, по которой его невозможно было спутать с другими.

— Вот, смотри! Это — заяц. Видишь, лапы какие толстые; он по снегу бегаёт, потому они и такие. А у белки опять хвост большой. Ты лодкой едешь, веслом правишь, а она, когда по деревьям скачет, хвостом себе помогает.

У гагары вогул подметил длинную тонкую шею, а у налима характерные для

²⁾ Птица из отряда голенастых; клюв ее в конце расширен в виде лопатки, ноги длинные. Водится и у нас, на юге СССР, на берегах озер и болот.

142 **ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ**

него сросшиеся спинные, хвостовые и брюшные плавники.

Видя, что места на листе нехватает, я подсунил приятелю еще бумаги, на которой он продолжал рисовать с еще большим рвением. Здесь появились на свет: цапля (табл. II, рис. 1) с длинной шеей и большим клювом, ястреб (II, рис. 2) с крючковатым острым носом и изогнутыми когтями, ворон (II, рис. 3), рябчик (II, рис. 4) и кедровка (II, рис. 5). Рисуя последнюю, вогул вставил ей в разинутый клюв шишку.

— Она всегда кричит «какв, какв» — так вот пусть с шишкой и живет. Осенью она их много к себе натаскивает. Я прошлый год у нее фунтов пять орехов нашел, и все хорошие, крупные.

Выдру (II, рис. 6) Алхати изобразил с длинным туловищем, короткими ногами и прямым хвостом. Кузнечик (II, рис. 7) и мышь (II, рис. 8) напоминали настоящих довольно отдаленно, в особенности первый; но здесь приходилось уж верить на слово самому художнику. Зато корову (II, рис. 9) он снабдил прекрасными рогами, а лошади (II, рис. 10) приделал длинный толстый хвост.

— Ну, вот, всех рисовал! — сказал он, с восторгом глядя на свое художество. — И козова, и мышь, и ястреб — все есть!

— А знаешь, Алхати, — сказала я ему. — Ты вот мне про виткину¹⁾ рассказывал, — так нарисуй-ка ее...

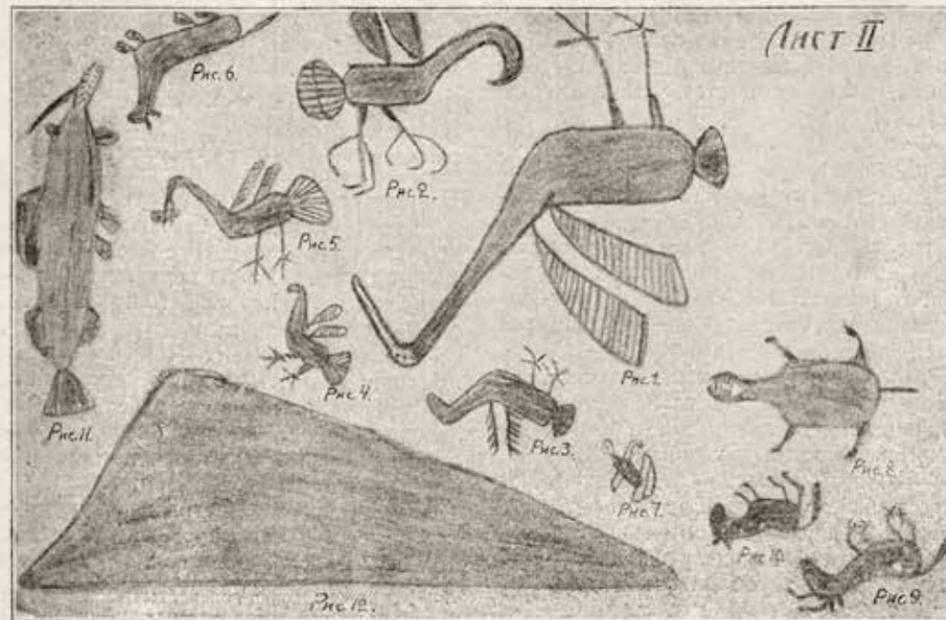
— Кого, виткину?.. — тут вогул громко рассмеялся — до того ему показалось забавным нарисовать самое виткину.

— А что, попробую! — наконец промолвил он, снова усаживаясь на свою шкуру. — А ты не бойшься, она ведь страшная, виткину, людей ест, — продолжал он, все еще смеясь.

Виткину (II, рис. 11) вогул нарисовал в виде длинного существа с большой зубастой пастью и громадным рогом на голове. Своими плавниками она напоминала рыбу. Покончив с чудовищем, Алхати нарисовал сбоку громадный треугольник (II, рис. 12), который он тщательно зачернил.

— Это «сас-поли-яны-нел»²⁾, леший, у него нос во-о какой! — Здесь вогул да-

¹⁾ Виткину — мифическое водяное чудовище.
²⁾ «Сас-поли-яны-нел» — мифическое лесное существо, имеющее длинный берестяной нос. Точный перевод — «берестяной большущий нос».

Фотография о подлинных рисунках вогула Алхати.

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ 143

леко раздвинул руки, показывая, какой большой нос у лешего.

— А почему же берестяной?

— Кто знает... Я не знаю, такой уж живет... Это он ночью кричит: «Охо, охо!» У, мы боимся, беда!..

Здесь Алхати пришел в полный восторг от своего зоопарка, и в избытке веселья разразился хохотом, покотившись на оленью шкуру. Его смех был настолько искренен и заразителен, что я последовал его примеру, — да с таким усердием, что ручная белка, споксйно разгрызавшая до того времени орешки, моментально нырнула в свой ящик. Оттуда она выглядывала, опасливо поводя усатой мордочкой.

Насмеявшись, Алхати поднялся и вышел из юрты. Когда он вернулся, у него был необыкновенно довольный вид.

— Ну, вот, — сказал он, — пока мы здесь рисовали, дождь прошел, и на небе видны звезды. Ветер хороший стал. Теперь дождя больше не будет, и завтра мы пойдем.

Эта весть меня очень обрадовала, так как я уже было совсем отчаялся попасть в интересное для меня место до наступления холодов. Теперь же дело повернулось удачной стороной. Улегшись спать, я с наслаждением думал о предстоящем походе...

В. Чернецов в одежде вогула.

Встреча с лапландской совой

Однажды, во время скитаний по северу, я спускался на лодке по быстрой горной речке. Ее пороги, коварные подводные камни и водвороты на каждом шагу готовили для моей утлой посудины разные пакости, и потому мне постоянно приходилось держаться на чеку. После особенно упорной войны с порогами, я решил отдохнуть и, прельстившись красивым местом на берегу, зачалил лодку. Развести костер было делом недолгим, и вскоре огонь весело потрескивал под закопченным котелком с водой. В ожидании чая я задумал осмотреть берег, где громоздились серые скалы, поросшие густым лесом. Скалы всегда привлекают меня, и я люблю лазать по ним, с любопытством заглядывая в каждую расщелину, в каждую пещеру в надежде найти там что-нибудь интересное.

Добравшись до самой вершины, я повернул было назад, как вдруг услышал за спиной шорох. Моментально обернувшись, я увидел двух сов, сидевших на корне небольшой раскидистой березки. Они угрожающе щелкали клювами и топорили оперение. Мне сразу бросилось в глаза, что птицы были лишние и у них почти не было настоящих перьев. Вследствие этого совы не могли

лететь и при моем приближении неуклюже заковыляли вниз по откосу, помогая себе крыльями. На бегу они угрожающе щелкали клювами.

«Мы не хотим с тобой связываться, но попробуй, подойди, и увидишь, как мы тебя отделаем» — слышалось в этом щелканьи, а злобное шипенье, напоминающее змеиное, красноречиво подтверждало их намерения.

Как только совы побежали, во мне вспыхнул охотничий инстинкт. Такой он, должно быть, был у наших предков, когда они бродили, одетые в звериные шкуры с каменными топорами в руках. Ружье осталось в лодке, и я, быстро нагнувшись, схватил осколок камня и, почти не целясь, швырнул им в одну из сов. Удар пришелся в голову, и сова, издав каркающий звук, скovyрнулась вниз, распластав крылья. Два последующие удара dokonчили ее, и через мгновение она была мертва.

И тут на меня напало раскаяние. Я не переношу усийства бесцельного и тем более, когда зверь совершенно беспомощен, как было в данном случае. К тому же, сова была страшно худа и не годилась для еды, а ее шкурка, лишенная перьев, не могла быть пригодной для чучела.

Сова сидела неподвижно, уставившись на меня круглыми немигающими глазами...

Но сделанного не воротить. Надо воспользоваться хоть другой совой и сфотографировать ее. Приняв это решение, я бегом пустился к лодке и вскоре вернулся с фото-аппаратом. Найти птицу было нетрудно, и я увидел ее сидящей между старой сосной и нависшим камнем. Когда я подходил к ней, она только шипела, но раздвиганье штатива повергло ее в сущее неистовство. Сова захлопала крыльями, а громкое щелканье клюва было похоже на звук кастаньет. Она грозилась изорвать меня на клочки и съесть, но я мужественно перенес ее угрозы и поспешил запечатлеть ее гнев на пластинке.

После этого я вооружился прутиком и, несмотря на великое негодование

врага, перегнал его на другое место. В выборе этого места у нас вкусы сильно расходились. В то время, как сова искала глубокой тени, я предпочитал свет и солнце. Наконец, мы сошлись на небольшой ямке под защитой скалы, причем большая часть птицы была хорошо освещена.

Установив аппарат, я замер, чтобы дать возможность сове успокоиться. Загнанная в угол, она чувствовала себя, повидимому, сильно угнетенной, а может быть, и смерть товарища произвела на нее впечатление. Но мне показалось, что в ее глазах виднелся укор, а вместо недавней злобы мелькал страх поставленного в беспомощное положение животного. Перья на голове ее сильно то-

порщились, что служило показателем сильнейшего волнения.

Я постарался успокоить совушку, начав говорить с ней. Пока я говорил, она сидела без движения, уставившись на меня круглыми немигающими глазами. В это время солнце выглянуло из-за облаков, я нажал спуск и, сложив аппарат, поспешил отойти, не желая больше надоедать птице своим присутствием.

Теперь я принялся за осмотр соседних камней и скал. И вот что они рассказали мне.

Эту местность избрало себе семенство каменных сов¹⁾. Молодые, не получив еще полного оперения, не могли лететь и были в состоянии лишь прыгать, неловко переваливаясь с боку на бок, помогая себе крыльями. В небольших расщелинах и под нависшими камнями были излюбленные места обеих птиц. Здесь земля была покрыта пометом, перьями и отбросами свиного стола. Частенько совята сиживали на выступающем корне небольшой искривленной березки, откуда я вспугнул их давеча. Отсюда, в случае необходимости, совы могли быстро спускаться вниз и прятаться в одну из щелей.

Пищу им доставляла их мамаша, старая сова, которой едва хватало времени накормить прожорливых ребят и поесть самой. Она приносила им все, что попадалось ей на охоте. Обычно это были птицы и мыши. Но и не только они делались ее добычей,—на камне валялась лапа зайчика с обрывками окровавленной кожи.

¹⁾ Неясить (каменная—лапландская—сова).

Наверное, ночью, не подозревая о грядущей опасности, он медленно спускался к воде, где у самого берега росла нежная зеленая травка. Такой нет наверху, где между старыми соснами можно было найти лишь толстый слой хвои. Бедному косому нелегко было спускаться по крутому склону. Его ноги приспособлены скорей для подъема, и он был весь поглощен своей трудной задачей.

Вдруг раздался зловеющий шум, и когти бросившейся вниз совы впились в спину зайца. Отчаянное сопротивление не спасло его от острых когтей и крепкого клюва. Через минуту он был мертв. Старая сова притащила его птенцами и здесь начала рвать его на куски, которые они с жадностью глотали.

Зайчонка едва хватило на обед, и потому, оставив птенцов в одиночестве, сова снова полетела добывать пищу, спеша покормить с этим до наступления дня. Она боялась света—глаза ее видели днем прекрасно, но ей не хотелось попадать на вид дневным птицам, которые не питали к ней симпатии и, завидя ее, собирались большими стаями и с криком и писком носились вокруг нее, прогоняя кровожадного хищника от своих гнезд.

Избегая встречи с ними, сова предпочитала днем забиваться куда-нибудь в укромный уголок и там проводить время до самого вечера. Молодые совята, насытившись, тоже залезали в одно из своих убежищ, где, благодаря серой окраске, совершенно сливались с окружающими камнями.

Так жили они среди скал, пока приход их главного и почти единственного врага — человека — не нарушил их покой.

В. Чернецов.

УДК 904; 902/904; 902.2; 902.03
DOI 10.31630/2949-3609-2025-1-62-73

В. Н. Чернецов

ПОЛЕВОЙ ОТЧЕТ О РАБОТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В МАНГАЗЕЕ (1946 г.)*

/Титульный лист/ Арктический научно-исследовательский институт Главсевморпути при Совете министров СССР

В. Н. Чернецов

Полевой отчет об археологической экспедиции в Мангазее (1946 г.)

Текст на 36 листах

Фото на 17 листах

Ленинград

1946

/Л. 1а/ Полевой отчет о работе археологической экспедиции в Мангазее

Весной 1946 года Арктическим институтом Главсевморпути была организована экспедиция по изучению древней истории Ямало-Ненецкого округа и истории города Мангазеи.

Задачей экспедиции является выяснение процессов заселения и последующих смен культур на территории полярного Приобья и, в частности, эпохи начала колонизации этого края русскими.

По прежним исследованиям (находки Новицкого в дельте Оби в 1907 г., разведки Кольса в устье Таза в 1925 г., наши работы на Ямале в 1929/30 гг., раскопки Адрианова в устье Полуя 1934–35 гг. и находки в Ярсале) мы можем судить, что побережье Обской и Тазовской губы и Карского моря были обитаемы, видимо, в эпоху раннего железа, а может быть, и в конце бронзы. Местами установлено существование культур арктического типа, несколько напоминающих эскимосские, которые базировались на промысле морского зверя и сухопутной охоте. Можно предположить, по крайней мере, два древних этнических и культурных течения: одно – с востока, палеосибирского характера, другое – с юга, раннеугорского.

В конце I тысячелетия до н. э. и в первые века н. э. местные культуры достигли высокого развития: население знало литье из бронзы и прекрасную высокохудожественную резьбу по кости.

Около IV–V вв. в приобских тундрах можно предполагать появление самоедских племен, принесших в этот край оленеводство и постепенно ассимилировавшихся, а частично, может быть, и уничтоживших древних насельников края. К середине II тыс. ненцы занимают уже самые отдаленные участки тундры, как оконечность Ямала, но не исключена возможность, что поселения аборигенов/Л. 2/ местами в это время еще сохранились. В это же время происходит первое появление русских промышленников на приобском севере и открытие ими ямальского волокна. От этой эпохи мы не располагаем никакими вещественными материалами, и все сведения основываются на «Сказании о человецех неведомых» и фольклоре. Для последующих столетий добавляются лишь скудные исторические данные, на основании которых восстановить картину русских и туземцев невозможно.

Было решено, что для получения достаточно полных данных изучение истории Полярного Приобья должно включать как сплошное археологическое обследование, так и сбор этнографического и фольклорного материала.

Археологическое обследование предполагалось провести как по побережьям, так и в некотором удалении от берегов по основным речным путям и у озера с сухими песчаными берегами.

Предполагалось, что в 1946 г. основной задачей экспедиции будет разведка памятников древностей по пути следования экспедиции от Сале-Харда до Мангазеи и разведка Мангазейского городища.

25–27 июня 1946 г. экспедиция выехала из Москвы в Тюмень в составе 4-х человек: начальника экспедиции старшего научного сотрудника кандидата исторических наук В. Н. Чернецова, старших научных сотрудников кандидатов исторических наук В. П. Левашовой и В. И. Мошинской и младшего научного сотрудника историка Н. И. Трошковой. По прибытии в Тюмень выяснилось, что 4 июля выходит из Тюмени в Сале-Хард пароход «Москва». Однако в силу того, что перевод, который должен был поступить к 5 июня, оказался еще не полученным, поэтому экспедиция не могла им воспользоваться. 5 июля из Тюмени вылетел в Хальмер-Седе пассажирский /Л. 3/ самолет, отправиться на котором мы не смогли опять-таки из-за отсутствия денег, хотя использование самолета дало бы экономию во времени до Сале-Харда не менее двух недель. Числа 6–7 предпо-

лагалось отправление из Тюмени в Сале-Хард парохода «Орджоникидзе». В это время Тюменский областной музей обратился к нам с просьбой взять их сотрудника П. З. Засекина, которого музей направлял для отбора этнографических коллекций. Для нас это являлось выходом из положения, поскольку можно было выехать в Сале-Хард на средства, отпущенные музеем своему сотруднику. 8/VII мы пароходом «Орджоникидзе» выехали из Тюмени и прибыли в Сале-Хард 16/VII. В тот же день выяснилось, что перевод, который должен был поступить в Сале-Хардское отделение Госбанка 10/VII, еще не получен. Отсутствие денег не позволило нам не только выехать в Хальмер-Седе с одним из уходивших туда теплоходов или самолетов, но и ликвидировать свою задолженность Тюменскому музею.

В ожидании получения средств мы занялись археологическими разведками в окрестностях Сале-Харда и работой в Сале-Хардском музее, где Н. И. Трошкова обнаружила ряд интересных исторических документов.

Сотрудниками экспедиции были проведены лодочные и пешеходные маршруты по высокому правому берегу реки Полуя как вверх до Елового мыса на расстоянии 20 км, так и вниз до Ангальского мыса (устье реки Полуя), а также вверх по реке Шайтанке, впадающей в реку Полуя у Сале-Харда.

Разведкой были установлены следующие памятники: 1) стоянка эпохи поздней бронзы в самом Сале-Харде около пристани; 2) стоянка времени раннего железа на левом берегу Шайтанки;

/Л. 3а/ 3) поздние остяцкие (хантыйские) могильники как в самом городе, так и около бывшей приемной рации ГУСМП и на Еловом мысу.

В двух последних пунктах обнаружены также следы хантыйских поселений, относящихся к XVIII–XIX вв.

Во время маршрута вниз по Полую мы посетили Усть-Полуйское городище, где работал в 1935–36 гг. Адрианов. Здесь нам представилась возможность познакомиться как со стратиграфией памятника, так и с характером культурного слоя. Даже поверхностный осмотр площади показал наличие здесь вала и рва – деталь, которую Адрианов упоминал в личной беседе, но не отметил в отчете, так как не был достаточно уверен в правильности своих наблюдений.

Признаки культурного слоя с керамикой Усть-Полуйского типа обнаружены нами на участке возвышенного берега Полуя на расстоянии 1 км от Усть-Полуя, ниже устья Харсоим. Здесь на довольно обширной площади непосредственно под дерном изредка попадались мелкие фрагменты керамики и примазки угля, нигде, однако, не составлявшие сколько-нибудь заметного слоя.

Ниже этого места на возвышенном мысочке, носящем название Зеленая Горка, около бакенного? пункта № 476 разведкой был обнаружен хорошо выраженный культурный слой, обильный керамикой, шлаком, углем и костями животных. Верхние слои Зеленой Горки вследствие обилия органических остатков приобрели черноземный характер, что и сказалось на растительности, резко отличающейся от окружающей тундры. Обильный травяной покров и послужил причиной названия этого урочища. Черноземная /Л. 4/ почва привлекла к себе внимание для устройства огорода.

Многочисленные маршруты вниз по Полую и вглубь тундры вверх по Хар-сойму, предпринятые в поисках могильников Усть-Полуйского времени, не дали, однако, положительных результатов. Были обнаружены только могильники и большое количество отдельных погребений, преимущественно хантыйских, относящихся в XVIII–XIX вв.

На основании произведенных разведок были поставлены раскопки в Сале-Харде (около пристани) и на Зеленой Горке. Из-за отсутствия средств рабочую силу можно было привлечь в очень ограниченном размере, вследствие чего и работы удалось развернуть в несравненно меньшем объеме, чем это было желательно. Проведение раскопок в Сале-Харде затруднялось еще и самой стратиграфией памятника.

Почти по всей площади мысочка, на котором расположена типография (бывшая деревянная церковь), где нами был разбит раскоп, непосредственно под тонким дерновым слоем залегает слой щепы, мощность которого достигает местами одного метра. Верхние горизонты слоя щепы накопились в результате неоднократных перестроек церкви. Нижние же, возможно, относятся ко времени возникновения Обдорского острожка и даже предшествовавшего его появлению хантыйскому селению. О последнем говорят обрывки берестяных тисок, кое-какие костяные подделки, углистые прослойки и скопление обожженной глины – следы очагов. Благодаря малой теплопроводности щепы, местами к тому изрядно напитанными водой, этот слой оттаивает чрезвычайно /Л. 5/ туго и на проходку его в зависимости от мощности требовалось от 2 до 4 дней, да и то только при наличии жаркой погоды, стоявшей в то время.

Всего в двух раскопах около типографии было вскрыто около 40 кв. м.

В первом раскопе удалось напасть на жилой комплекс – остатки землянки. В результате работ установлены размеры и конструкция жилища и собран большой вещественный материал, позволяющий датировать постройку землянки последними этапами местной бронзы, а конец ее существования – началом Усть-Полуйского времени.

Второй раскоп показал культурный слой, не отличавшийся по стратиграфии и характеру находок от первого раскопа.

* Публикуется по материалам Архива Арктического научно-исследовательского института. Р-1641. Д. 574. На 56 л. Репринт отчета – см. на с. 74–116.

Несмотря на обилие находок, этот раскоп решено было закрыть, так как более чем метровый пласт щепы очень затруднял работу. При промывании этот слой, вследствие обилия содержащейся в нем воды, образует пльвун, и вскрытие более или менее значительной площади могло грозить оседанием здания типографии.

Несмотря на крайне ограниченное применение районной рабочей силы, этот расход привел к полному истощению наших средств. Мы не имели возможности даже нанять рабочих для засыпки раскопа, не говоря уж о том, что наш долг Тюменскому музею не сократился, а возрос к этому времени до 3.500 рублей. Окружные организации, вследствие предстоящих у них больших расходов, также не могли прийти к нам на помощь, и в начале августа мы были вынуждены продать кое-что из личных вещей, чтобы выкупить продукты и вернуть небольшую часть /Л. 6/ денег Засокину, который должен был в это время выехать в район для сбора коллекции.

Отсутствие средств не позволило нам ни посетить расположение недалеко от Сале-Харда селения Лабет-нанг, Катра-вож и Пель-вож, где, по имеющимся сведениям, расположены высокоинтересные памятники древности, ни своевременно начать работы на Зеленой Горке, поскольку это было связано с переездом за 6 км от города. Лишь 19/VIII был получен долгожданный перевод. Расплатившись с долгами и получив продукты, мы могли покинуть Сале-Хард, но наступившее ненастье задержало нас еще на три дня, и лишь 24/VIII мы переправили лодкой свой груз в аэропорт. Штормовая погода задерживала прибытие самолета, и мы постарались использовать это время для работ на Зеленой Горке. Здесь были заложены два раскопа. Первый в верхней части мысочка (около 20 кв. м) и второй – близко к его оконечности (24 кв. м).

Первый раскоп наслоения относился к трем разным эпохам. Нижний горизонт принадлежал стоянке, по всей вероятности, открытой или с жилищами наземного типа. Судя по собранной керамике, этот горизонт можно датировать эпохой бронзы, быть может, более несколько ранней, чем землянка у типографии в Сале-Харде. Второй горизонт в большинстве случаев оказался нарушенным постройками, перекрывавшими его от третьего слоя. Тем не менее, и небольшие участки сохранившегося в непотревоженном состоянии слоя дали возможность датировать его совершенно точно и отнести его к Усть-Полуйскому времени. При этом характер расположения находок заставляет предполагать возможность нахождения на Зеленой Горке могильника Усть-Полуйского времени.

/Л. 7/ Третий верхний горизонт полнее всего удалось изучить по второму раскопу. Он относится к поселению IX–X вв. с жилищами полуземляночного типа.

В результате раскопок удалось весьма детально установить конструкцию жилища, а находки, хотя и немногочисленные, оказались настолько характерными, что позволили датировать памятник с большей уверенностью.

29/VIII установилась летная погода и мы вылетели в Хальмер-Седе. Здесь выяснилось, что пароход «Воркута» ушел в свой последний рейс в вершину Таза 24/VIII, но местные партийные и советские организации обещали нам содействие в отправке экспедиции в места работы на катере. В ожидании последнего мы предприняли разведки в окрестностях Хальмер-Седе по левому берегу р. Таз.

На старом ненецком кладбище в устье речки Хальмер-яга выше Хальмер-Седе, приблизительно в 4 км от Рыбзавода, на песчаных выдувах были обнаружены следы временных стоянок, относящихся к эпохе поздней бронзы и раннего железа. Эти находки позволяют привязать к определенным пунктам материал, собранный Кольсом в 1927 г. и хранящийся в Музее антропологии МГУ, и ввести его в научную обработку.

В самом Хальмер-Седе было обнаружено небольшое городище с тощим культурным слоем, относящееся, по всей вероятности, к эпохе позднего железа.

По мере того как проходили дни и выяснялась ограниченность возможностей местного транспорта, для нас становилась более очевидной неизбежность осеневки в Мангазее. Учитывая невозможность длительной задержки для И. П. Левашовой и /Л. 8/ целесообразность для Н. И. Трошковой использовать время для работы над историческим материалом в архивах, мы решили разделиться – с тем чтобы И. П. Левашова и Н. И. Трошкова с первым самолетом, ожидавшимся между 5 и 10/IX, вылетели в Сале-Хард и далее в Тобольск.

9/IX местным организациям удалось, наконец, направить катер, с которым Мангазейский отряд и направился к месту работы. 13/IX мы выгрузились в Мангазее и приступили к работам, результаты которых изложены в прилагаемом к отчету докладе.

Конец сентября был ясный и сухой, хотя значительные заморозки по утрам (10–15° ниже нуля) существенно затрудняли работу. Выпавший 5/X снег заставил прекратить ее совсем. Наступившие холода сделали пребывание в палатке очень тяжелым, но переезжать в станок Сидоровск не входило в наши планы, так как повлекло бы за собой неизбежный отрыв от туземного населения и затруднило бы этнографические наблюдения. В силу этого мы срубили избушку на берегу Таза, в которой и прожили до 29/XI. 23/XI пришел денежный перевод от АНИИ, после чего мы смогли приступить к найму оленей и сборам в дорогу. К тому времени из телеграммы И. П. Левашовой мы знали, что из-за неудовлетворительной работы Хальмер-Сединского аэропорта они были вынуждены отравиться из Хальмер-Седе в Сале-Хард водным путем. Опасение застрять в Хальмер-Седе на неопределенный длительный срок и желание хотя бы в зимнее время ознакомиться с древним путем из Старой

Мангазеи в Новую заставило нас выбирать обратный маршрут через Туруханск. 3/XII мы выехали из Сидоровска через Русское озеро, Момчик на Янов стан.

/Л. 9/ Водораздел между Тазом и Туруханом представляет собой тундру с небольшими перелесками лишь по долинам многочисленных речек. На всем пространстве рельеф очень незначителен, за исключением спуска в долину р. Большой Блудной в 30 км от Янова Стана. Весь водораздел изобилует озерами, в большинстве случаев связанных между собой протоками и речками. По ним и осуществляется летом связь между Яновым Станом и Тазом на ветках и небольших лодках. Лодочных путей через перевал несколько: некоторые из них доступны лишь для веток и идут по узким мелководным речкам, но почти без сухопутных волоков; другие же, как путь на Сидоровск – Мангазее, через Русскую речку, впадающую в километрах двадцати выше Янова Стана и Турухана; и путь на Красноселькупск – Худосеевское зимовье через вершину Худосей доступен и для больших лодок, но сопряжен с волоками и перегрузками. Волоки на этих путях обслуживались оленями или даже конным транспортом, а в предшествовавшие годы, когда вершина Таза относилась к Туруханскому району, на Худосеевском волоке был устроен даже деревянный рельсовый путь.

В Яновом Стане, куда мы прибыли 7/II¹ выяснилось, что олени, принадлежащие местной фактории и двум селькупским хозяйствам, еще летом ушли и не найдены до сих пор. Налицо имелось лишь 6 голов, которых было недостаточно для переброски нашего груза и которые фактически находились в Фарково.

Рассчитывая проделать путь от Таза до Туруханска за две недели, как это указывали в Сидоровске, мы захватили с собой и соответствующее количество продуктов, которых нельзя было взять больше из-за недостаточного количества оленей уже в Сидоровске. Непредвиденная задержка уже в Яновом Стане быстро подорвала наши /Л. 10/ небольшие запасы, пополнить которые было уже неоткуда, поскольку мы переехали из Тюменской области на территорию Красноярского края. Поэтому мы предприняли шаги к выяснению через АНИИ и Академию Наук возможности высылки за нами самолета из Игарской группы. В ожидании ответа из Ленинграда или Москвы мы приводили в порядок собранные материалы в той мере, как это было возможно сделать вдали от библиотек и музеев. Совершенно неожиданно 28/XII из Совречки пришел в Янов Стан обоз, направлявшийся за продуктами в Фарково. 29/XII мы, наконец, выехали из Янова Стана и неделю спустя добрались до Фарково. Переезд был тяжелым. Теплая одежда, которую нам удалось достать, была весьма неудовлетворительного качества, а зима в этом году на редкость суровой. В декабре температура редко поднималась выше 50°, а в январе установилась в промежутке между -50 и -60 °С, достигнув к середине января -65 °С.

В Фарково из-за отсутствия транспорта мы провели еще 11 дней, 3 дня ждали лошадей в Старом Туруханске, и лишь 19/I, наконец, прибыли в Туруханск. Вследствие сильных морозов аэропорт в Красноярске был закрыт и самолет мог вылететь из Туруханска в Красноярск лишь 25/I. В Красноярске мы сначала остановились на перевалочной базе УПА, но вскоре перевелись в Краевой Музей, где в нашем распоряжении оказалась основная необходимая литература.

3/II мы вылетели в Москву.

/Л. 11/ Город Мангазея был расположен в 30 км от устья реки Таз и в 275 км от современного районного центра Хальмер-Седе.

Прежде чем перейти к изложению работ, связанных с разведками города, коснемся вкратце характера страны, т. е. бассейна Нижнего и Среднего Таза и ее населения.

Нижнее течение реки Таз находится в зоне тундры и лишь в километрах 200-х от устья на берегах Таза появляются первые признаки леса в виде отдельных лиственниц (рис. 1, 2).

Выше протоки Яун-Тарка в 250 км от устья Таза появляются довольно значительные леса (рис. 3), постепенно увеличивающиеся по мере приближения к Мангазее. Однако и здесь лес расположен сравнительно неширокой полосой по обе стороны Таза и по его притокам, достигая наибольшего развития на южных склонах. На некотором удалении от берега преобладает тундра, поросшая полярной березкой и багульником. Среди древесных пород преобладает лиственница, сменяющаяся по южным склонам и в защищенных местах елью. По берегам Таза и его притоков встречается также береза. Пойменные части быстро заросли тальником.

Нижнее течение реки Таз до Нембой-То населено ненцами рода Яр, Марьик, Ненянь, Харючи и др. Выше от Нембо-То до Надо-Мара (территория колхоза «Молодой стахановец») основным населением являются энцы, представленные родом Аседа (Waj), в его подразделениях (Ямкины /wajnaseda/ и Лырмины /molocnaseda/). Род собственно Аседа со смертью последних стариков в настоящее время на территории Таза исчез. /Л. 12/ Лырмины (molocnaseda), по-видимому, с давних пор подвергались ненецкому влиянию и восприняли ненецкий (по местному юрацкий) язык, тогда как Ямкины в какой-то степени сохранили свои языковые особенности. Кроме Аседа в этих же местах обитает род Паравы. Последние интересны тем, что, являясь по языку ненцами, они, однако, не входят в состав ненцев (Ма'аку или Харючи) фратрий. В то же время местное население не считает их энцами (т. е. Вай или Манту). Иначе говоря, для Паравы нет запретных родов ни среди ненцев, ни среди энцев.

¹ Пропущено X, т. е. 7/XII. – Пом. авт.

По-видимому, предпочтительным браком Паравы считают браки с представителями рода Лырминых. Все это заставляет предположить, что Паравы являются остатком какого-то самостоятельного племени, более или менее полно оненченными.

Выше Надо-Мары, от урочища Харава-Мара (Листвяжный песок) живут селькупы Сидоровского кочевого совета. Подробнее о населении, в частности, о заселении края, будет изложено ниже. Здесь же следует заметить только, что Средне-Тазовские селькупы не представляют по своему составу однородной среды. Тут мы встречаем представителей отдельных фамилий, собравшихся на Средний Таз из различных мест и здесь в значительной степени смешавшихся с ненцами, энцами, эвенками и ханты, пришедшими с Ларьяка. О древнем, дорусском населении бассейна Таза мы располагаем чрезвычайно скудными данными.

Не имея достаточных транспортных возможностей, мы не могли более полно исследовать Таз в археологическом отношении и должны были ограничиться разведкой в районе Хальмер-Седе. Они дали материал, сходный с собранным Кольсом в 1927 г.

/Л. 13/ При этом следует заметить, что памятники, поименованные Кольсом «неолитическими стоянками», представляют собой следы очень кратковременных стоянок, расположенных на сухих песчаных буграх на левом берегу Таза, относящихся к эпохе бронзы (скорее к поздним ее этапам). В районе Мамеевского Мыса, откуда собран Кольсом материал, помеченный «старым самоедским кладбищем», видимо, действительно был могильник, но более ранний, относящийся к IX–X вв. н. э.

В самом Хальмер-Седе обнаружено городище с тощим культурным слоем, содержащим костные остатки, кусочки шлака и весьма немногочисленные фрагменты керамики. По сведениям, полученным от местных жителей, более интересные памятники, давшие находки бронзовых предметов, расположены по мысу Евай-Сале, на правом берегу р. Пур близ его устья. Другим пунктом являлся о. близ фактории

Общее впечатление, сложившееся у нас на основе расспросов и личных наблюдений, таково, что низовье Таза относительно бедно в археологическом отношении. Весьма возможно, что оседлое население в древности, как и теперь, было здесь редким и немногочисленным. А кочевое и бродячее, которое могло появиться здесь с распространением оленеводства, естественно, не оставило после себя сколько-нибудь заметных следов. Отчасти по указаниям местных жителей, отчасти по личным наблюдениям, археологические памятники в виде ям от землянок обнаружены и в окрестностях Мангазеи. Таковы: группа землянок в количестве пяти и шести в станке Сидоровская Пристань на высоком берегу Таза, рядом с кладбищем. Размеры ям в среднем 6 × 6 м, но одна из них, более обширная, достигает 8 × 8 м. Имеются землянки на /Л. 14/ правом берегу речки Панчат-кы при ее устье. Одна яма найдена на левом краю возвышенного ложка, выпадающего в Осетровку в верхнем ее течении (см. план окрестностей Мангазеи, пункт № ___). Наконец, еще одна землянка расположена на краю высокого и крутого склона, обращенного к пересохшему озеру, находящемуся между Осетровкой и левобережным притоком Панчат-кы к северу от Мангазеи (см. план окрестностей Мангазеи, пункт № ___). К сожалению, эти памятники были обнаружены уже после выпадения снега, что и воспрепятствовало произвести на них разведки. По преданиям, распространенным среди местного населения, эти землянки принадлежали энцам. Предположительно на основании соображений, которые будут изложены ниже, их можно связывать не только с энцами вообще, сколько с родом Асежа.

Следы старой русской колонизации на Тазу сохранились в виде Мангазейского городища и Церковенска (40 км выше Красноселькупска), где, по всей видимости, находилось в XVII в. Худосейское зимовье. Следы этого является мощный слой чернозема в Церковенске и отдельные старинные русские вещи, обнаруженные при вскапывании огородов.

Мангазейское городище расположено на правом берегу р. Таз между устьем большой речки, именуемой в настоящее время Мангазейской, а в XVII в. называвшейся Осетровской, и крутым ложком. Теперь этот ложок сухой, насколько можно судить по «Расписному списку», в свое время по нему протекал ручей, именованный Ратилвкой.

Общая протяженность городища по берегу Таза несколько превышает 300 метров, в глубину городище простирается не более чем на 150–200 метров. В современном его состоянии городище резко /Л. 15/ отличается от окружающей тундры и прилегающего со стороны Ратилвки лиственного леса своим растительным покровом. В верхней части, на протяжении 200 метров от устья Осетровки и в частях, расположенных над берегом этой речки, оно поросло травой, достигающей в иных местах человеческого роста. Нижняя (по течению Таза), но более возвышенная по рельефу, часть городища покрыта березовой рощей (рис. 4, 5), особенно густой близ Ратилвского ложка, с подлеском из шиповника и красной смородины. Как было выше упомянуто, к нижнему (северо-западному) концу городища примыкает лиственный лес, граничащий с Ратилвским ложком. С севера и северо-востока с городищем граничит небольшой участок тундры, поросший полярной березкой и багульником. С восточной стороны оно ограничено долиной Осетровки (рис. 6), левый берег которой представляет собой возвышенную грядку, поросшую густым еловым лесом. Южная часть городища, выходящая на р. Таз, представляет собой более или менее крутой обрыв, увеличивающийся по своей высоте по направлению от Осетровки к Ратилвскому ложку, где он достигает 10–12 м (рис. 13). В настоящее время обрыв несколько задернован, но еще лет 5–6 назад он интен-

сивно подмывался Тазом, особенно в верхней части городища, где рекой уничтожена довольно широкая полоса. Во всяком случае, местные жители указывают, что после половодий «из берега вываливались целые дома».

Первый осмотр городища произвел на нас довольно удручающее впечатление. Буйная травяная и древесная растительность совершенно затемняла его рельеф (рис. 7). Местами среди травы и кустарника виднелись отдельные обомшелые бревна и более ясно выступали лишь развалины часовни Василия Мангазейского, построенной, как известно, в прошлом веке, а ныне разобранной /Л. 16/ и перенесенной в Сидоровскую Пристань для жилого дома.

Трава на городище не выкашивалась ни разу. На наше предложение выкосить ее хотя бы за плату, колхоз «Полярный круг» ответил, что сеном они обеспечены, а людей для покоса предоставить не могут. Учитывая сухость травы и влажность самой почвы, мы решили выжечь траву, что и предприняли 18/IX. Эта работа заняла четыре дня, так как участки с недостаточно сухой травой приходилось выжигать несколько раз, в то же время в ряде мест на площади городища от травы зажегся дерновый слой, который пришлось тушить из опасения, что огонь повредит нижележащий культурный слой и остатки строений. Как выяснилось впоследствии, эти опасения оказались в значительной степени излишними, так как культурный слой, залегающий под дерном и сфагнумовой подушкой, оказался достаточно влажным и мало затрагивался огнем. Но это обстоятельство выяснилось лишь впоследствии, а тушение тлеющего дерна заняло еще около четырех дней.

Одновременно с осмотром городища и впоследствии, когда позволяла погода, производился сбор подъемного материала на берегу Таза, у подножия берегового склона (рис. 14). Всего было расчищено около 300 кв. метров от устья Осетровки до Ратилвского ложка. Поиски дали довольно значительное количество материала, состоявшего преимущественно из керамики, обломков железа и отдельных предметов, залегающих в песке среди камней.

После очистки городища от травы и кустарников (рис. 8) стало возможным детально ознакомиться с его рельефом и начать топографическую съемку, руководствуясь при этом дошедшим до нас «Расписным списком Мангазеи», выдержку из которого считаем /Л. 17/ нецелесообразным приводить здесь.

По характеру рельефа и остаткам строений городище распадается на несколько частей. В самой нижней и в то же время возвышенной части городища был расположен острожек, занимавший неправильную трапециевидную площадь. Очертания острожка прослеживаются довольно точно как по резкой границе травяной и тундровой растительности с западной и северной стороны, так и по канавкам, идущим по внутреннему и внешнему краям стены. Стены городка, как известно, были срублены в ряд, что и оставило след в виде полосы шириной в 3 м (4 аршина), окаймляющей территорию острожка. С береговой стороны стена острожка обвалилась в результате подмывания берега, и лишь кое-где от нее сохранились отдельные бревна. Клетки ряжей были удлиненной формы, поскольку следы перерубов заметны на расстоянии 3 м один от другого. От башен более или менее сохранились следы угловых. Давыдовская башня, что «под Тазом рекой»² (рис. 12, 13) имеет квадратную форму и построена с внутренней стороны городской стены. Основание ее покоилось на ряде свай из лиственных бревен диаметром 25–30 см, верхушки, которой отчетливо заметны здесь по внутренней стороне стены. Остатки башни имеют в настоящее время очертания холма подквадратной формы размером около 9 × 9 м и высотой около 2 м, поросшими кустами смородины и шиповника. С береговой стороны видны торчащие из него концы бревен.

Совершенно сходные размеры и очертания имеет Зубцовская башня, также стоящая над Тазом. Успенская отличается /Л. 18/ от них лишь менее значительным холмом, но ряд свай выступает весьма отчетливо. От Ратилвской башни, расположенной в северо-восточном углу острожка, следов оставалось гораздо меньше. Она выделяется не столько рельефом, сколько растительностью, а именно густым пыреем, резко ограниченным от зарослей полярной березки, примыкающей с внешней стороны к городку. В средней части квадрата башни еле приметны следы нижних окладов сруба. Еще хуже сохранилась въездная Спасская башня. Однако место ее можно установить достаточно точно в средней части юго-восточной стены острожка по хорошо заметному перерыву во внешнем контуре последней. Вся площадь острожка покрыта буграми различной величины и очертаний. Наиболее четкую форму имеет бугор, расположенный к северо-западной стене. Он прямоуголен 6 × 10 м, вытянут в направлении с запада на восток. Возможно, что здесь следует видеть остатки бывшей в острожке церкви Св. Троицы.

Следующая площадь – самая большая часть городища, имеет протяженность 190 м по берегу Таза, считая от устья Осетровки, и 100 м вглубь берега, где она ограничена небольшим пологим ложком, идущим от Осетровки (рис. 9). По-видимому, это была основная жилая часть города – посад, который известен по источникам. Вся поверхность этой части сплошь покрыта четырехугольными ямами и буграми – остатками жилищ (рис. 9–11). Вначале мы пытались точно установить расположение домов и выяснить, таким образом, расположение улиц и порядков. Однако вскоре убедились, что без раскопок эта задача невыполнима. Вследствие ли заплывания почвы или нарастания сфагнумового водослоя, или вследствие /Л. 19/ того, что дома в свое время неоднократно перестраивались, но, во всяком случае, границы между ними в большинстве случаев оказывались совершенно неясными. Получалось впечатление, что во многих местах постройки были

² «Расписной список Мангазеи». Русская Историческая Библиотека. Т. II.

расположены без каких-либо промежутков между ними. Такому впечатлению способствовало, вероятно, и то обстоятельство, что на самом деле в посаде жили тесно и проулки между домами были очень узкими. Самое большее, о чем можно рискнуть говорить на основании поверхностного осмотра, – это то, что общее направление расположения построек прибрежной части посада было более или менее параллельно берегу, а в северной части посада следовало контуру и сгибу ложка. Сам ложок, судя по характеру его профиля и погоности, несомненно, использовался [для] взвоза, и даже можно отследить, как дорога от него шла к Спасской башне. В центре посада возвышался холм, хорошо видимый со всех сторон. На нем прекрасно различимы остатки довольно большого строения (6–14 м), вытянутого в направлении с запада на восток. С северной части к нему примыкает небольшая пристройка, приблизительно 4 × 4 метра. В отличие от многих других, это здание сохранилось относительно хорошо. Сохранились нижние ряды сруба и бревна от обвалившегося потолочного перекрытия. Судя по расположению, ориентировке и размерам, можно предполагать, что это здание было одним из двух церквей, существовавших, как известно, в посаде. С южной части холма, немного отступая от подножья, сохранилась линия хорошо сохранившихся срубов, тесно примыкающих один к другому (рис. 10). Эти срубы образуют ряд шириной 4 метра и длиной более 20 метров. Следы подобного же ряда строений примыкают к первому под прямым углом с восточной его стороны (рис. 11). /Л. 20/ Может статься, что это остатки бывших в посаде торговых рядов.

В 25 м к юго-западу от холма и также на небольшом всхолмлении находятся остатки другого довольно крупного строения квадратной формы: размер его 6 × 6 м. Об этом строении упоминает Шухов, называя его остатками Сторожевой башни. Однако, как мы полагаем, видеть в этой постройке, расположенной в самом посаде, сторожевую башню нет никаких оснований. Проем в нижней части восточной стены сруба, который Шухов считал бойницей для подошвенного боя, является, скорее всего, верхней частью двери, если учесть мощность сфагново-дерновой подушки. Над уровнем современной почвы от этой постройки возвышается всего 2–3 венца, и трудно предположить, что стены когда-либо были значительно выше, хотя Шухов и указывает эту высоту в два аршина, поскольку в пределах квадрата сруба различимы бревна потолочного перекрытия. В северо-западном углу дома находится скопление крупных камней, частично носящих следы огня. Можно допустить, что камни эти остались от бывшей печи.

Говоря о постройках в Мангазейском посаде, следует указать, что остатки, в одних случаях, имеют вид четырехугольных углублений, с сохранившимися срубами внутри них, в других, наоборот, представлены небольшими холмиками. Шурфовка одного из таких холмиков показала, что в верхних горизонтах он сложен из насыпной песчаной почвы, ниже которого залегает культурный слой жилища.

Таким образом, можно сделать вывод, что в посаде имелись как наземные жилища типа изб, так и землянки. Общее количество строений в посаде не поддается учету по причинам, /Л. 21/ указанным выше, но, во всяком случае, оно очень велико и никак не противоречит данным источникам.

Часть городища, между описанным только что и острожком со 190 до 250 м, поросла небольшой березовой рощицей и кустами тала. Следы построек различимы здесь несравненно слабее, чем в основной части посада, а местами, ближе к Спасской башне, и совсем не усматриваются. Была ли здесь площадь, или часть посада оказалась заброшенной раньше, помогут установить будущие раскопки.

С северной стороны города находятся еще два участка, несколько изолированные от остальных частей. Одним из них является небольшой холмик, расположенный к северо-востоку от Успенской башни, на котором заметны следы строений. Другой пункт находится к северу от посада, непосредственно за взвозом. Он представляет собой площадку довольно правильной формы, выше 25 метров в ширину и 35 метров в длину. В юго-западной части площадки находятся остатки строения, ориентированного с запада на восток. Близ восточной стороны прямоугольника находится квадратная (4 × 4 метра) впадина от другой постройки. Поверхность всей площадки несколько бугристая, местами различимы небольшие удлиненно-овальные впадины.

Если учесть описания Мангазеи и ее посада, то в этом участке можно видеть кладбище с находившейся на нем церковью. Однако это кладбище, по всей видимости, не является единственным в Мангазее. Следы могильника были обнаружены в ельнике на возвышенном мысу левого берега Осетровки. По словам местного жителя Сельницына, им был найден огнивший здесь деревянный крест.

/Л. 22/ II

Собранный в Мангазее вещевой материал содержит в себе следующие категории предметов:

1. Костный материал, по определению зоолога ИИМК АН СССР В. И. Цалкина, принадлежит корове мелкой породы (3 взрослых особи) и домашней свинье также мелкой породы (3 молодых особи и 1 взрослая).

2. Керамика представлена значительным количеством фрагментов простых плоскостенных горшков и кринок, со слабо профилированным краем и мало отогнутым венчиком. Тесто состоит из тонкой, хорошо отмоченной глины; обжиг восстановительный; черепки твердые, плотные в изломе, звонкие. Цвет поверхности и в изломе в большинстве случаев грифельно-серый и лишь иногда желтый и розовый. Среди общей массы керамики несколько фрагментов с черным лощением.

3. Железо:
 - а) ножи;
 - б) гвозди разных размеров;
 - в) сапожные подковки;
 - г) петля от котла;
 - д) части дверных засовов и другие трудноопределимые предметы;
 - е) стрелка железная, четырехгранная, бытующая у Пенхасово и применяющаяся для пробивания кольчуги.
4. Фрагментированный оловянный бокал на небольшом поддоне.
5. Небольшой обломок китайского фарфорового сосуда, расписанного кобальтом.
6. Стекло:

/Л. 23/ а) фрагмент прозрачного стекла, украшенного белыми и красными полосами;

 - б) фрагмент синего стекла, украшенного белыми полосами;
 - в) фрагмент лилового стекла, украшенного белыми полосами;
 - г) фрагмент сосуда прозрачного розового стекла, украшенного белыми полосами;
 - д) фрагменты зеленого стекла от штофов (5 обломков);
 - е) фрагмент прозрачного стекла.
7. Фаянс. Фрагмент фаянсового сосуда, покрытого желтой глазурью с внешней и внутренней стороны.
8. Монеты:
 - а) русские (Ивана IV, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича) 11 шт.
 - б) Нюрнбергская монета с надписью Hans Krauwinkel.
9. Серебряная пряжка.
10. Бронзовый мужской перстень, орнаментированный бороздками, прочерченными полосками вокруг луночки для эмали.
11. Подвески из четырех звеньев, перевитые бронзовой проволокой.
12. Бронзовая пуговица татарского типа.
13. Бронзовый нательный крестик.
14. Верхняя часть нательного серебряного крестика.
15. Бронзовая дужка из плетеной проволоки.
16. Свинцовые пули.
17. Часть бронзовой или железной заклепки, скорее всего от обшивки лодки.

/Л. 24/ 18. Фрагмент незаконченного бронзового ключа.

19. Два куса бронзовой отливки неправильной формы.
20. Кусок стенки медного котла.
21. Оконная слюдяная вставка треугольной формы и другие находки.

В культурном слое часто встречаются мелкие обрезки дубленой коровьей кожи. По словам местного жителя П. Н. Аркадьева, им однажды после половодья среди обломков вымытого из берега жилища были обнаружены целая коровья кожа и валяный сапог.

Описанный материал, собранный в Мангазее, хотя и немногочисленный, может, тем не менее, дать основание для некоторых выводов. Челюсти свиней и коров свидетельствуют о существовании животноводства в Мангазее. Мангазея не являлась, таким образом, лишь военно-торговым форпостом. Это было прочно обжитое место, где русские стремились создать привычный для них уклад и хозяйство.

Можно также полагать, что Мангазея жила не только привозными товарами. Обилие простой глиняной посуды, гвоздей и железных поделок, сырой и дубленой кожи, бронзово-литейных отходов и т. д. свидетельствуют о наличии в городе ремесленников, работающих на местный рынок.

Но основной удельный вес в Мангазее имела все же торговля с поразительно широким для своего времени и места размахом. Венецианское стекло, китайский фарфор, нюрнбергская монета с достаточной наглядностью иллюстрируют торговую мощь Мангазеи. Не приходится удивляться проходившей через нее пушнина. Богатая своим и привозным товаром, она, /Л. 25/ естественно, притягивала к себе «мягкую рухлядь» из всех прилегающих к ней областей тайги и тундры.

III

Вопрос о происхождении названия Мангазея затрагивался рядом авторов. Не вдаваясь в подробное изложение различных точек зрения, укажем лишь, что наибольшей популярностью пользовались две. Одна, высказанная Оболенским и поддержанная Житковым, сводится к тому, что название Мангазея происходит от искаженных форм слова «магазин». Эта точка зрения была опровергнута Онучиным, и к рассмотрению ее нет никаких оснований. Онучин со своей стороны высказал мнение, что название Мангазея происходит от самоедского Monkansi-ia – земля мангазеев. Эта точка зрения, несомненно, правильная, но требует некоторого углубления и уточнения. Онучин вслед за древнерусскими источниками именует monkansi самоедами.

Достаточно напомнить, что к западу от Урала и в понизовье Оби самоедами или самоедью называли ненцев, но уже на Тазу ненцев именуют юраками, а название «самоедь» предпочтительно относится к энцам, вернее, к части их, именующих себя Самату. В составе самоедских и ненецких родов нет ни одного, носящего имя monkansî. Естественно встает вопрос: кто были, в каком отношении находились они к самоедам, и что осталось с ними в настоящее время?

Для того, чтобы выяснить этническую принадлежность monkansî, необходимо хотя бы в общих чертах обратиться во взаимоотношениях восточно-самоедских племен и, в частности, в составе племени энцев.

/Л. 26/ Дело в том, что энцы представляют собою очень молодое племенное образование, формирование которого, по существу говоря, не закончилось еще и в настоящее время. Во всяком случае «в отличие от других народов, – как указывал В. О. Долгих, – энцы не имеют общего названия для своей народности. Название энцы, введенное в этнографический обиход Г. Н. Прокофьевым и образованное от энецкого слова энетен (люди), самим энцам как название народности неизвестно, и ими не применяется. Энцы делятся на племена, и единственно им известное самоназвание – отдельные названия этих племен: Сумату, Бай, Мончеканди»³. Каждое из этих племен говорит на особом наречии, а род Аседа из племени Бай (vai pahdi – Ямкины) – частью на ненецком языке (molo – Лырмины). Запутанность вопроса об этническом составе и принадлежности энцев осложняется еще и тем обстоятельством, что ряд авторов, даже не отрицающих вышеприведенного указания Долгих, применяли, тем не менее, термин энцы, беря его в современном значении, к фактам, относящимся к XVIII и даже к XVII вв. Этой ошибки не избежал и сам автор цитированной выше статьи.

Племя Самату и Маду (ненецкое Манто), согласно этнографическим и историческим данным (Долгих оп. с. 109), составляли древнейшее население тундры от Обской губы на западе и до озера Таймыр – на востоке. Весьма вероятно, что они представляют собой остаток одного из самоедских племен – моторов, исследованных еще Кастреном на Саянах. В противоположность им племя Бай является, по-видимому, сравнительно недавними жителями низовьев Енисея. Еще в начале /Л. 27/ XIX в. часть Баев жили по реке Турухан и входили в состав «подгорных самоедов», плативших ясак непосредственно в Старый Туруханск.

Другая часть Баев, а именно ответвление рода Асада (Ямкины – wai и Лырмины – molo) уже к XVII в. обитали в низовьях реки Таз. Относительно происхождения племени Бай вопрос неясен. Еще Кастрен указал на вероятность связи самоедского племени Байскетским Бай Байга, Байгада⁴. Есть указание на близость Баев также и с селькупам в виде селькупской группы Байкула, т. н. люди Бай⁵, среди селькупов, живущих по Чулыму. Вопрос этногенеза племени или даже племен, носящих имя Бай, до сих пор полностью не разрешен. Весьма возможно, что этот род был первоначально связан с одним из кетских племен или родов, вошедших затем в процессе формирования самоедских племен, как в среду селькупов, так и в среду восточных ненцев (Асада).

Остается третье племя, ныне причисляемое к энцам, – Монканди или Монкада, или Монкгади. В XVII в. они вместе с тремя какими-то другими родами составляли так называемую «верхтазскую самоедь», о чем свидетельствуют челобитные. В одной из них в 1652 г. говорится: «Самоедь род Мангазея князец Ледерейко с детьми своими и с племянниками со всем своим родом все иноземцы [я]сачные люди»... В челобитной 1641 г. выступает тот же верхтазский /Л. 28/ князец Ледеря, который бьет челом от имени всей верхтазской самоеди, «во всех своих четырех родах самоеди вместо».

Согласно историческим данным, «верхтазская самоедь» воевала как с «крацкой самоедью» нижнего Таза, так и с «остяками», т. е. кетами, в стычке с которыми был убит упоминавшийся выше князец Ледерей. О войнах верхтазской самоеди с кетами, юраками и хандаярами, т. е. пняхасаве повествует нам фольклор тазовских селькупов и туруханских кетов. Согласно этим преданиям, войны прекращались только с тем, чтобы объединенными усилиями дать общий отпор еще более мощному врагу – русским пришельцам⁶. Возможно, что в результате этих войн (по указанию тазовских селькупов), главным образом, часть набегов хандаяров, часть верхтазской самоеди, а именно, monkansî, составляли в 1629 г., по мангазейским яса[ч]ным книгам, в количестве 49 яса[ч]ных душ, и которые уже в конце XVII в. ушли через вершину Соболиной речки (нынешняя Со-врячка) в Карасино, где образовали особую группу, которую Третьяков в своем описании именуется «самоедами» или «юраками остяцкого карасинского рода»⁷.

В XIX в. сюда же с низовьев Турухана переселились «подгородные самоеды» Бай, впоследствии не только объединившиеся с monkansî, но и возглавившие образовавшуюся группу.

/Л. 29/ Остается рассмотреть, что представляла из себя «верхтазовская самоедь». Отчасти мы это знаем из упомянутого указания Третьякова, в дополнение к которому постараемся привлечь еще некоторый материал.

Знакомясь с топонимикой бассейна р. Таз легко обнаружить, что от устья километров на 250 до урочища Надо-Марра встречаются исключительно ненецкие названия и в меньшей степени энцкие (Бай) названия. В то же время верхнее течение Таза, приблизительно с пятидесятого километра от Мангазеи и выше, дает исключительно селькупские имена и, наконец, в промежутке между этими точками, приблизительно на протяжении 100 километров, мы находим параллельно как те, так и другие. Так, например, dozəlqu-kə, т. е. «Шайтанский ручей» (километров 5 ниже Мангазеи) именуется также S`adus malu, что означает то же самое на языке Бай.

Таким образом, топонимика также не дает нам никаких оснований предполагать, что верхний Таз имел в прошлом население, отличное от современного. Следовательно, можно признать, что «верхтазская самоедь», в том числе и Монкгази были селькупам.

К этому же выводу в свое время пришел и Кастрен, на основании языковых и этнографических наблюдений он указывает, что байхинские⁸ и карасинские самоеды⁹ пришли от реки Таз; говорят тем же самым наречием, как и тазовские, за исключением некоторых вкравшихся русизмов и незначительных /Л. 30/ звукоизменений¹⁰. В другом месте он указывает, что наречие тазовских самоедов «в сущности совершенно одно с наречием байхинских и карасинских самоедов»¹¹. Наконец, Кастрен отмечает, что «как тымко-караконские, так и байхинские распадаются на две большие отрасли: лимбельчум и казель-чум»¹². Таким образом, здесь мы видим прямое указание на принадлежность карасинских самоедов, т. е. тонканзи¹³, банханских и тазовских самоедов к селькупам с разделением на две фратрии. Деление это сохранилось и в наше время, и одна часть продолжает носить имя Limbil – т. е. орлиная фратрия, а другая Qoz`əl – фратрия кедровок.

Итак, мы выяснили, что монканзи, в прошлом селькупы, жили по среднему Тазу, платя ясак в Худосейское зимовье и в конце XVII в. ушли оттуда на Енисей¹⁴. Однако некоторая часть /Л. 31/ их, видимо, осталась жить на своей старой родовой территории. Во всяком случае, в районе Сидоровской Пристани, т. е. Мангазее, мы находим две семьи, носящие фамилию Манкычев. Если учесть русифицированное окончание, то тождественность Мангыкы-чев (в русском произношении чаще Магичев) – Monvansi и Mongandi – становится очевидной.

Резюмируем изложенное: в начале XVII в. нижнее течение Таза, как и теперь, было населено частично ненцами, отчасти представителями Бай – подразделениями рода Аседа – и родом Паравы. Средний и верхний Таз был населен «верхтазской самоедью» – селькупам, в том числе и родом монганзи, территория которого, можно предполагать, простиралась от речки Панчет до Мангуя, близ которого и сейчас имеется урочище Манкычевский песок. Войны с «юрацкой самоедью» и хандаярами (Пян-Хисово), из которых последние рисуются в селькупском фольклоре в образе сильных и жестоких насильников, создали для монканзи тяжелую обстановку и, возможно, страх перед хандаярами (пняхасана) и стал основной причиной, по которой монканзи уступили русским часть своей территории и разрешили построить на ней город. Они отдали то, что не в силах были оборонять сами.

Таким образом, на границе племен, куда впоследствии сходились для заключения мира юраки и селькупы, возник русский город, в течение нескольких лет достигший для того времени и этих мест небывалых размеров и оживленности.

Мы не вдаемся здесь в обсуждение имеющихся в литературе спорных исторических вопросов: длительность существования Мангазеи?, точная дата ее возникновения, упадка /Л. 32/ и ликвидации, – поскольку эти вопросы не могут быть разрешены на основании археологического материала. Остановимся лишь на следующем: была ли Мангазея только форпостом военной и торговой колонизации, «безлюдным острожком», как ее именуется в одной из своих статей С. В. Бахрушин¹⁵.

Характер Мангазейского городища даже при весьма поверхностном ознакомлении с ним заставляет нас полностью отбросить это предположение. Большие размеры посада, обилие построек, мощность культурного слоя, достигающего местами 1½ метров, свидетельствует о значительной населенности города. Насыщенность слоя мусором, типичным для постоянного русского поселения того времени, очень большое количество керамики, образцов кожи, фрагментов оконной слюды, костей домашнего скота (свиной и коров) и, наконец, следов, указывающих на существование местных ремесленников: скопление железных поделок и кузнечных шлаков,

⁸ Не следует смешивать банкинских самоедов, которых Третьяков называет банкинскими остяко-самоедами, т. е. селькупов с подгородными туруханскими самоедами Бай, о которых мы говорили выше.

⁹ Т. н. главным образом.

¹⁰ Кастрен, 350.

¹¹ Кастрен, 349.

¹² Кастрен, 350.

¹³ Во времена Кастрена карасинские монкази еще не соединились с подгорными баями, как это видно из беседы Кастрена с самоедским князем: «нас три рода, или орды, – рассказывал Кастрену князец, – хантайская (Самару), карасинская (Музандти или Могадти) и предписанная к городу или подгорная (Бай).

¹⁴ См.

¹⁵ Бахрушин «Мангазейская мирская община XVII в.». Сев. Азия, 1929, № 1.

³ С.Э. № 4, за 1946 г., стр. 109.

⁴ Магазин землевед. и путешеств. Т. VI, часть 2, 1860, стр. 423, 392.

⁵ См. также Долгих оп. стр. 120, где он видит в Баях «одно из компонентов селькупской народности».

⁶ Цит. по Вахрушину «Самоеды в XVII в. Сев. Азия 1925, кн. V–VI, стр. 93.

⁷ Третьяков. «Туруханский край, его природа и жители». ПСБ, 1871. С. 160.

куски сильно пережженной глины (обмазки гончарной печи), отходы медно-бронзового литья – сами указывают на характер Мангазеи.

Мангазея представляется новым городом с постоянным большим населением, развитым ремеслом и оживленной торговлей. Наличие домашнего скота показывает, что люди селились здесь с расчетом на прочное длительное существование.

Таким образом, археологический материал характеризует Мангазею как богатый, оживленный городок, где русские создали привычное для них хозяйство и быт, несмотря на суровые географические условия.

/Л. 33/ Фото 1. Мангазея. Вид на городище с реки.

Фото 2. Мангазея. Вид на городище с левого берега р. Осетровки.

/Л. 34/ Фото 3. Тазовский сель-куп Иван Безруких.

Фото 4. Чум сель-купов Кыткиных.

/Л. 35/ Фото 5. Съемка плана на Мангазейском городище.

Фото 6. С первых чисел октября уже наступила зима.

/Л. 36/ Фото 7. Устье р. Осетровки, при которой была расположена Мангазея.

Фото 8. Землянка экспедиции при устье р. Осетровки. Вдали городище.

/Л. 37/ Фото 9. Землянку экспедиции постепенно заносило снегом.

/Л. 38/ Фото 10. Сель-купская женщина из рода кыткиных.

/Л. 39/ Фото 11. Сель-куп Петр Кыткин осматривает сети на р. Панчет-кы.

/Л. 40/ Фото 12. По берегу р. Таз в районе Мангазейского городища.

/Л. 41/ Фото 13. По берегу р. Таз в районе Мангазейского городища.

/Л. 42/ Фото 14. В районе Мангазейского городища.

/Л. 43/ Фото 15. Место Мангазейского городища, до начала археологических работ.

/Л. 44/ Фото 16. По берегу р. Таз. Место Мангазейского городища.

/Л. 45/ Фото 17. Мангазейское городище.

/Л. 46/ Фото 18. Мангазейское городище.

/Л. 47/ Фото 19. Мангазейское городище.

/Л. 48/ Фото 20. Мангазейское городище.

/Л. 49/ Фото 21. Мангазейское городище.

/Л. 50/ Фото 22. Мангазейское городище.

/Л. 51 (1)/

СКАЗАНИЕ О МАНГАЗЕЕ

Рассказывали старики, что в старое время на Тазу русских не было. Жили здесь остяки да юраки. Юраки вниз по Тазу сидели, а остяки вверх. На этом месте только два остяцких рода было. Остяки с юраками воевали и с хандаярами. Хандаяры по Пуру сидели и на Таз набеги делали. Хандаяры на селькупов и Ваев нападали, женщин себе забирали и грабили. Ваи здесь на Тазу в землянках жили.

Потом на Таз русские пришли и город поставили. Поначалу националы с русскими хорошо жили, потом русские их обижать стали. Когда националы в город приезжали, то у них, случалось, и оленей отбирали и товар отбирали. Остяки с юраками тогда помирились. Мириться против города на льду собрались. И в прежнее время, когда мирились, то в этом месте мирились. Начальникам в городе сказали, что вы, де, не бойтесь, мы здесь для мирного дела соберемся.

Русские националов сильно забижали, жить очень худо стало. И решили тогда и остяки, и юраки, и хандаяры вместе собраться и на русских идти. Начальники тогда договорились, что русских надо хитростью взять. Вот, решили, на пасху будут русские праздновать, и все пьяные будут, тогда их в гости пригласить и перебить. Начальники сказали: «Сейчас все, сколько можете, железо скупайте, медь скупайте. Кузнецы пусть стрелы и копья делают». Стали националы железо и медь покупать, стрелы да ножи, да копья делать.

К пасхе время подошло, послали в город к начальникам людей. Люди пришли, говорят: «Мы теперь с вами в мире живем. Скоро праздник будет, святой пасхи, приезжайте к нам в гости». Русские сказали: «Ладно, мы приедем».

Место для праздника на острове выбрали. Этот остров теперь Русским островом называется. Этот остров повыше протоки Яун-тарка, против колхоза «Молодой стахановец» находится. На нижнем конце острова /Л. 52 (2)/ чумы поставили и через весь остров к ним дорогу расчистили. По обе стороны дороги из снега валы насыпали, чтобы за ними люди встать могли. Праздник настал, за русскими в город нарты послали. Русские начальники сказали: «Пусть на каждой нарте по остяку или юраку сядет, мы сами править станем, так поедем». Они так потому сказали, что думали – в своих стрелять не станут. Поехали. Русские увидели, что едут хорошо, бояться перестали. Песни поют, кричат, потому как пьяные все. В дороге, что на Русском острове, въехали. К этому времени по обе стороны дороги за валами стрелки с луками спрятались. Вдоль всей дороги один

к одному встали. Как только последняя нарта в дорогу въехала, люди сразу, как один, выстрелили. Русских начальников всех перебили, ни одного в живых не осталось. После того все в город поехали и там всех пьяных и сонных перебили, а город зажгли.

– Что, бабушка, работаешь? – говорят. – Она голову подняла, видит русские. Только крикнуть хотела, как ее тут же и убили. После этого и всех националов сонными перебили. Город снова поставили.

Записано от Архипа Кыткина, селькупа 75 лет.

Р. Таз, Мангазея, X, 1946.

/Л. 53 (3)/ Примечания

Остяки – местное название для селькупов, которое А. Кыткин применял в своем рассказе.

Юраки – местное название для ненцев.

Хандаяры – местное название для пяхасова (лесных ненцев).

Ваи – самоназвание и название одной из ненецких фратрий.

Энцы – народность, родственная ненцам.

Оленья постель – шкура взрослого оленя, убитого зимой.

СКАЗАНИЕ О ВОЙНЕ В МАНГАЗЕЕ

Вначале, когда Мангазею город поставили, русские с националами хорошо жили. Потом русские националов обижать стали. Оленей отнимали, грабили. Тогда кеты и селькупы, хандаяры и юраки решили против русских войной идти и город уничтожить. В каждом месте начальника выбрали. Кеты своих начальников выбрали, селькупы – своих, юраки и хандаяры тоже своих. Над всеми начальниками главного начальника выбрали – кетского богатыря по имени Черемуховое Дерево. Он так сказал: «Вы теперь к себе поезжайте, людям своим скажите, пусть они железо и медь покупают, стрелы, ножи, пальмы пусть делают. Весна настанет – тогда соберемся».

До самой весны оружие готовили. Весна пришла, начальники снова договариваться собрались. Черемуховое Дерево сказал: «Тепло как станет, все в Мангазею поедем, когда там торг будет. Жаркий день как случится, несколько человек тогда в город пойдут, будто тиски и вотлип продавать. Как знак дадим, так они город зажгут».

В назначенный срок все селькупы и кеты, и юраки, и хандаяры вокруг города собрались. Несколько человек /Л. 54 (4)/ вотлип и тиски продавать в город послали. День очень жаркий был, потому что во всех домах окна открыты были. Люди по улицам ходят, тиски продают, а сами поглядывают, когда знак будет. Вот над городом стрела взвилась. Люди тут же стали тиски зажигать и в открытые окна бросать. Весь город сразу загорелся. Тогда все националы к нему бросились, и стали русских из луков стрелять и пальмами колоть. Всех перебили, и город сожгли.

Записано со слов кета И. Ф. Пеших в Яновом Стане на р. Турухан в 1946 г.

Примечания

Пальма – тяжелое однолезвийное копье.

Тиска – полотница из двух-трех слоев очищенной и проваренной для эластичности бересты, употребляемые для покрытия чумов и охотничьих балаганов и других переносных летних жилищ.

Вотлип – очень тонкие мягкие стружки, преимущественно таловые, применяемые населением Крайнего Севера в качестве полотенец для вытирания посуды и т. д.

Арктический научно-исследовательский институт
Главсевморпути при Совете Министров СССР

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ

ПОЛЕВОЙ ОТЧЕТ О РАБОТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ В МАНГАЗЕЕ

Ленинград
1946

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ

Полевой отчет о работе археологической
экспедиции в Мангазее.

Весной 1946 г. Арктическим институтом Главсевморпути была организована экспедиция по изучению древней истории Ямало-Ненецкого округа и истории города Мангазеи.

Задачей экспедиции является выяснение процессов заселения и последующих смен культур на территории полярного Приобья и, в частности, эпохи начала колонизации этого края русскими.

По прежним исследованиям (находки Новикова в дельте Оби в 1707 г., разведки Кольса в устье Тазы в 1925 г., наши работы на Ямале в 1929/30 гг., раскопки Адрианова в устье Полюя в 1934-35 гг. и находки в Ярославле) мы можем судить, что побережье Обской и Тазовской губы и Карского моря были обитаемы видимо уже в эпоху раннего железа, а может быть и в конце бронзы. Местами установлено существование культур арктического типа, несколько напоминающих эскимосские, базировавшихся на промысле морского зверя и сухопутной охоты. Можно предположить по крайней мере два древних этнических и культурных течения - одно с востока, палеосибирского характера, и другое с запада - ранне-угорского.

В конце первого тыс. до н.э. и в первые века н.э. местные культуры достигли высокого развития и населения знало литье из бронзы и прекрасную, высоко-художественную резьбу по кости.

Около IX-V вв. в приобских тундрах можно предполагать появление сямоедских племен, принесших в этот край оленеводство и постепенно ассимилировавшихся, в частности может быть и уличтожыкских древних насельников края. К середине II тыс. н.э. они занимают уже самые отдаленные участки тундры, как окрестность Ямала, но не исключена возможность, что поселения вобриг-

нов местами в это время ^{- 2 -} сохранились. В это же время происходит первое появление русских промышленников на приобской севере и открытие ими ямальского волюка. От этой эпохи мы не располагаем никакими вещественными материалами и все сведения основываются на "сказаниях о людях неведомых"... и фольклоре. Для последующих столетий добавляются лишь скудные исторические данные, на основании которых восстановить картину быта русских и туземцев невозможно.

Было решено, что для получения достаточно полных данных, изучение истории Полярного Приобья должно включать как специальное археологическое обследование, так и сбор этнографического и фольклорного материала.

Археологическое обследование предполагалось провести как по побережьям, так и в некотором удалении от берегов по основным речным путям и у озера с сухими песчаными берегами.

Предполагалось, что в 1946 г. основной задачей экспедиции будет разведка памятников древностей по пути следования экспедиции от Сале-Харде до Мангазеи и разведка Мангазейского городища.

25-27 июня 1946 г. экспедиция выехала из Москвы в Тюмень в составе 4-х человек: Начальник экспедиции старш. научного сотрудника кандидата исторических наук В.Н. Чернецова, старш. научных сотрудников кандидатов исторических наук В.П. Левышевой и В.И. Моминской и младшего научного сотрудника историка Н.И. Троицкой. По прибытии в Тюмень выяснилось, что 4-го июля уходит из Тюмени в Сале-Хард пароход "Москва". Однако, в силу того, что перевод, который должен был поступить к Б/УГ оказался еще не полученным, экспедиция не могла воспользоваться этим случаем. Б/УП из Тюмени вылетел в Хальмер-Селе пасса-

- 3 -

жирский самолет, отправиться на котором мы не смогли опять-таки из-за отсутствия денег, хотя использование самолета дало бы экономию во времени только до Сале-Харде не менее 2-х недель. Числа 6-7 предполагалось отправление из Тюмени в Сале-Хард парохода "Орджоникидзе". В это время Тюменский областной музей обратился к нам с просьбой взять с собой их сотрудника П.С. Засекина, которого Музей направлял для отбора этнографических коллекций. Для нас это явилось выходом из положения, поскольку можно было выехать в Сале-Хард на средства, отпущенные Музеем своему сотруднику. Б/УП мы пароходом "Орджоникидзе" выехали из Тюмени и прибыли в Сале-Хард 16/УП. В тот же день выяснилось, что перевод, который должен был поступить в Сале-Хардское отделение Госбанка к Б/УГ, еще не получен. Отсутствие денег не позволило нам не только выехать в Хальмер-Селе с одним из уходящих туда теплоходов или самолетов, но и ликвидировать свою задолженность Тюменскому Музею.

В ожидании получения средств мы занялись археологическими разведками в окрестностях Сале-Харде и работой в Сале-Хардском Музее, где Н.И. Троицкова обнаружила ряд интересных исторических документов.

Сотрудниками экспедиции были проведены лодочные и пешеходные маршруты по высокому правому берегу реки Полуя как вверх до Ельвого мыса на расстоянии 20 километров, так и вниз до Ангельского мыса (устье реки Полуя), а также вверх по реке Манганке, впадающей в реку Полуя у Сале-Харда.

Разведкой были установлены следующие памятники: 1) стоянка эпохи поздней бронзы в самом Сале-Харде около пристани;

2) стоянка времени раннего железа на левом берегу реки Манганки;

- 3 -

8) последние остяцкие (хантийский) могильники как в самом городе, так и около бывшей приемной рации ГУСМП и на Еловом мысу.

В двух последних пунктах обнаружены также следы хантийских поселений, относящихся к XVIII-XIX вв.

Во время маршрута вниз по Полую мы посетили Усть-Полуйское городище, где работал в 1935-1936 гг. Андрианов. Здесь нам предоставились возможности ознакомиться как со стратиграфией памятника, так и с характером культурного слоя. Даже поверхностный осмотр площади показал наличие здесь вала и рва - детали, которую Андрианов упоминал в личной беседе, но не отметил в отчете, так-как не был достаточно уверен в правильности своих наблюдений.

Признаки культурного слоя с керамикой Усть-Полуйского типа обнаружены нами на участке возвышенного берега Полую на расстоянии 1 километра от Усть-Полуя, ниже устья ручья Хар-сойми. Здесь на довольно обширной площади непосредственно под дерном нередко попадались мелкие фрагменты керамики и примески угля, нигде однако не составлявшие сколько-нибудь заметного слоя.

Ниже этого места на возвышенном мысочке, носящем название Зеленая Горка, около бывшего пункта № 476 разведкой был обнаружен хорошо выдержанный культурный слой обильной керамикой, шлаком, углем и костями животных. Верхние слои Зеленой Горки, вследствие обилия органических остатков приобрели черноземный характер, что и сказалось на растительности резко здесь отличающейся от той окружающей тундры. Обильный травяной покров и послужил причиной названия этого Урочища, «Черно-

- 4 -

земная почва привлекала к себе внимание для устройства здесь огорода.

Многочисленные маршруты вниз по Полую и вглубь тундры вверх по Хар-сойму, предпринятые в поисках могильников Усть-Полуйского времени, не дали, однако, положительных результатов. Были обнаружены только могильники и большое количество отдельных погребений преимущественно хантийских, относящихся к XVIII-XIX вв.

На основании произведенных разведок были поставлены раскопки в Сале-Харде (около пристани) и на Зеленой Горке. Из-за отсутствия средств рабочей силой можно было привлечь в очень ограниченном размере, вследствие чего и работы удалось развернуть в несравненно меньшем объеме, чем это было желательно. Проведение раскопок в Сале-Харде затруднялось еще и самой стратиграфией памятника.

Почти по всей площади (досочка, на котором расположена типография (бывшая деревянная церковь), где нами был взят раскоп, непосредственно под тонким дерновым слоем залегает слой щепы, мощность которого местами достигает одного метра. Верхние горизонты слоя щепы накопились в результате неоднократных перестроек церкви. Нижние же, возможно относящиеся ко времени возникновения Обдорского острожка и даже предшествовавшего его появлению хантийского селения. О последнем говорит обрывки берестяных тисок, кое-какие костяные поделки, углистые прослойки и скопления обожженной глины - следы очагов. Благодаря малой теплопроводности щепы, местами к тому изрядно вытесненной водой, этот слой оттаивает чрезвы-

- 5 -

чайно туго и на проходку его в зависимости от мощности требовалось от 2-х до 4-х дней, да и только при наличии очень жаркой погоды, стоявшей в то время.

Всего в двух раскопах около типографии было вскрыто около 40 кв. метров.

В первом раскопе удалось навесть на жилой комплекс - остатки землянки. В результате работ установлены размеры и конструкция жилища и собран большой вещественный материал, позволяющий датировать постройку землянки последними этапами местной бронзы, в конце ее существования - началом Усть-Полуёского времени.

Второй раскоп показывал культурный слой не отличающийся по стратиграфии и характеру находок от первого раскопа.

Несмотря на большое обилие находок этот раскоп решено было закрыть, так-как более чем метровый пласт земли очень затруднял здесь работу. При протыкивании этого слоя вследствие обилия содержащейся в нем воды, образует пдвун и вскрытие более или менее значительной площади могло грозить оседанием здания типографии.

Несмотря на крайне ограниченное применение районной рабочей силы, этот раскоп привел к полному истощению наших средств. Мы не имели возможности даже нанять рабочих для засыпки раскопа, не говоря уже о том, что нам долг Тименскому Музею не сократился, а возрос к этому времени до 3.500 рублей. Окружные организации, вследствие предстоящих у них больших расходов, также не могли прийти к нам на помощь и в начале августа мы были вынуждены продать кое-что из личных вещей, чтобы выкупить продукты и возвратить небольшую часть

- 6 -

денег Засокину, который должен был в это время выехать в район для сбора коллекций.

Отсутствие средств не позволяло нам как посетить расположенное недалеко от Сале-Харда селения Либет-нянг, Катра-Вож и Пель-Вож, где по имеющимся сведениям расположены высокоинтересные памятники древности, так и своевременно начать работы на Зеленой Горке, поскольку это было связано с переездом за 6 километров от города. Лишь 19/УИ был получен долгожданный перевод. Расплатившись с долгами и получив продукты, мы могли покинуть Сале-Хард, но наступившее невостое задержало нас еще на три дня в нем и лишь 24/УИ мы переправили лодкой свой груз в аэро-порт. Штормовая погода задерживало прибытие самолета и мы постарались использовать это время для работ на Зеленой Горке. Здесь были заложены два раскопа. Первый - в верхней части мысочка около 20 кв. метр. и второй - ближе к его конечности 24 кв. метр.

Первый раскоп для наследия, относящегося к двум разным эпохам. Нижний горизонт принадлежал стоянке по все вероятности открытой или с жилищами наземного типа. Судя по собранной керамике, этот горизонт можно датировать эпохой бронзы, хотя может несколько более ранней, чем землянка у типографии и Сале-Харде. Второй горизонт в большинстве случаев оказался нарушенным постройками перекрывающими его третьего слоя. Тем не менее и небольшие участки сохранившегося в неповрежденном состоянии слоя дали возможность датировать его совершенно точно и отнести к Усть-Полуёскому времени. При этом характер расположения находок заставляет предполагать возможность нахождения ^{не} Зеленой Горке могильника Усть-Полуёского времени.

Третий верхний горизонт полнее всего удалось изучить по второму раскопу. Он относится к поселению IА-Хвв. с жилищами полуземляночного типа.

В результате раскопок удалось весьма детально восстановить конструкцию жилищ, и находки, хотя и немногочисленные, оказались настолько характерными, что позволили датировать памятник с большой уверенностью.

29/УЕ установилась летняя погода и мы вылетели в Хальмер-Седе. Здесь выяснилось, что пароход "Воркута" ушел в свой единственный рейс в вершину Тазы 24/УЕ, но местные партийные и советские организации обещали нам содействие в отправке экспедиции с места работы на катере. В ожидании последнего мы предприняли разведки в окрестностях Хальмер-Седе по левому берегу р. Тазы.

На старом венецком кладбище в устье реки Хальмар-яга и выше Хальмер-Седе приблизительно в 4 километрах от Рибозавода на песчаных выдувах были обнаружены следы временных стоянок, относящихся к эпохе поздней бронзы и раннего железа. Эти находки позволяют привязать к определенным пунктам материка собранный Кольсом в 1927 г., хранящийся в Музее Антропологии МГУ и привезти его таким образом в научную обработку.

В самом Хальмер-Седе было обнаружено небольшое городище с толстым культурным слоем, относящееся по всей вероятности к эпохе позднего железа.

По мере того как проходили дни и выяснялась ограниченность возможностей местного транспорта, для нас становилось все более очевидным неизбежность осеневки в Мангзее. Учета невозможность длительной задержки для В.П. Левашевой и дела-

- 8 -

сообразность для Н.И. Трошковой использовать время для работы над историческим материалом в архивах, мы решили разделиться с тем, чтобы В.П. Левашев и Н.И. Трошкова с первым самолетом, ожидавшимся между 5 и 10/IX, вылетели в Сале-Хард и далее в Тобольск.

9/IX местными организациями удалось наконец выправить катер, с которым Мангзеевский отряд и направился к месту работы. 13/IX мы выгрузились в Мангзее и приступили к работам, результаты которых изложены в прилагаемом к отчету докладе.

Конец сентября был ясный и сухой, хотя значительные заморозки по утрам (10-15° ниже нуля) существенно затрудняли работу. Выпавший 5/X снег заставил прекратить ее совсем. Наступившие холода сделали пребывание в палатке очень тяжелым, однако перевозить в стивок Сидоровск не входило ни в наши планы, так-как повлекло бы за собой неизбежный отрыв от туземного населения и затруднило бы этнографические наблюдения. В силу этого мы срубили избушку на берегу Тазы, в которой и прожили до 29/XI. 23/XI пришел денежный перевод из АНИИ после чего мы могли присутствовать к найму оленей и сборки в дорогу. К этому времени из телеграммы В.П. Левашевой мы уже знали, что из-за неудовлетворительной работы Хальмер-Сединского аэро-порта они были вынуждены отправиться из Хальмер-Седе в Сале-Хард водным путем. Это обстоятельство - опасение задержаться в Хальмер-Седе на неопределенно длительный срок с одной стороны, и желание хотя бы и в зимнее время ознакомиться с древним путем из Старой Мангзее в Нокую, заставило нас выбрать обратный маршрут через Туруханск. 3/XII мы выехали из Сидоровска через Русское озеро, Момчик на Янов Стан.

- 9 -

Водораздел между Тазом и Туруханом представляет собой лесотундру с небольшими перелесками лишь по долинам многочисленных речек. На всем пространстве рельеф очень незначителен, за исключением спуска в долину реки Большой Влудной в 30 километрах от Янова Стана. Весь водораздел изобилует озерами в большинстве случаев связанных между собой протоками и речками. По ним и осуществляется летом связь между Яновым Станом и Тазом на ветках и небольших лодках. Ледочный путь через перевал несколько; некоторые из них доступны лишь для веток и идут по узким мелководным речкам, но почти без сухопутных волочков, другие же как путь на Сидоровск - Мангазею, через Русскую речку, впадающую километрах в 20-ти выше Янова Стана и Турухан, и путь на Красноселькупск - Худосеевское зимовье через вершину Худосей доступны и для больших лодок, но сопряжено с волоками и перегрузками. Волоки на этих путях обслуживались оленями или даже конным транспортом, а в предшествовавшие годы, когда вершина Таза относилась к Туруханскому району, на Худосеевском волоке был устроен даже деревянный рельсовый путь.

В Яновом Стане, куда мы прибыли 7/II, выяснилось, что олени принадлежащие местной фактории и двум оклькупским хозяйствам еще летом ушли и не найдены до сих пор. Налицо имелось лишь 6 голов, которых было недостаточно для переброски нашего груза и которые фактически в это время находились в Фарково.

Рассчитывая проделать путь от Таза до Туруханска за две недели, как это указывали в Сидоровске, мы захватили с собой и соответствующее количество продуктов, которых нельзя было взять больше из-за недостаточного количества оленей уже в Сидоровске. Непредвиденная задержка уже в Яновом Стане быстро подорвала наши

- II -

Город Мангазея был расположен в 300 км от устья реки Таз и в 275 км от современного районного центра Хальмер-Седе.

Прежде, чем перейти к изложению работ, связанных с разведками города, коснемся вкратце характера самой страны, т.е. бассейна Нижнего и Среднего Таза и ее населения.

Нижнее течение р. Таз находится в зоне тундры и лишь в километрах 200-х от устья на берегах Таза появляются первые признаки леса в виде отдельных лиственниц и елей (см. фото нижнего устья притока Яун-Тарка). *рис. 1, 2*

Выше протоки Яун-Тарка в 250 км от устья Таза появляются довольно значительные леса, постепенно увеличивающиеся по мере приближения к Мангазее. Однако и здесь лес расположен сравнительно неширокой полосой по обе стороны Таза и его притокам, достигая наибольшего развития на южных склонах. В некотором удалении от берега преобладает тундра, поросшая полярной березкой и ботульником. Среди древесных пород преобладает лиственница, сменяющаяся по южным склонам и в защищенных местах елью. По берегам Таза и его притоков встречается также береза. пойменные части густо заросли тальником.

Нижнее течение Таза до Нембой-То населено ненцами родов Яр, Марьик, Неняк, Харьчи и др. Выше, от Нембой-То до Недо-Мара (территория колхоза "Молодой Стахановец") основным населением являются энцы, представленные родом Аседа (*Way*) в его подразделениях (Ямкины */waybasada /* и Лырмины */molocpasada /*). Род собственно Аседа со смертью последних стариков, в настоящее время на территории Таза ис-

- 12 -

чев. Лирминн (*molochesola*) повидимому с давних пор подверглись ненецкому влиянию и восприняли ненецкий (по местному брацкий) язык, тогда как Ямкины в какой-то степени сохранили свои языковые особенности. Кроме Аседа в этих же местах обитает род Паравн. Последние интересны тем, что являясь по языку ненцами, они однако не входят в состав ненецких (Ма'аку или Харочи) фратрий. В то же время местное население не считает их и энцами (т.е. Вай или Манту). Иначе говоря, для Паравн нет запретных родов ни среди ненцев, ни среди энцев. Повидимому, предпочтительным браком Паравн считают браки с представителями рода Лирминн. Все это заставляет предположить, что Паравн является остатком какого-то самостоятельного племени более или менее полно онеченного.

Выше Нудо-Маре, от урочища Харавн-Мара (Листвяжний песок) живут селькупы Сидоровского кочевого совета. Подробнее о населении и, в частности, соображения о заселении края будет изложено ниже. Здесь же следует заметить только, что Средне-Тазовские селькупы не представляют по своему составу однородной среды. Тут мы встречаем представителей отдельных фамилий, собравшихся на Средний Таз из различных мест и здесь в значительной степени смешавшихся с ненцами, энцами, эвэйками и ханты, привезшими с Ларьяка. В древнем, дорусском населении бассейна Тезы мы располагаем чрезвычайно скудными данными.

Не имея достаточных транспортных возможностей, мы не могли более или менее полно обследовать Таз в археологическом отношении и должны были ограничиться разведкой в районе Хальмер-Седе. Они дали материал сходный с собранным Кольсом в 1927 году.

- 13 -

При этом следует заметить, что памятники, поименованные Кольсом "неолитическими стоянками" представляют собой следы очень кратковременных стоянок, расположенных на сухих песчаных буграх по левому берегу Тазы, относящихся к эпохе бронзы (скорее к позднейшим ее этапам). В районе Мамеевского Мыса, откуда собран Кольсом материал, помеченный "старым самоедским кладбищем", видимо, действительно был могильник, но более ранний, относящийся к IX-X вв н.э.

В самом Хальмер-Седе обнаружено городище с толстым культурным слоем, содержащим костные остатки, кусочки шлака и весьма немногочисленные мелкие фрагменты керамики. По сведениям, полученным от местных жителей, более интересные памятники, давние находки бронзовых предметов, расположены на мысу Ввай-Седе, на правом берегу. Цур близ его устья.

Общее впечатление, сложившееся у нас на основе раскопок и личных наблюдений, таково, что низовье Тазы относительно бедно в археологическом отношении. Вероятно, что оседлое население в древности, как и теперь, было здесь редким и немногочисленным. А кочевое и бродячее, которое могло появиться здесь с распространением оленеводства, естественно не оставило после себя сколько-нибудь заметных следов. Отчасти по указаниям местных жителей, отчасти по личным наблюдениям археологические памятники в виде ям от землянок обнаружены и в окрестностях Мывгвевн. Таковы: группа землянок в количестве пяти или шести в стенке Сидоровская Пристань на высоком берегу Тазы, рядом с кладбищем. Размеры ям варьируют в среднем 6х6 метров, но одна из них, более обширная, достигает 8х8. Имеются землянки и

- 14 -

правом берегу речки Панчат-ки при ее устье. Одна яма найдена на левом возвышенном краю ложка выпадающего в Осетровку в верхнем ее течении (см. план окрестностей Мангазеи, пункт М). Наконец, еще одна землянка расположена на краю высокого и крутого склона, обращенного к пересохшему озеру, находящемуся между Осетровкой и левобережным притоком Панчат-ки к северу от Мангазеи (см. план, пункт М). К сожалению эти памятники были обнаружены уже после выпадения снега, что и воспрепятствовало произвести на них разведки. По преданиям, распространенным среди местного населения, эти землянки принадлежали энцам. Предположительно, на основании соображений, которые будут изложены ниже, их можно связывать не столько с энцами вообще, сколько с родом Аси.

Следы старой русской колонизации на Тазе сохранились в виде Мангазейского городища и Церковенска (40 км выше Красноселькупска), где по всей видимости находилось в XVII в. Худосефское зимовье. Следы его является мощный слой чернозема в Церковенске и отдельные старинные русские вещи, обнаруженные при раскопывании огородов.

Мангазейское городище расположено на правом высоком берегу р. Таз, между устьем небольшой речки, именуемой в настоящее время Мангазейской, а в XVII в. называвшейся Осетровкой и крутым ложком. Теперь этот ложок сухой, на несколько можно судить по "Расписному списку" в свое время по нему протекал ручей, именовавшийся Ратилвкой.

Общая протяженность городища по берегу Таза несколько, превышает 300 метров, в глубину городище простерется не свыше 150-200 метров. В современном его состоянии городище рез-

- 20 -

жет статься, что это остатки бывших в посаде торговых рядов. Метрах в 25 к юго-западу от холма и также на небольшом возвышении находятся остатки другого, довольно крупного строения квадратной формы; размер его 6х6 метров. Об этом строении упоминает Шухов, называя его остатками Сторожевой башни. Однако, как мы полагаем, видеть в этой постройке, расположенной в самой посаде сторожевую башню - нет никаких оснований. Проанализировав в нижней части восточной стены сруба, который Шухов считал бойницей для подовенного боя, является, скорее всего, верхней частью двери, если учесть мощность сфагново-дерновой подушки. Над уровнем современной почвы от этой землянки постройка возвышается всего 2-3 венца и трудно предположить, что стены когда либо были значительно выше, хотя Шухов и указывает эту высоту в 2 аршина, поскольку в пределах квадрата сруба различны бревна потолочного перекрытия. В северо-западном углу дома находится скопление крупных камней, частично носивших следы огня. Можно допустить что камни эти остались от бывшей печи.

Говоря о постройках в Мангазейском посаде, следует указать, что остатки их в одних случаях имеют вид четырехугольных углублений, сохранившимися срубами внутри них, в других, наоборот, представлены небольшими холмиками. Шуфровка одного из таких холмиков показала, что в верхних горизонтах он сложен из насыпной песчаной почвы, ниже которой залегает культурный слой жилища.

Таким образом, можно сделать вывод, что в посаде имелись как наземные жилища типа изб, так и землянки. Общее количество строений в посаде не поддается учету по причинам,

- 21 -

указанным выше, но во всяком случае оно очень велико и никак не противоречит данным источникам.

Часть городища между описанной только что и острожкой со 190 до 250 метр. поросла небольшой березовой рощицей и кустами тала. Следы построек различны здесь несравненно слабее, чем в остальной части посада, в местах ближе к Спасской башне, и совсем не усматриваются. Была ли здесь площадь или эта часть посада оказалась заброшенной раньше помогут установить будущие раскопки.

С северной стороны города находится еще два участка, несколько изолированные от остальных частей. Одним из них является небольшой холмик, расположенный к северо-востоку от Успенской башни, на котором заметны следы строений. Другой пункт находится к северу от посада, непосредственно за взвозом. Он представляет собой площадку довольно правильной формы свыше 25 метров в ширину и 35 в длину. В юго-западной части площадки находятся остатки строения, ориентированного с запада на восток. Вблизи восточной стороны прямоугольника находится квадратная 4х4 метр. впадина от другой постройки. Поверхность всей площадки несколько бугристая, местами различны небольшие удлиненно овальные впадины.

Если учесть описание Мангазеи и ее посада, то в этом участке можно видеть кладбище с находившейся на нем церковью. Однако, это кладбище по всей видимости не является единственным в Мангазее. Следы могильника были обнаружены в ельнике на возвышенном мысу левого берега Осетровка. По словам местного жителя Сельницина им был найден здесь сгнивший деревянный крест.

- 23 -

- а) Фрагмент прозрачного стекла, украшенного белыми и красными полосами.
 - б) Фрагмент синего стекла, украшенного белым рисунком.
 - в) Фрагмент лилового стекла, украшенного белыми полосами.
 - г) Фрагмент сосуда прозрачного розового стекла, украшенного белыми полосами.
 - д) Фрагменты зеленого стекла от штофов 5 обломков.
 - е) Фрагмент сосуда прозрачного стекла.
7. Фаянс. Фрагмент фаянсового сосуда, покрытого желтой глазурью с внешней и внутренней стороны.
8. М о н е т ы.
- а) Русские (Ивана IV, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича) - III шт.
 - б) Нюрнбергская монета с надписью - *Haus Kerstinkel*
9. Серебряная пряжка.
10. Бронзовый мужской перстень, орнаментированный бороздками, прочерченными полосками вокруг луночки для эмали.
11. Подвеска из 4-х звеньев перевитой бронзовой проволокой.
12. Бронзовая пуговица татарского типа.
13. Бронзовый натальный крестик.
14. Верхняя часть натального серебряного крестика
15. Бронзовая дужка из плетеной проволоки.
16. Свинцовые пули.
17. Часть бронзовой или медной заклепки, скорее всего от обшивки лодки.

- 24 -

18. Фрагмент незаконченного бронзового ключа.

19. Два куска бронзовой отливки неправильной формы.

20. Кусок стенки медного котла.

21. Оконная слюдяная вставка треугольной формы и другие находки.

В культурном слое часто встречаются мелкие обрезки дубленой коровьей кожи. А по словам местного жителя П.Н. Аркадьева, им однажды после половодья среди обломков вымытого из берега жилища были обнаружены целая коровья кожа и валеный сапог.

Описанный материал собранный в Мангазее, хотя и немногочисленный, может тем не менее дать основание для некоторых выводов. Челюсти свиней и коров свидетельствуют о существовании животноводства в Мангазее. Мангазее не являлась, таким образом, лишь военно-торговым форпостом. Это было прочно обжитое место, где русские стремились создать преобладающий для них уклад и хозяйство.

Можно также полагать, что Мангазее жила не только привозными товарами. Обилие простой глиняной и керамической посуды, гвоздей и железных поделок, сырой и дубленой кожи, бронзо-литейных отходов и т.д. свидетельствует о наличии в городе ремесленников, работавших на местный рынок.

Но особенно удельный вес в Мангазее имели все же торговля с поразительно широким для своего времени и места размахом. Венецианское стекло, китайский фарфор и нюрнбергская монета с обстаточной наглядностью иллюстрируют торговую мощь Мангазее. Не приходится удивляться количеству проходившей через нее пушнина. Богатая своим и привозным товаром она ес-

- 25 -

тественно притягивала к себе "мягкую рухлядь" из всех прилегающих к ней областей тайги и тундры.

Ш.

Вопрос о происхождении названия Мангазее затронулся рядом авторов. Не вдаваясь в подробное изложение различных точек зрения, укажем лишь, что наибольшей популярностью пользовались две. Одна высказанная Оболенским и поддержанная Житковым, сводится к тому, что название Мангазее происходит от искаженных форм слова магазин. Эта точка зрения была опровергнута Онучиным и к рассмотрению ее нет никаких оснований. Онучин со своей стороны высказал мнение, что название Мангазее происходит от "самоедского *magkansi-ia* - земля мангазеев". Эта точка зрения несомненно правильная, но требует некоторого углубления и уточнения. Онучин вслед за древнерусскими источниками именуется *magkansi* самоедами. Достаточно вспомнить, что к западу от Урала и в низовьях Оби самоедами или самоедью называли ненцев, но уже на Тазу ненцев именуется эрками, а название самоедью предпочтительно относится к энциам, вернее к части их, именуемых себя Самату. В составе самоедских и ненецких родов нет ни одного носящего имя *magkansi*. Естественно встает вопрос кто были в каком отношении находились они к самоедам и что осталось с ними в настоящее время?

Для того, чтобы выяснить этническую принадлежность *magkansi* необходимо хотя бы в общих чертах разобраться во взаимоотношениях восточно-самоедских племён и в частности в составе племени энциев.

- 26 -

Дело в том, что энцы представляют собой очень молодое племенное образование, формирование которого по существу говоря, не закончилось еще и в настоящее время. Во всяком случае "в отличие от других народов, - как указывал Б.О. Долгих, - энцы не имеют общего названия для своей народности. Название энцы введенное в этнографический обиход Г.Н. Прокофьевым и образованное от энцкого слова энцетан (люди) самим энцам, как названия народности неизвестно и ими не применяется. Энцы делятся на племена, и единственно известное им самоназвание - отдельные названия этих племен: Самату¹⁾, Бай и Мончекенди¹⁾". Каждое из этих племен говорит на особом наречии, а род Аседа из племени Бай, частью на наречии Бай (*vai yaske* - Ямкины), частью на ненецком языке (*molo* - Лырмины). Запутанность вопроса от этническом составе и принадлежности энцев осложняется еще и тем обстоятельством, что ряд авторов, даже не отрицающих правильность вышеприведенного указания Долгих, применяли тем не менее термин энцы (беря его в современном значении), к фактам, относящимся к XV и даже XVI векам. Этой ошибки не избежал и сам автор цитированной выше статьи.

Племя Самату и Маду (ненецкое Мавто) согласно этнографическим и историческим данным (Долгих *op. cit.* 109) составляли древнейшее население вундры от Обской Губы на западе и до озера Тымир на востоке. Весьма вероятно, что они представляют собой остаток одного из древнейших самоедских племен - моторов, исследованных еще Кастреном на Саянах. В противоположность им племя Бай является, повидимому, сравнительно недавними жителями низовьев Енисея. Еще в начале

- 27 -

XIX в. часть Беев жила по р. Турухану и входила в состав "подгорных самоедов", притивших язык непосредственно в Старый Туруханск.

Другая часть Беев, а именно ответвления рода Аседа (Ямкины - *vai* и Лырмины - *molo*) уже в XVI в. обитали в низовьях реки Таза. Относительно происхождения племени Бай вопрос неясен. Еще Кастрен указал на вероятность связей самоедского племени Байскетским Бай¹⁾ Байга, Байгада. Есть указание на близость Беев так же и с селькупами в виде селькупской группы Байкула, т.е. люди Бай²⁾, среди селькупов живущих по Чульму. Вопрос этногенеза племени или даже племен, носящих имя Бай до сих пор, полностью не разрешен. Весьма возможно, что этот *род* был первоначально связан с одним из кетских племен или родов, вошедших затем в процессе формирования самоедских племен, как в среду селькупов, так и в среду восточных ненцев (Аседа).

Отвечая третье племя, ныне причисляемое к энцам - Мончекенди или ~~Монкэда~~ или Монкгади. В XVI в. они вместе с тремя какими-то другими родами составляли так называемую "верхтазскую самоедь", о чем свидетельствуют челобитные. В одной из них 1652 г. "Самоедь род Мангавая князец Ледерейко с детьми своими и с племянниками со всей своим родом все иноземцы сичные люди"... В челобитной 1641 г. выступает тот же верх-

1) Магзин *жикж* землевед. и путеш. т. VI часть 2, 1860, стр. 428; 392.

2) См. также Долгих *op. cit.* 120 где он видит в Баях "одно из компонентов селькупской народности".

- 28 -

тавский князец Медера, который бьет челом от имени всей верхтавской самояди, "во всех своих четырех родах самояди вместо"

Согласно историческим данным "верхтавская самоядь" воевала, как с "крадкой самоядью" нижнего Тавза, так и с "остяками", т.е. кетами, в стычке с которыми был убит упоминавшийся выше князец Медера. О войнах верхтавской самояди с кетами, браками и хандзярами, т.е. князюшке повествуют нам фольклортавских селькупов и турухунских кетов. Согласно этим преданиям, войны прекращались только с тем, чтобы объединенными усилиями дать общий отпор еще более мощному врагу - русским пришельцам.⁴ Возможно, что в результате этих войн - по указанию тавовских селькупов - главным образом частях побегов хандзяров, часть верхтавской самояди, а именно *таджань*⁵ составляли в 1629 г. по мангаз. ясакным книгам в количестве 49 ясакных душ, в которые уже

→ в конце XVII в. ушли через вершину Саболоной речки (нынешняя Совречка) в Каресино, где образовали особую группу которую Третьяков в своем описании именует "самоедами" или "браками остяцкого каресинского рода".³⁾

В XIX в. сюда же с низовьев Турухана переселились "подгородные самоеды" Вай, впоследствии не только объединившиеся с *таджань*, но и возглавившие вновь образованную группу.

1) Цит. по Вакрушину "Самоеды в XVII в" Сев. Азия 1925, кн. У-УІ, стр. 93

Мангазский

3) Третьяков "Турухунский край, его природа и жители" СПб 1871 г. стр. 160

- 29 -

шавшая группа.

Остается рассмотреть, что представляла из себя "верхтавская самоядь". Отчасти мы уже это знаем из упомянутого указания Третьякова, в дополнение к которому поспешим приложить еще некоторый материал.

Знакомясь с топонимикой бассейна р. Тавза легко обнаружить, что от устья километров на 250 до устья урочища Надмирра встречаются исключительно ненецкий названия и в меньшей степени эвенкий (Вай) названия. В то же время верхнее течение Тавза, приблизительно с пятидесятого километра от Мангазы и выше, дает исключительно селькупские имена и, наконец, в промежутке между этими точками, приблизительно на протяжении 100 километров, мы находим параллельно как те, так и другие. Так, например, *dozal qlo = ka*, т.е. "Шайтанский ручей" (километров 5 ниже Мангазы) именуется также *S'adey malv* что означает тоже самое на языке Вай.

Таким образом, топонимика так же не дает нам никаких оснований предполагать, что верхний Тавз имел в прошлом население отличное от современного. Следовательно, можно принять, что "верхтавская самоядь", а в том числе и Мангаза были селькупцами.

К этому же выводу пришел в свое время Кастрен на основании языковых и этнографических наблюдений Кастрен указывает, что Вайхинские¹⁾ и каресинские самоеды²⁾ пришли от реки Тавза; говорят тем же самым наречием, как и тавовские, за исключением некоторых вкраившихся руссизмов и незначительных

1) Не следует смешивать Банкинских самоедов, которых Третьяков называет банкинскими остяко-самоедами, т.е. селькупов с подгородными турухунскими самоедами Вай о которых мы говорили выше.

2) т.е. главным образом.

- 30 -

1) тельные звукоизменений. В другом месте он указывает, что наречие тазовских самоедов "в сущности совершенно одно с наречием байхинских и карасинских самоедов"²⁾. Наконец, Кастрен отмечает, что "как тимско-караконские, так и байхинские распа-³⁾даются на две большие отрасли: лимбельчум и казель-чум". Таким образом, здесь мы видим уже прямое указание на принадлежность карасинских самоедов, т.е. тонканзи⁴⁾, байханских и тазовских самоедов к селькупам с разделением на две фратрии. Деление это сохранилось и в настоящее время и одна часть продолжает носить название *Limbil* - т.е. орлиная фратрия, а другая *Qoztal* - фратрия кедровок.

Итак, мы выяснили, что монканзи, в прошлом селькупы жили по среднему Тазу, плывя ясык в Худосейской зимовье и в конце ХУП в. ушли отсюда на Енисей.⁵⁾ Однако, некоторая часть

1) Кастрен 350

2) Кастрен 349

3) Кастрен 350

4) Во времена Кастрена карасинские монканзи еще не соединились с подгорными баями, как это видно из беседы Кастрена с самоедским князем: "нас три рода или орды, - рассказывал Кастрену князец - хантайская (Самару, карасинская (Муизандти или Могадти) и приписанная к городу или подгорная (Бай).

Кастрен

5) См.

- 31 -

их видимо остались жить на своей старой родовой территории. Во всяком случае в районе Сидоровской пристани, т.е. Мангазеи, мы находим две семьи, носящие фамилию Манкичев. Если учесть несколько русифицированное окончание, то тождественность Мангикчи-чев (в русском произношении чаще Мангичев) - *Mankiczi* и *Mankiczi* ставится очевидной.

Резюмируем изложенное: в начале ХУП в. нижнее течение Тазы, как и теперь, было населено частично ненцами, отчасти представителями Бай - подразделенными рода Аседа и родом Параян. Средний и верхний Таз был населен "верхтазской самоядь" - селькупа в том числе и родом монганзи, территория которого можно предполагать, простиралась от речки Цавчет-до Мангуя, близ которого и сейчас имеется урочище Манкичевский песок. Войны с "врадской самоядь" и ханджярами (Пян-Аисово) из которых последние рисуются в селькупском фольклоре в образе сильных и жестоких насильников, создали для монканзи тяжелую обстановку и возможно страх перед ханджярами (пянхасана) и с то основной причиной, по которой монканзи уступил русским часть своей территории и разрешили построить на ней город. Они отдали то, что не в силах были оборонять сами.

Таким образом, на границе племен, куда впоследствии сходились для заключения мира юраны и селькупы, возник русский город в течение нескольких лет достигший для того времени и этих мест необычных размеров и оживленности.

Мы не вдаемся здесь в обсуждение имеющиеся в литературе спорных исторических вопросов, как-то длительности существования Мангазеи, точной даты ее возникновения, упадка

- 52 -

и ликвидации, поскольку эти вопросы и не могут быть разрешены на основании археологического материала и остановимся лишь на следующем: была ли Мангазея только форпостом военной и торговой колонизации, "безлюдным острожком", как ее именуется в одной из своих статей С.В. Вахруши¹⁾.

Характер Мангазейского городища даже при весьма поверхностном ознакомлении с ним, заставляет нас полностью отбросить это предположение. Большие размеры посада, обилие построек, мощность культурного слоя, достигающего местами 1½ метров, свидетельствует о значительной населенности породе. Несомненность слоя мусором типичным для постоянного русского поселения того времени, ка-то очень большого количества керамики, образцов кожи, фрагментов оконной следи, костей домашнего скота - свиней и коров и, наконец, следов указывающий на существование местных ремесленников, как-то скопление железных поделок и кузнечных шлаков, куски сильно пережженной глины - как-бы обивки гончарной печи, отходы медно-бронзового литья - сами указывают на характер Мангазеи.

Мангазея представляется нам городом с постоянным большим населением, развитым ремеслом и оживленной торговлей. Неличие домашнего скота показывает, что люди селились здесь с расчетом на прочное длительное существование.

Таким образом, археологический материал характеризует Мангазею, как богатый, оживленный город где русские создали привычное для них хозяйство и быт, несмотря на суровые географические условия.

1) Вахрушин "Мангазейская мирская община в ХУП в." Сев. Лезия 1929, № I

Ратт 1. Мангазея. Вид на городище с реки.

Ратт 2. Мангазея. Вид на городище с левого берега р. Осетровки.

Фото 3.
Тазовской сель-куп Иван Безруких.

Фото 4.
Чум сель-кунов Куткиных.

Фото 5.
Съемка плана на мангазейском городище.

Фото 6. С первых чисел октября уже наступила зима.

Фото 7. Устье р. Осетровки, при которой была расположена Мангазья.

Фото 8. Землянка экспедиции при устье р. Осетровке. Вдали горалице.

Фото 9. Землянку экспедиции постепенно заносило снегом.

Фото № 10. Сель-купская женщина из рода Кытких.

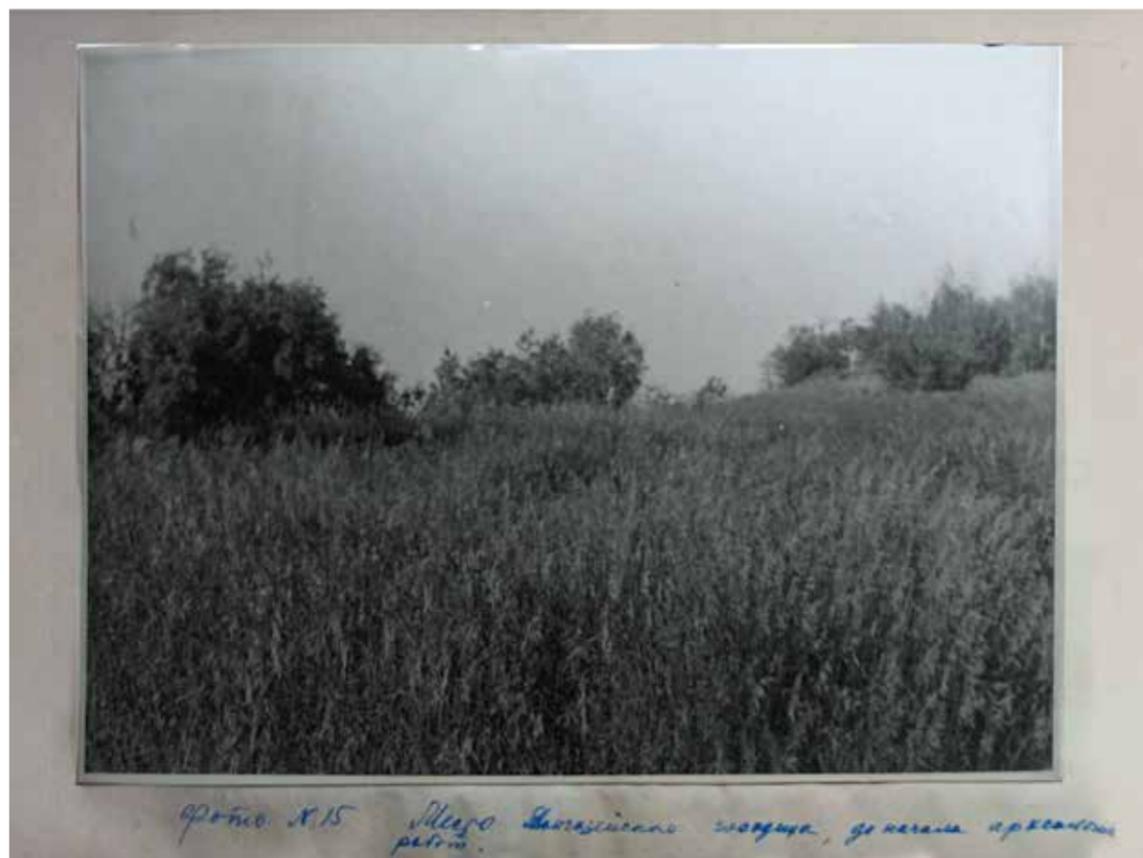
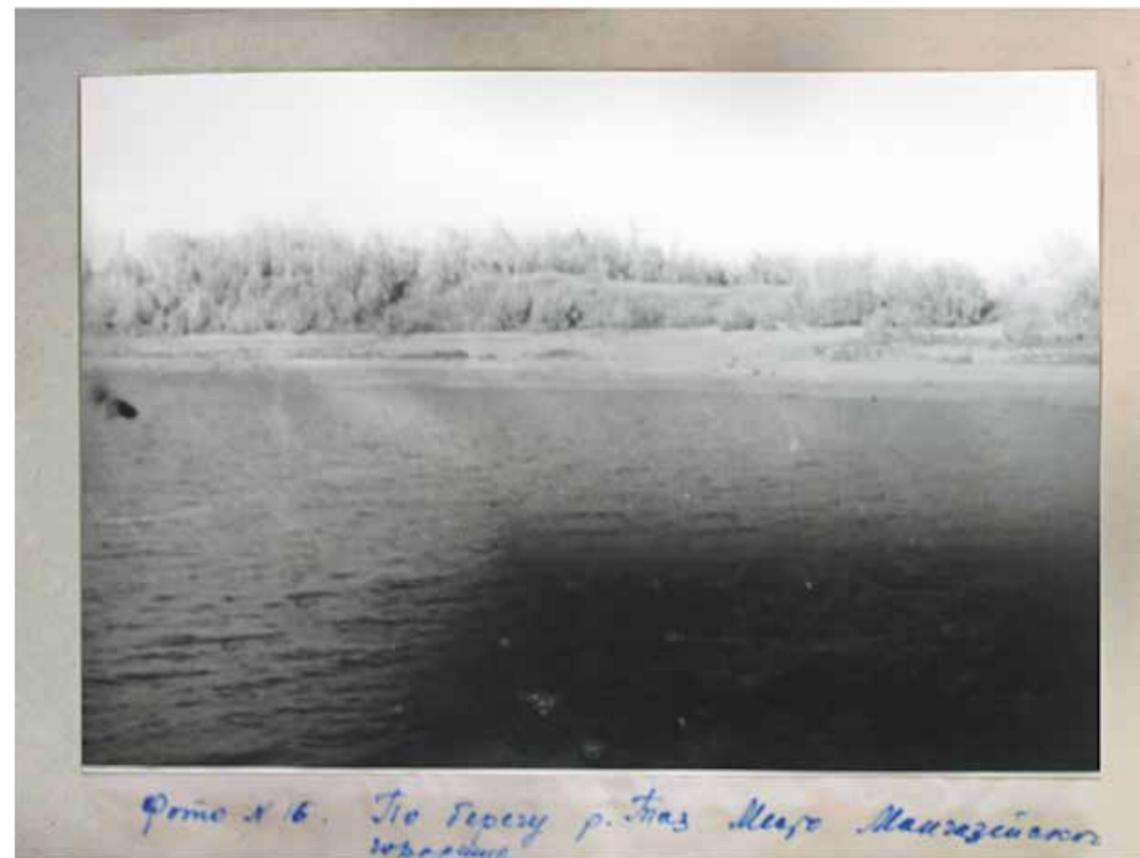
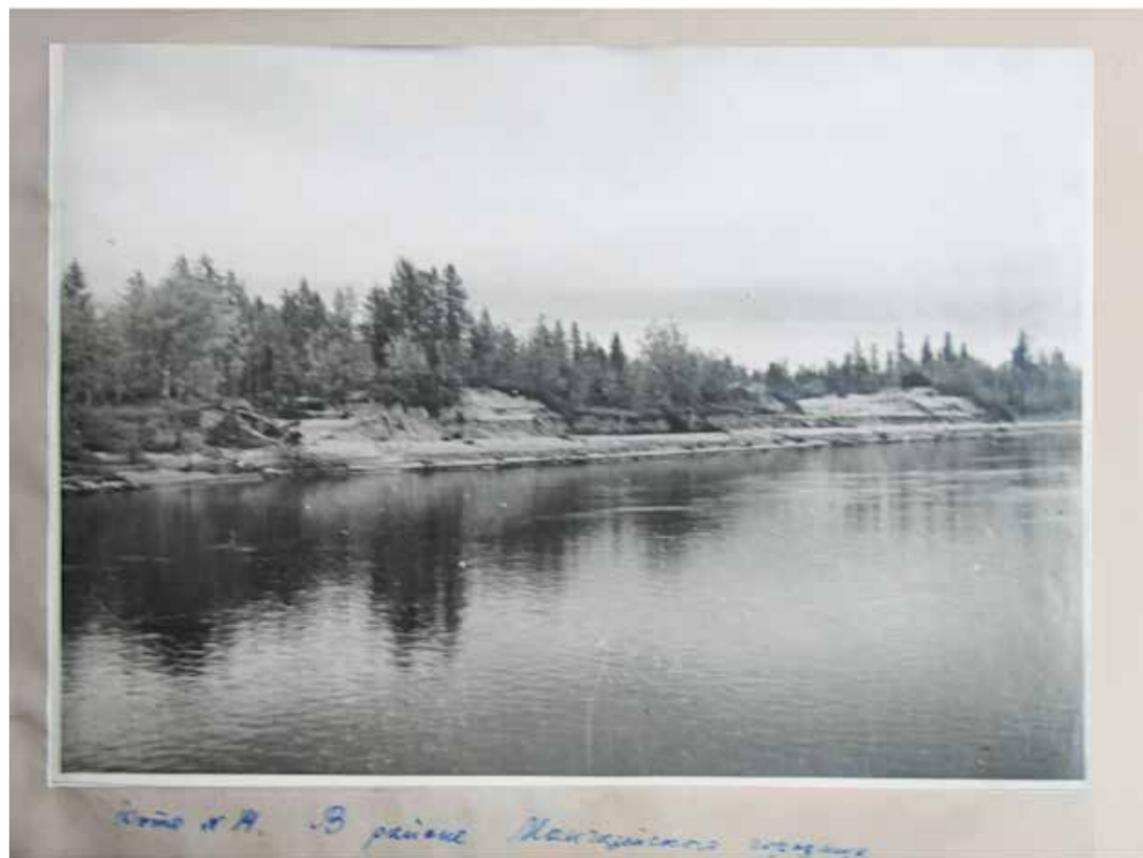
Фото № 11
Сель-куп Петр Кыткин осматривает сети на р. Панчет-кы.

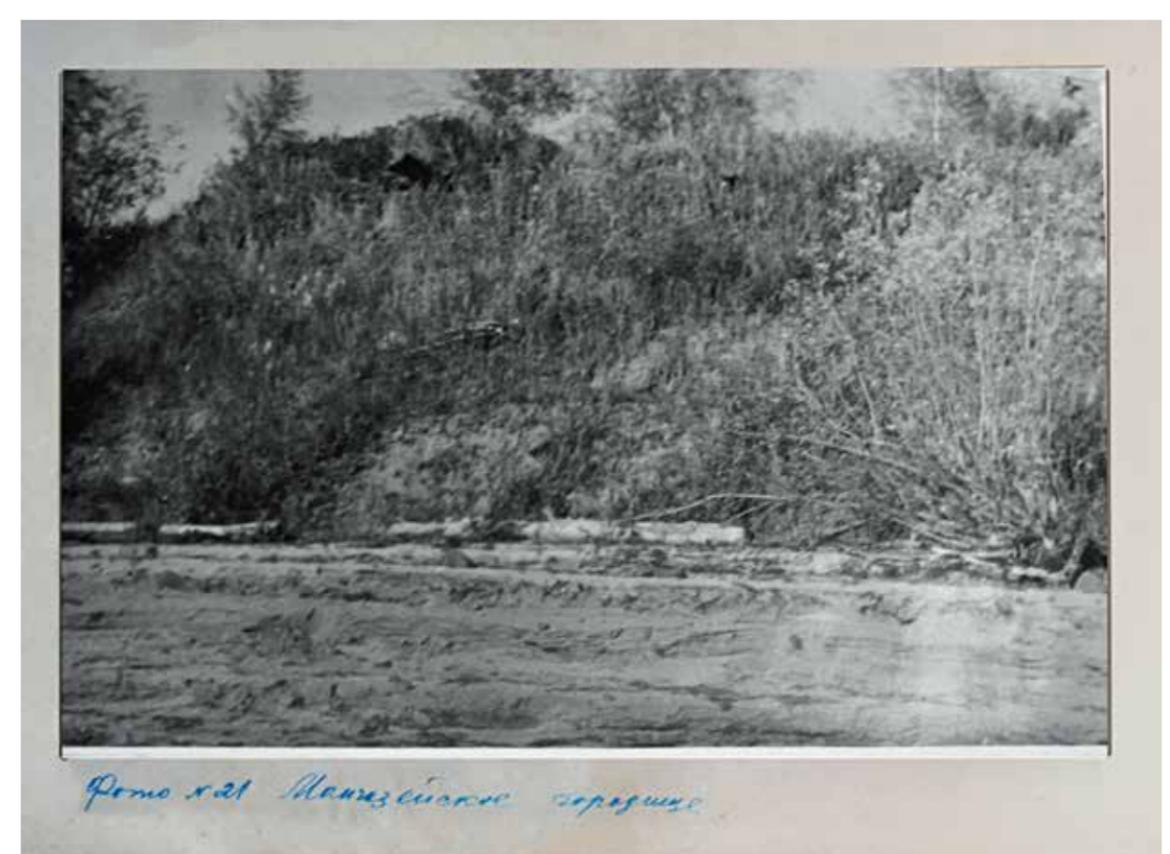

Фото № 12. По берегу р. Таз, в районе Мангазейского городища.

Фото № 13. По берегу р. Таз, в районе Мангазейского городища.

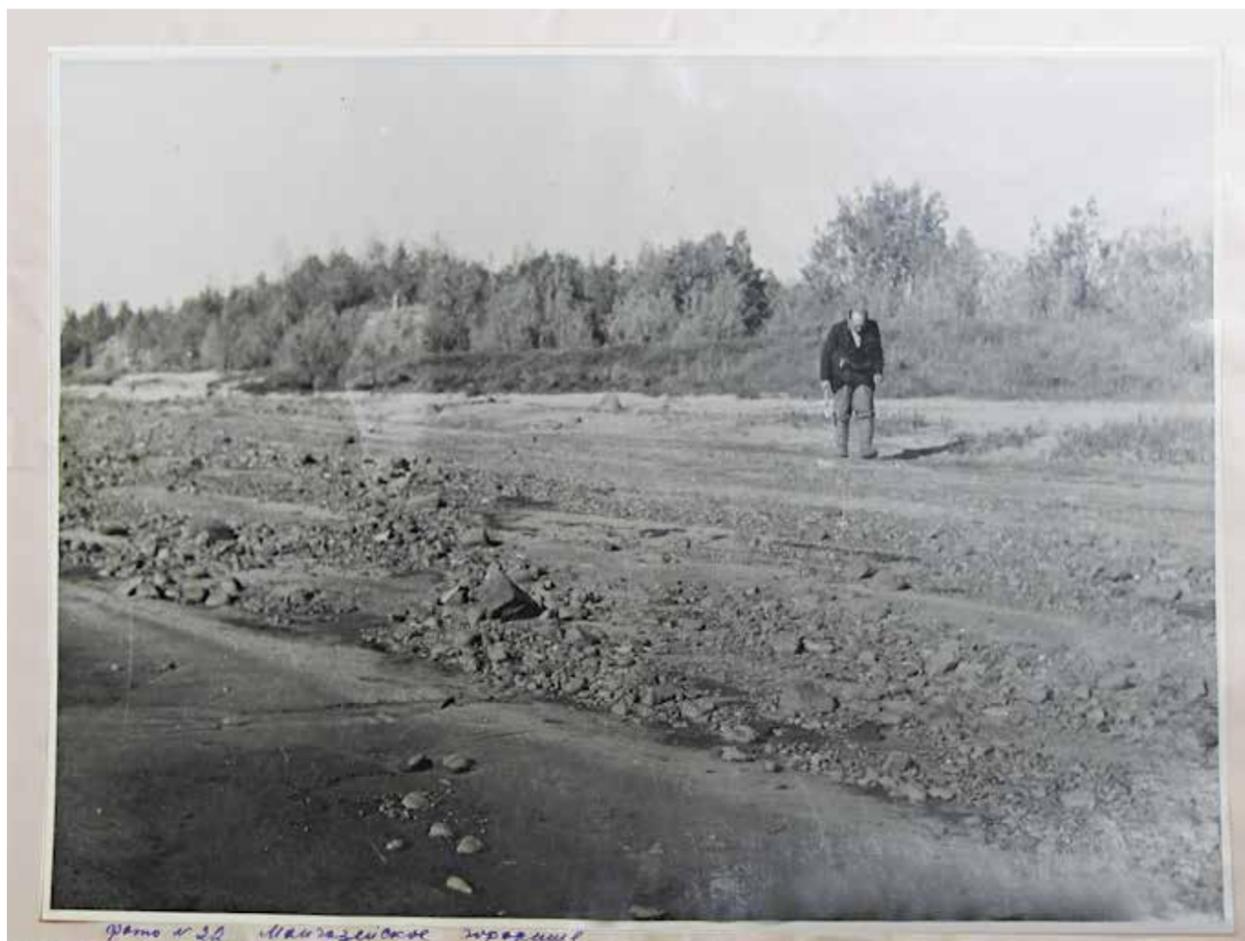
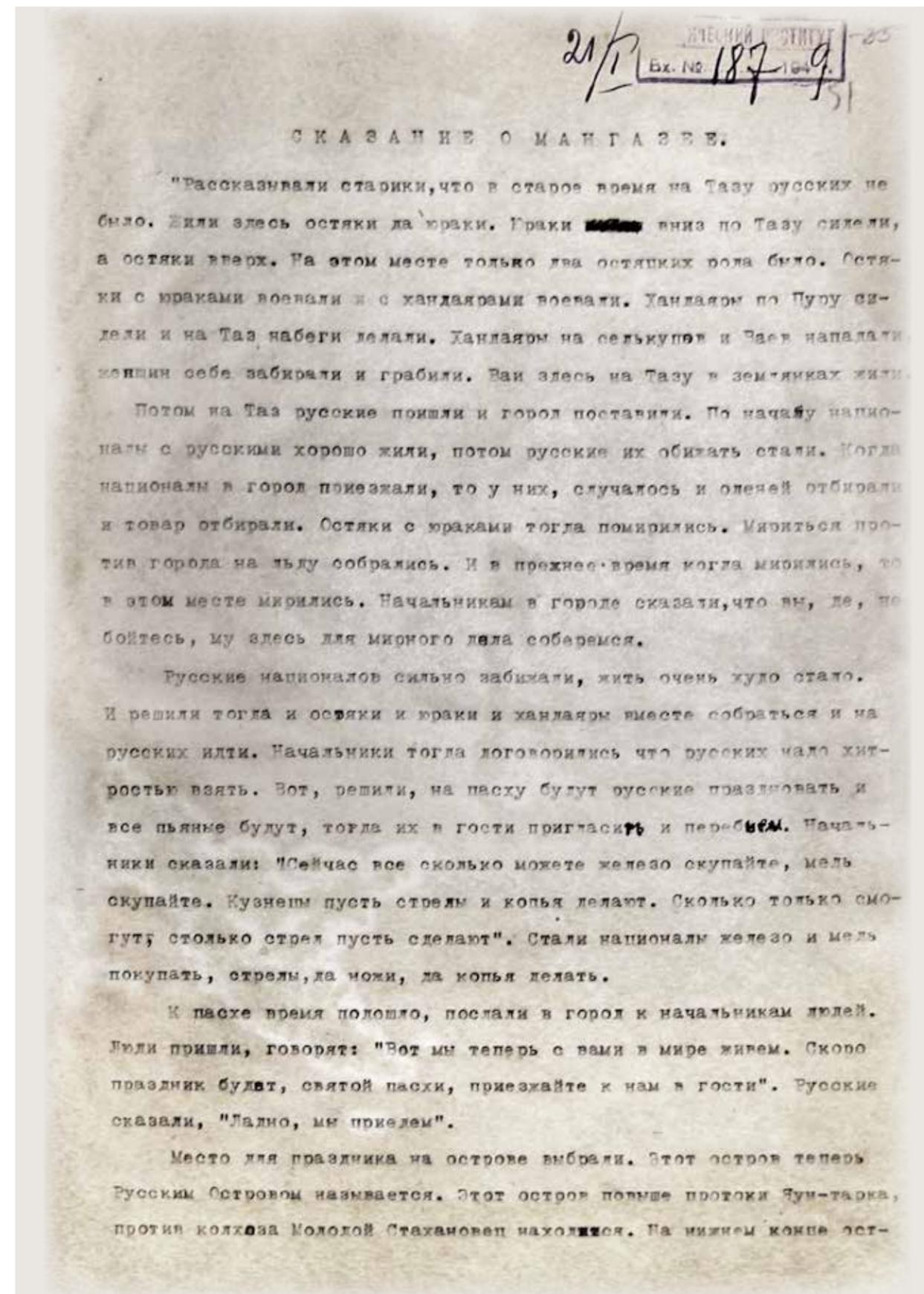

Фото № 22 Мангазейское ирраши.

-3-

-34-
52

рова чумы поставили и через весь остров у них дорогу расчистили. По обе стороны дороги из снега валы насыпали, чтобы за ними люди встать могли. Праздник настал, за русскими в город нарты послали. Русские начальники сказали: "Пусть на каждой нарте по остяку или юраку сядет, мы сами править не станем, так поедем". Они так потому сказали, что думали - в своих стрелять не станут. Поехали. Русские увидели, что едут хорошо, бояться перестали. Песни поют, кричат, потому как пьяные все. В дороге, что на Русском Острове, въехали. К этому времени по обе стороны дороги за валами стрельки с луками спрятались. Вдоль всей дороги один к одному встали. Как только последняя нарта в дорогу въехала, люди сразу, как один выстрелили. Русских начальников всех перебили, ни одного в живых не осталось. После того все в город поехали и там всех пьяными сонными перебили, а город зажгли.

Однако кое-кто из города спасся и убежал. Когда об этом узнали, то стали ждать, что русские мстить придут. Караулы выставили, чтобы врасплох не застали. Ждут, ждут, а русских все нет. Вот уже весна подошла, вода высокая стала, а русских все нет и нет. Караулы уже всем надоело. Однажды ночью все спать пошли. ~~Примечаниями~~ Одну старушку сторожить оставили. "Ты, - говорят, - все равно не спишь, так заодно и караул. Русских нет, так нам что зря силы терять. Русских увидишь, тогда нас разбудишь". Старушка сидела, сидела и думает: "Что я так без дела сидеть буду, дай хоть работу какую возьму". Взяла постель оленью и давай ^{делать} ~~скоблить~~ ^{скоблить}. Скоблит, скоблит и по сторонам глядеть забыла. А пол утро русские и пришли. Старушка скоблит, и не слышит как сзади подошли и по обе стороны встали.

- Что, бабушка, работаешь? - Говорят. Она голову подняла, видит - русские. Только крикнуть хотела, как ее тут же и убили. После этого и всех националов сонными перебили. Город снова поставили.

Записано от Архила Кяткина, селькупа 75 л.

р. Мад, Мангаз. 8 1946 г.

-3-

-35-
3Примечания.

Остяки - местное название для селькупов, которое А. Кяткин применял в своем рассказе.

Юраки - местное название для ненцев.

Хандаяры - местное название для пыхасова - лесных ненцев.

Вая - самоназвание и название одной из энепских фратрий. Эним - народность родственная ненцам.

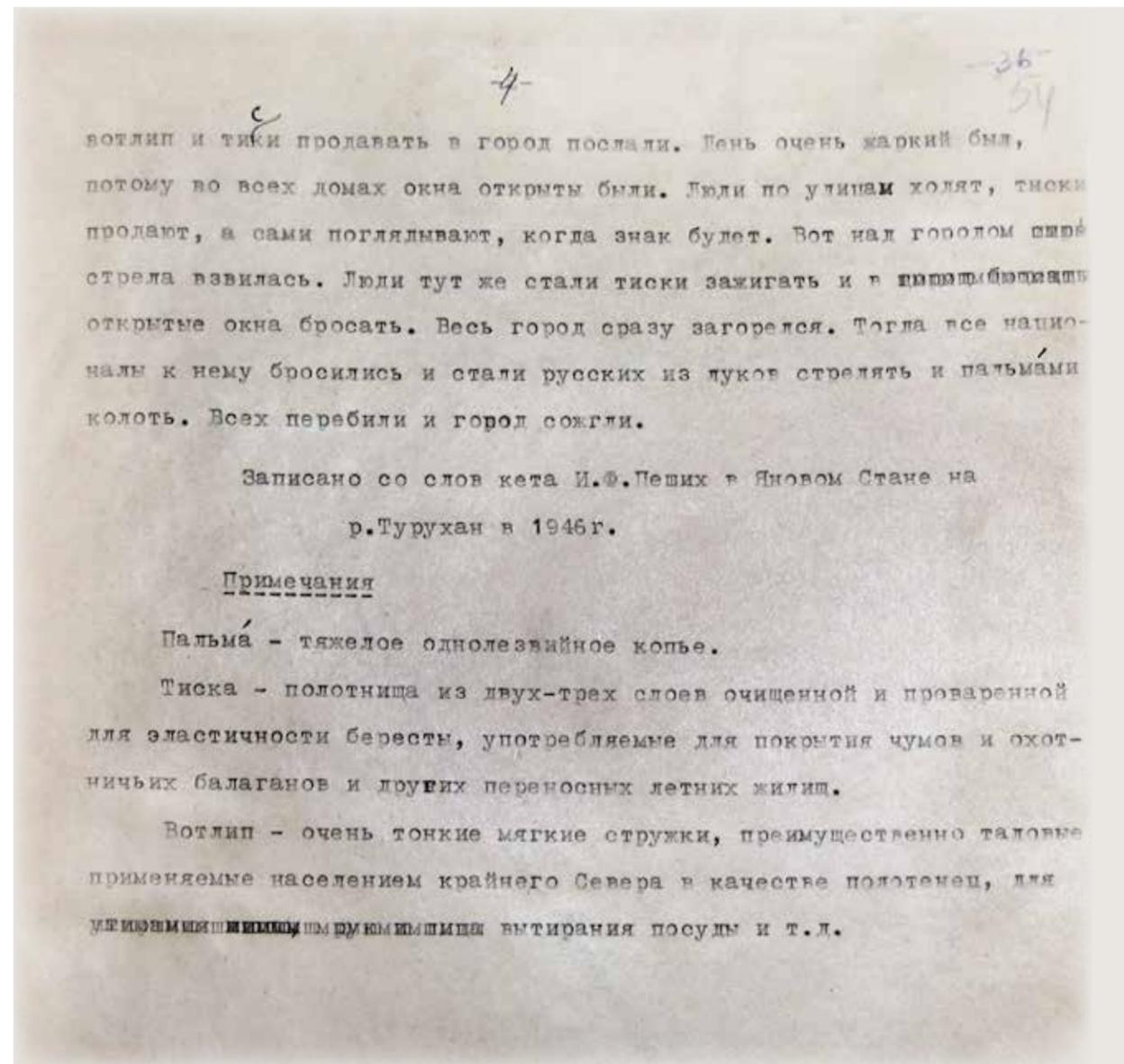
Оленья постель - шкура взрослого оленя, убитого зимой.

СКАЗАНИЕ О ВОЙНЕ В МАНГАЗЕ

Вначале, когда Мангазек город поставили, русские с националами хорошо жили. Потом русские националов обижать стали. Оленей отнимали, грабили. Тогда кеты и селькупы и хандаяры и юраки решили против русских войной идти и город уничтожить. В каждом месте начальника выбрали. Кеты своих начальников выбрали, селькупы своих, юраки и хандаяры тоже своих. Над всеми начальниками главного начальника выбрали, кетского богатыря по имени Черемуховое Дерево. Он так сказал: "Вы теперь к себе поезжайте, людям своим скажите, пусть они железо и медь покупают, стрелям, ножи, пальцы пусть делают. Все кузнецы пусть оружие делают. Весна настанет, тогда соберемся".

До самой весны оружие готовили. Весна пришла, начальники снова договариваться собрались. ~~Потом~~ Черемуховое дерево сказал: "Тепло как станет, все в Мангазек поедем, когда там торг будет. Жаркий день как случится, несколько человек тогда в город пойдут, будто тиски и вотлип продавать. Как знак дадим, так они город зажгут!"

В назначенный срок все селькупы и кеты и юраки и хандаяры вокруг города собрались. Несколько человек ~~пошли~~

УДК 904; 902/904; 902.2; 902.03
DOI 10.31630/2949-3609-2025-1-117-120

В. Н. Чернецов

СТОЯНКА И СЕЛИЩЕ «ЗЕЛЕНАЯ ГОРКА» В РАЙОНЕ САЛЕ-ХАРДА (раскопки Мангазейской экспедиции)*

/Титульный лист/ Арктический научно-исследовательский институт Главсевморпути при Совете министров СССР

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ

СТОЯНКА И СЕЛИЩЕ «ЗЕЛЕНАЯ ГОРКА» в районе Сале-Харда (Раскопки Мангазейской экспедиции)

Текст на 11 листах

Фото-рис. на 7 листах

Ленинград

1946

/Л. 1/ В. Н. ЧЕРНЕЦОВ

Стоянка и селище «Зеленая Горка» близ Сале-Харда

При археологической разведке, произведенной археологической экспедицией в районе г. Сале-Харда летом 1946 г., были обнаружены культурный слой и керамика на мысу, носящем название «Зеленая Горка». Мыс этот расположен на правом обрывистом берегу р. Полуи, километрах в пяти ниже Сале-Харда, и получил свое название из-за густой травы, резко отделяющей его от окружающей тундры.

Этим же летом на Зеленой Горке начаты раскопки, закончить которые, однако, не удалось из-за ограниченности времени.

Зеленая Горка представляет собою небольшой мысок, образованный крутым ложком, возвышающийся метров на 12 над уровнем р. Полуи (см. рис. 1). Поверхность мыса слегка бугристая и имеет общий уклон в направлении его оконечности к обрыву. Северо-западная часть его поросла довольно густым кустарником, а на юго-восточной оконечности разбит огород. Рядом с огородом можно различить неглубокие подквадратные впадины – следы некогда существовавших здесь жилищ. Две из них хорошо отчетливы, две другие частично нарушены огородом и оврагом, на краю которого в свое время землянка была построена. Еще одно углубление, но с очень смутным очертанием, было обнаружено в средней части мыса, недалеко от обрыва, от которого к нему подходила крутая рвовобразная впадина. К углублению примыкал небольшой бугор, заросший кустами. У края этого углубления, где при разведке были обнаружены признаки культурного слоя, и был /Л. 2/ заложен первый раскоп (рис. 2).

Под слоем почвы, мощностью от 5 до 20 см, был обнаружен темно-окрашенный песчано-золотистый слой, в квадратах оказавшийся перекрытым линзами золы с углем и остатками не совсем еще перегнившего дерева в виде бревен и плах. В квадратах 4–6 по линии X–Y место этого слоя заняло скопление угля с примесью золы (на профиле обозначено цифрой VI), лежавшее на прослойках обожженной глины. По всей видимости, весь этот комплекс представлял собою остатки очага жилища, следы которого и были замечены на поверхности земли в виде небольшого подквадратного углубления. Как видно на плане, очажное пятно сопровождалось остатками деревянных бревен и плах, отчасти подстилавших, а отчасти перекрывавших его, в направлении от угла квадрата 7-С к квадрату 5-Е. Рядом с ним при зачистке слоя были обнаружены также следы круглых и квадратных столбов. Из находок слой № 11 дал лишь костяной наконечник (5-Е), сильно поврежденный огнем, обрывки обработанной бересты, осколки костей, преимущественно оленьих, и куски оленьего рога со следами обработки. На квадратах в углесто-золном слое (на профиле № III), перекрывшем слой II, был найден бронзовый трехлопастный наконечник (таб. — рис. —), два кусочка листовой меди и предмет, отлитый из белой бронзы, в виде круглого брусочка, на одном конце которого намечено изображение головы какого-то животного (таб. — рис. —); и отдельные фрагменты керамики. Последние представляют сосуды, с довольно слабой профилированной верхней части, скудно орнаментированных по краю круглыми ямками и немногими рядами крупнозубой гребенки. В разрезе, продолженном к склону, где на поверхности почвы было /Л. 3/ заметно канавообразное углубление, достигшее самой подошвы склона, была обнаружена «уточка», также из белой бронзы, столь типичная для памятников VIII–IX вв. н. э.

В основании слоя II лежит угольная прослойка, мощностью 2–3 см, под которой залегает пласт довольно светлого песка (на профиле под № II). В нижнем горизонте последнего, в основном, в залегающем под ним более

* Публикуется по материалам Архива Арктического научно-исследовательского института. Р-1641. Д. 574. На 56 л. Репринт отчета – см. на с. 121–139.

темном слое (слой № III), была обнаружена керамика, не распространявшаяся, однако, за пределы, указанные на плане пунктирной линией. Керамика была представлена фрагментами кругловидных сосудов, диаметром по венчику от 100 до 300 мм. Сосуды в большинстве случаев имели довольно хорошо выраженную шейку, как правило, высокую, поставленную прямо или с некоторым наклоном внутрь. Не имели шейки лишь несколько сосудов, преимущественно небольших размеров. Они, видимо, представляли собою неглубокие чаши с прямым или несколько наклоненным внутрь краем. О технике их изготовления сказать что-либо трудно, однако распада по лентам ни в коем случае не наблюдается, а склонность некоторых фрагментов к расслаиванию, напоминая таковое в стоянке Сале-Хард I, заставляет предположить и здесь наличие выбивной техники. Край венчика нередко утолщен, что достигалось загибанием его вовнутрь или подклеиванием валика, опять-таки с внутренней стороны. Во многих случаях указанное утолщение образует с внешней стороны как бы карнизик или бровку, впечатление от которой усиливается расположенным несколько ниже рядом круглых ямок.

Элементами орнамента являются небольшая мелкозубая гребеночка, нередко используемая для вертикально-елочного или зигзагообразного узора (таб. — рис. —) /Л. 4/ трех-четырёх зубчатая лопаточка, которой или прочерчивали параллельные линии (таб. — рис. —), используя ее по принципу отступления, или наносили узор подобный (таб. — рис. —)

Также обычна закругленная гладкая лопаточка как отступающая (таб. — рис. —), так и служащая для вдавливания неглубоких канелюр (таб. — рис. —). Основной же характерной чертой орнамента зеленогорской керамики является наличие мелких фигурных штампов, придающих ей пестрый и нарядный вид. Простейшими из таких штампов служит полукруглая гребеночка (таб. — рис. —), иногда сдвоенная (таб. — рис. —), рамчатые уголки (таб. — рис. —) и полулуния (таб. — рис. —), решетчатые квадраты и ромбы (таб. — рис. —) и разнообразные крестики и звездочки как рамчатые (таб. — рис. —), так и вдавленные (таб. — рис. —). Орнамент группируется горизонтальными полосами, покрывающими шейку или, в случае ее отсутствия, прикраевую часть сосуда. Очень характерной композиционной чертой является полоса треугольников, обращенных вершинами вниз, и примыкающая своими основаниями к нижнему краю орнаментальной зоны (таб. — рис. —).

Описанная выше группа зеленогорской керамики хорошо известна нам по ряду других памятников Нижнего Приобья: городище Кушеватское (Обь между Березовым и Сале-Хардом), городище Сортыня I (В. Северная Сосьва), дюнная стоянка у мыса Тиутей-Сале (западное побережье п-ова Ямал). Эти городища относятся к эпохе раннего железа, предшествующей сложению Усть-Полуйской культуры, и датировать их можно приблизительно серединой I тысячелетия до н. э. По сравнению с керамикой этих городищ, сосуды с Зеленой Горки отличаются /Л. 5/ несколько меньшим разнообразием штампов и недостаточно четко выраженным воротничком. Следует ли эту черту рассматривать как какую-то локальную особенность или в ней надо видеть датирующее указание, мы окончательно решить пока воздерживаемся, хотя и склоняемся к последнему. Характер зеленогорской стоянки, из произведенных на ней разведочных раскопок, установить, разумеется, невозможно, но все же четкая ограниченность площади, на которой в слое VI попадалась керамика, пожалуй, указывает на наличие здесь жилища.

Таким образом, мы устанавливаем наличие на Зеленой Горке двух равномерных слоев, разделенных довольно мощной стерильной прослойкой песка, вероятно, смытого в свое время с вышележащей части мыса.

На границе квадратов D–E в верхнем горизонте этой прослойки, той же части, которая не была нарушена позднейшей постройкой (на плане правее линии, помеченной пунктиром -.-), были обнаружены фрагменты, которые составили несколько более половины сосуда на высоком поддоне, характерного усть-полуйского типа¹.

Отсутствие сколько-нибудь распространенного культурного слоя этого времени и, в то же время, наличие видимо некогда цельного сосуда заставляет предположить возможность нахождения на Зеленой Горке погребения, а, быть может, и могильника усть-полуйского времени. Такое предположение объясняет и наличие в слое жилища X в. предметов и керамики усть-полуйского времени, которые могли попасть сюда, по нашему мнению, лишь в том /Л. 6/ случае, если при сравнении слоя V, что во время постройки жилища и имело место влево от линии X–Y, было нарушено погребение, от которого в непо потревоженной части слоя сохранилась лишь половина сосуда.

Затруднительность выяснения характера позднего жилища, главным образом, из-за густого кустарника, глубоко укоренившегося в культурном слое, заставила нас заложить другой раскоп в этом месте, где на свободной от поросли части мыса была хорошо различима неглубокая подквадратная впадина размером 5 × 6 м. Здесь, действительно, оказались остатки землянки, совершенно идентичной по своей конструкции с жилищем верхнего слоя первого раскопа. Центр землянки занимал очаг, находившийся на некотором возвышении, образованном четырехугольным брусом из бревешек 100 × 150 мм в диаметре, заполненным песком. По обе стороны очага, на границе квадратов 2–3 и 4–5, находились проходы шириной около одного метра, за которыми справа и слева (по линиям квадратов 1–2 и 5–6) располагались нары, уровень которых, видимо, более или

менее совпадал с уровнем очага и был как будто совершенно незначительно (быть может, только на толщину дерновины) ниже поверхности почвы. Перед очагом (квадраты 3–4–B) находилась впадина глубиной около 0,5 м, очевидно, являвшаяся окончанием входного коридора или сеней, располагавшихся по линии квадратов 3–4. Очаг и весь жилой горизонт землянки был перекрыт обвалившейся кровлей, состоявшей из нескольких слоев. Непосредственно под дерном находился слой земли – кровельной засыпки – интенсивно окрашенной гумусовыми частицами и угольной крошкой, содержавшей мелкие фрагменты костей животных. К краям этот слой был /Л. 7/ более мощным, достигая 20–30 м и почти вклинивался к середине.

Ниже залегал слой угля мощностью 2–4 м, лежавший на подстилке из еловых лап, от которых довольно отчетливо сохранились следы хвои. Под углем и хвоей можно было различить прокладку из бересты и далее следы обрешетки из горизонтальных плах или жердей (первоначальный диаметр их установить не представляется возможным), настланный на жерди или нетолстые бревнышки, лежавшие в направлении от краев землянки к ее середине (II раскоп план I «А»). Последние первоначально имели, видимо, наклонное положение. Нижними концами они стояли на краю ямы землянки, а верхними упирались на четырехугольную раму (на плане помечено «С»), укрепленную на столбах. Несколько отступая от углов очага, были вертикально вкопаны четыре прямоугольных бруска, видимо, также связанных рамой из более легкой, чем «С», служившей, по всей вероятности, для подвешивания над огнем котлов и, как это можно наблюдать в некоторых современных жилищах в этом районе, для сушки рыбы. За очагом (квадраты 4–4–), где уровень пола был таков же, как и в проходах, было обнаружено большое количество камней, из которых многие имели следы огня и костей животных, по определению зоолога ИИМК АН СССР Цалкина, принадлежавших северному оленю и песцу.

Находки, сделанные в землянке, располагались частью в горизонте ее жилого слоя, частью несколько выше – среди остатков деревянного настила ее кровли. Последнее можно объяснить тем, что эти предметы, а именно: костяной наконечник стрелы (на плане помечен № 7, см. также таб. — рис. —), железный /Л. 8/ наконечник стрелы (на плане № 5, таб. — рис. —), оселок (на плане № 9, таб. — рис. —) и костяной рожок для лука были засунуты в щели настила крыши, как это можно постоянно наблюдать и в современном туземном быту, где подобные щели постоянно используются для хранения различных мелких предметов. В этой же части землянки, т. е. на линии первого, второго и, частично, третьего квадратов на горизонте найдены заготовки для стрел – одна из осколков трубчатой кости, другая – из оленьего рога, – небольшая костяная лопаточка или ложка (таб. — рис. —) и предмет, так же сделанный из оленьего рога. Более или менее подобные рогульки применяются в настоящее время при вязании сетей, чему не противоречит имеющаяся посередине него канавка, по-видимому, протертая во время работы ниткой.

С другой стороны землянки, на линии квадратов 5–6, на уровне нар были обнаружены: свернутый вдвое и сплюснутый кусочек листовой меди, возможно, служивший скребком для чистки рыбы; оковка из листовой меди с двумя заклепками из того же материала, скреплявшая, по всей вероятности, треснувший край деревянного сосуда (таб. — рис. —); костяная проколка (таб. — рис. —), лапчатая привеска из белой луженой бронзы (на плане № 11, таб. — рис. —) и две голубые фаянсовые поливные бусины (на плане № 10), из которых одна уплощенная рубчатая, а другая бочоночком, украшенные вдавленными косыми крестиками (таб. — рис. —).

От борта землянки, для уточнения ее границ, в квадратах 7–9 была заложена траншея, которая показала, что непосредственно за валиком, занимающим линию квадрата 7, образовавшимся из засыпки кровли, начинается углубление другой землянки с совершенно /Л. 9/ тождественными наслоениями. У самой стены этой землянки, в квадрате № 7, непосредственно под слоем дерева был найден нож с узким загнутым концом и со следами заточки лезвия на правую сторону.

В кровельном слое землянки, особенно с краев (квадраты линии 6; 5 BC и др.), находилось большое количество шлаков и ошлакованных фрагментов сильно пережженной глины – вероятнее всего, от обмазов горнов. Большая часть их является результатом плавки меди и бронзы, но некоторые, возможно, связаны с выработкой железа (анализы шлаков не производились). Во всяком случае, количество их свидетельствует об очень сильно развитой металлургии на селище Зеленая Горка, хотя подробнее о ней пока говорить невозможно.

Время существования селища определяется довольно хорошо как на основании бронзовых поделок – лапчатой привески и «уточки» (пожалуй, правильнее было бы назвать ее куропаткой, судя по характерному повороту головы), так и по бусинам, концом I тысячелетия н. э. Следует при этом отметить, что рожок лука совершенно точно соответствует форме и поныне распространенной среди Низовских остяков. То же можно сказать и про конструкцию зеленогорского жилища. Землянка, теперь почти совершенно вышедшая из употребления, еще недавно была в повсеместном распространении и описаны исследователями, посещавшими обских угров в конце прошлого века. Согласно указанию У. Сирелиуса, один из наиболее близких к зеленогорскому типу жилищ имел также четырехскатную крышу, состоящую из бревенчатого настила, покрытого сеном или мхом и засыпанного сверху землей. Стороны крыши в ее основании имели 3–4,5 м, /Л. 10/ а высота ее колебалась в пределах 1,5–2 м. В середине выкапывалась яма глубиной 30–60 см, а по краям земля оставалась

¹ В. Чернецов. Очерк этногенеза Обских Угров. Краткие сообщения ИИМК в. IX.

лась нетронутой для устройства нар, высота которых таким образом соответствовала глубине центральной ямы. Очаг, типа чувала, устраивался в одном из углов при входе². Последняя черта только и отличает жилища, описанные У. Сирелиусом, от зеленогорского, но она не является существенной, поскольку центральный очаг на возвышении, укрепленном срубом, весьма широко распространен среди обских угров, особенно для летних бревенчатых юрт. На рисунке приводим фотографию такого очага из селения Посал-Тит-Паул на р. Северная Сосьва.

Позднее селище на Зеленой Горке представляет особый интерес, так как показывает, что к концу I тысячелетия н. э. уже сложились основные черты, свойственные этнографии обских угров в ее современных или весьма недавних формах. Следует, однако, заметить, что нож, найденный в квадрате 8 второго раскопа, с этой точки зрения является совершенно нетипичным. Вогульские и остяцкие ножи имеют совершенно прямую спинку и прямое же, несколько закругляющееся к концу лезвие. Заточка всегда на одну сторону и при этом довольно круглая. Такая форма ножа характерна не только для настоящего времени, но и для памятников конца I – начала II тысячелетия н. э. Лишь в материалах остяцкого могильника XVIII–XIX вв. с острова Мертвых на Оби ниже Сале-Харда находим ножи, приближавшиеся по своему типу к вышеописанному из селища на Зеленой Горке, но все эти ножи привозного происхождения, поскольку можно судить по чеканным медным рукояткам³. По всей вероятности, то же следует сказать и о зеленогорском ноже. Откуда он мог быть завезен, сказать затруднительно, но этим местом мог быть только юг и, скорее всего, Средняя Азия, в связи с которой мы можем проследить от глубокой древности до XVII в., когда бухарские купцы еще продолжали посещать Обь, в частности, Березов.

Работы на втором раскопе, давшие подробности конструкции жилища, позволили лучше понять и стратиграфию первого раскопа.

Линия X–Y (см. план первого раскопа), справа от которой находится потревоженный слой песка (на профиле Y), а слева в квадратах С–Е, углубление, выполненное остатками дерева, углем, золой и фрагментами прокаленной глиняной обмазки, как можно теперь говорить уже с уверенностью, представляет собою границу нар и углубленного прохода около очага. При выкапывании этого прохода и был в свое время нарушен участок, содержащий слой усть-полуйского времени, быть может, являвшийся погребением. Благодаря возвышению нар, часть этого слоя сохранилась в квадрате 4 С–D, где и был обнаружен описанный выше сосуд. Находка последнего в верхнем горизонте стерильного слоя, залегающего над слоем, содержащим «воротничковую» керамику, дает такое надежное указание для относительной датировки этих двух эпох, каким мы до сих пор еще не располагали.

/Л. 12/ Фото-рис. 1. Общий план селища «Зеленая Горка» близ Сале-Харда

Фото-рис. № 2. План I раскопа на селище «Зеленая Горка»

Фото-рис. 3. План и профиль первого раскопа на урочище «Зеленая Горка». Раскопки Мангазейской экспед. АНИИ

/Л. 13/ Фото № 4

Фото-рис. № 5. Зеленая Горка. Раскоп II

Фото-рис. № 6. Зеленая Горка. Раскоп II.

Общий вид и планы 2-го раскопа на селище «Зеленая Горка»

/Л. 14/ Фото № 7

Фото № 8

Сосуды из раннего слоя (середина I тыс. до н. э.) селища «Зеленая Горка». Раскопки Мангазейской экспед. АНИИ

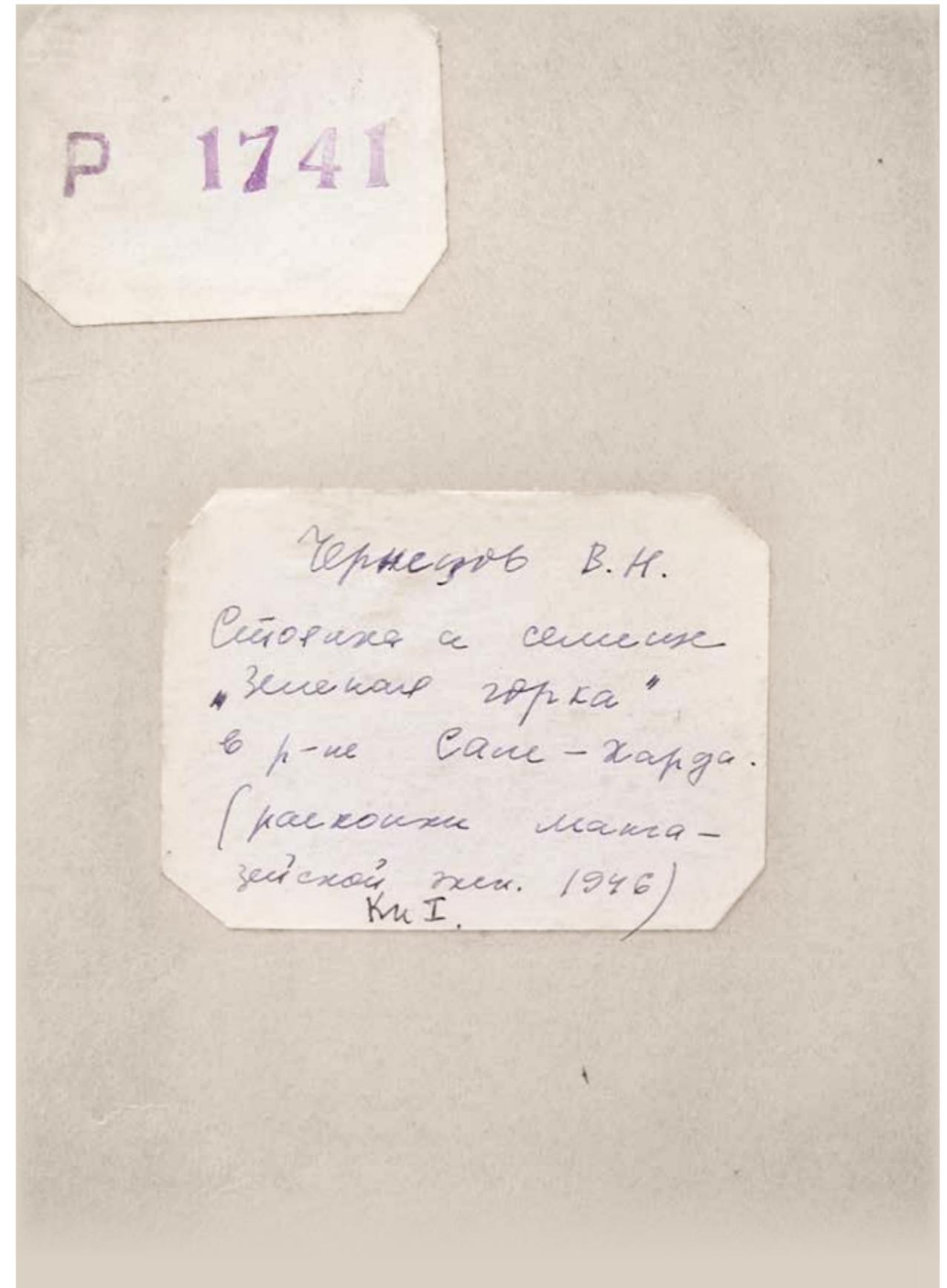
/Л. 15/ Фото № 9

Образцы керамики из раннего слоя селища «Зеленая Горка»

/Л. 16/ Фото № 11. Фрагмент сосуда усть-полуйского типа из раскопа № 1 на стоянке Зеленая Горка близ Сале-Харда. Мангазейская экспед. АНИИ

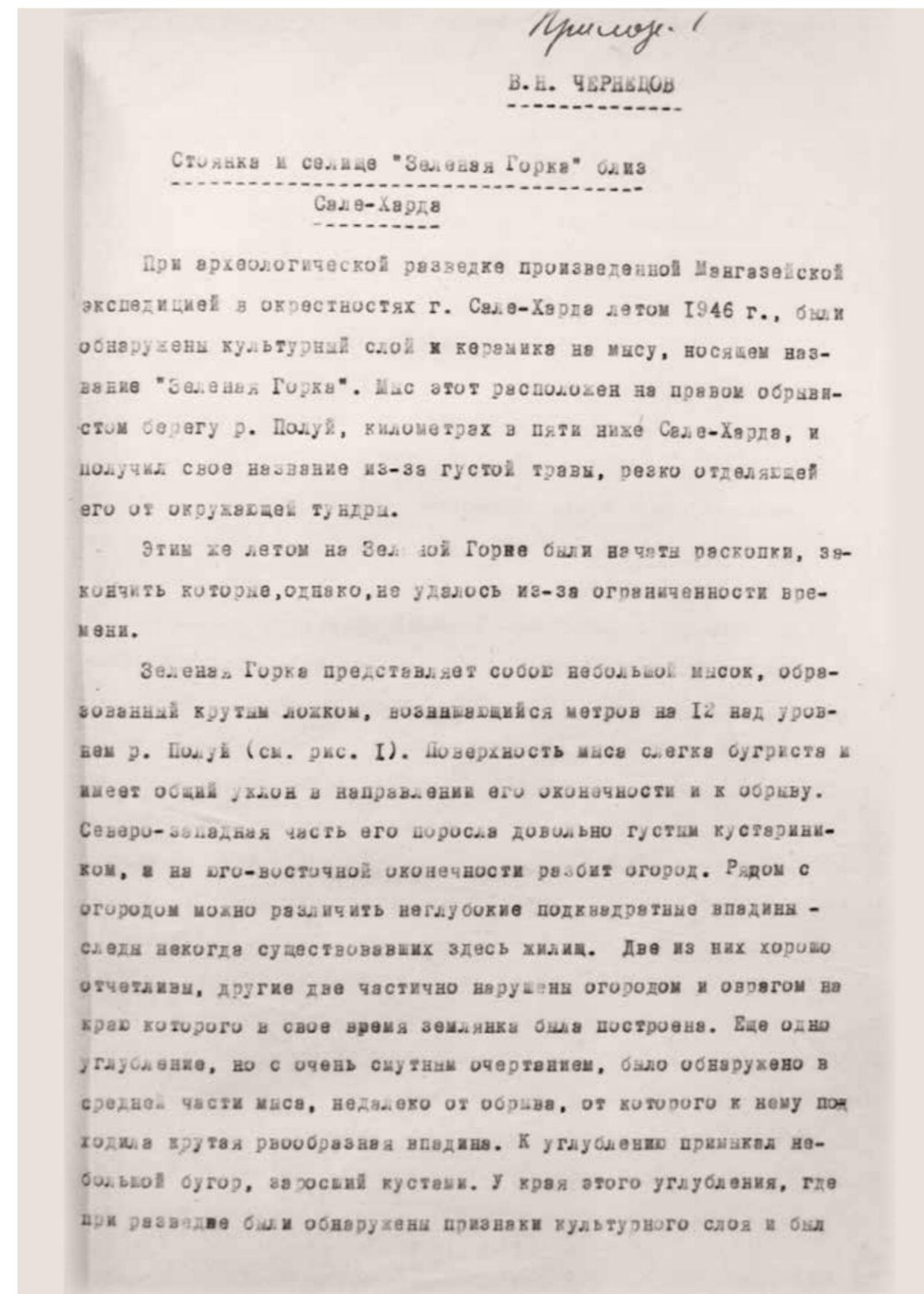
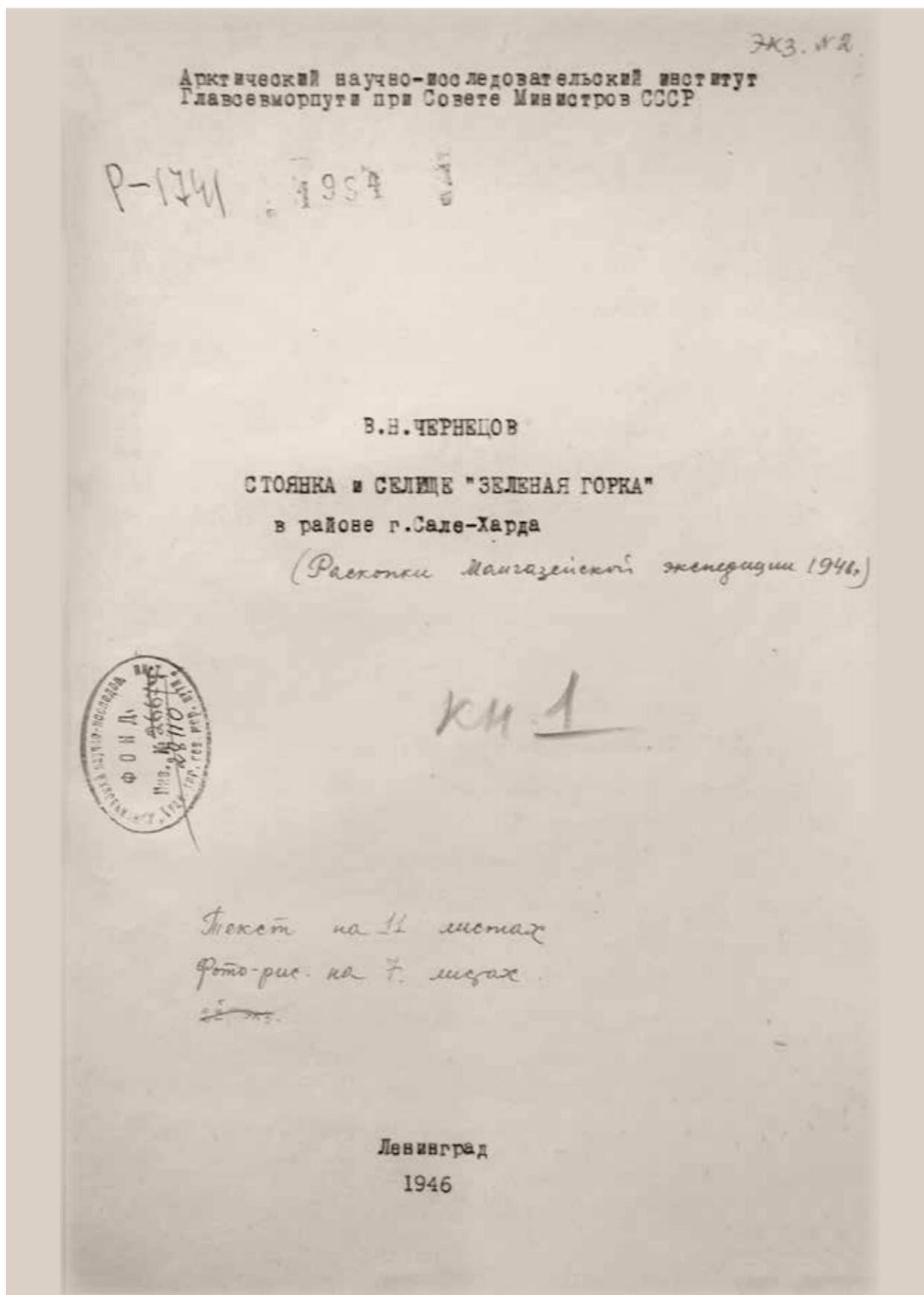
Фото № 12. Реставрированный сосуд усть-полуйского типа из раскопа № 1 на стоянке Зеленая Горка близ Сале-Харда. Мангазейская экспед. АНИИ

/Л. 17/ Фото № 13. Находки из землянки X в. н. э. на селище «Зеленая Горка». Раскопки Мангазейской экспед. АНИИ

² U. Sirelius, Finnisch-ugrische Forschungen т. VI.

³ Материал из этого могильника, добытый Яновичем, хранится в Музее Антропологии МГУ. Ножи, указанного типа, никем еще подробно не изучались, поэтому место их происхождения неизвестно.

- 2 -

заложен первый раскоп. (рис. 2)

Под слоем почвы, мощностью от 5-20 см был обнаружен темно-окрашенный золотисто-песчаный слой, в квадратах оказавшийся перекрытым линзами золи с углем и остатками не совсем еще перегнившего дерева в виде бревен и плах. В квадратах 4-6 по линии X-Y место этого слоя заняло скопление угля с примесью золи (на профиле обозначено цифрой VI), лежащее на прослойках обожженной глины. По всей видимости весь этот комплекс представлял собой остатки очага жилища, следы которого и были замечены на поверхности земли в виде небольшого подквадратного углубления. Как видно на плане, очажное пятно сопровождалось остатками деревянных бревен и плах, отчасти подстилавших, а отчасти перекрывавших его, в направлении от угла квадрата 7-С к квадрату 5-Е. Рядом с ним при зачистке слоя были обнаружены также следы круглых и квадратных столбов. Из находок слой № II дал лишь костяной наконечник (5-е) сильно поврежденный огнем, обрывки обработанной бересты, осколки костей, преимущественно оленьих и куски оленьего рога со следами обработки. На квадратах в углисто-зольном слое (на профиле № III), перекрывавшем слой II был найден бронзовый трехлопастный наконечник (таб. рис.), два кусочка листовой меди и предмет, отлитый из белой бронзы, в виде круглого брусочка, на одном конце которого намечено изображение головы какого-то животного (таб. рис.) и отдельные фрагменты керамики. Последние представляют сосуды, с довольно слабой профилировкой верхней части, скудно орнаментированных по краю круглыми ямками и немногими рядами крупнозубой гребенки. В разрезе, продолженном к склону, там где на поверхности почвы было

- 3 -

заметно канавообразное углубление, достигавшее почти самой подошвы склона, была обнаружена "уточка", так же из белой бронзы, столь типичная для памятников VIII-XI веков н.э.

В основании слоя II лежит угольная прослойка, мощностью 2-3 см., под которой залегает пласт довольно светлого песка (на профиле под № IV). В нижнем горизонте последнего, а в основном в залегающем под ним более темном слое (слой № V), были обнаружены керамика, не распространявшаяся, однако, за пределы, указанные на плане пунктирной линией. Керамика была представлена фрагментами кругловидных сосудов, диаметром по венчику от 100 до 300 мм. Сосуды в большинстве случаев имели довольно хорошо выраженную шейку, как правило высокую, поставленную прямо или с некоторым наклоном во внутрь. Не имели шейки лишь несколько сосудов, преимущественно небольших размеров. Они видимо представлявших собой неглубокие чаши с прямым или несколько наклонным внутрь краем. О технике их изготовления сказать что-либо трудно, однако распяда по лентам ни в одном случае не наблюдается, а склонность некоторых фрагментов к расслаиванию, напоминавшее такое в стоянке Сале-Хардэ I, заставляет предположить и здесь наличие выбивной техники. Край венчика нередко утолщен, что достигалось загисанием его вовнутрь или подклеиванием валика, опять таки со внутренней стороны. Во многих случаях указанное утолщение образует в внешней стороны как бы карнизик или бровку, впечатление от которой усиливается расположенными несколько ниже рядом круглых ямок.

Элементами орнамента являются небольшая мелкозубая гребеночка, нередко используемая для вертикально-елочного или зигзагообразного узора (таб. рис.).

- 4 -

трех-четырех зубчатая лопаточка, которой или прочерчиваются параллельные линии (~~таб. рис.~~) используя ее по принципу отступления, наносится узор, подобный ~~рис. таб.~~

Также обычна закругленная гладкая лопаточка как отступающая (~~таб. рис.~~), так и служащая для вдавливания ее неглубоких канелюр. (~~таб. рис.~~). Основной же характерной чертой ornamentации зеленогорской керамики является наличие мелких фигурных штампов, придающих ей пестрый и нарядный вид. Простейшими из таких штампов служит полукруглая гребеночка (~~таб. рис.~~) иногда двойная (~~таб. рис.~~), рамчатые уголки (~~таб. рис.~~) и полулуния (~~таб. рис.~~), решетчатые квадраты и ромбы (~~таб. рис.~~) и разнообразные крестики и звездочки, как рамчатые (~~таб. рис.~~) так и вдавленные (~~таб. рис.~~). Орнамент группируется горизонтальными полосами, покрывающими шейку или, в случае ее отсутствия, прикраевую часть сосуда. Очень характерной композиционной чертой является полоса треугольников, обращенных вершинами вниз, и примыкающих своими основаниями к нижнему краю орнаментальной зоны (~~таб. рис.~~).

Описанная выше группа зеленогорской керамики хорошо известна нам по ряду других памятников Нижнего Приобья, как городище Кушевское (Обь между Березовым и Сале-Хардом), городище Сортинья I (В. Северная Сосва)? дьянная стоянка у мыса Тиутей-Сале (западное побережье п-ва Ямал). Эти городища относятся к эпохе раннего железа, предшествующей сложению Усть-Полуйской культуры и датировать их можно приблизительно серединой первого тысячелетия до н.э. По сравнению с керамикой этих городищ, сосуды с Зеленой Горки отличаются

- 5 -

несколько меньшим разнообразием штампов и недостаточно четко выраженный бортичком. Следует ли эту черту рассматривать как какую то локальную особенность или в ней надо видеть датирующее указание, мы окончательно решить пока воздерживаемся, хотя и склоняемся к последнему. Характер зеленогорской стоянки, из произведенных на ней по существу говоря разведочных раскопок, установить разумеется невозможно, но все же, четкая ограниченность площади, на которой в слое VI попадались керамика, пожалуй указывает на наличие здесь жилища.

Таким образом мы устанавливаем наличие на Зеленой Горке двух равномерных слоев, разделенных довольно мощной стерильной прослойкой песка, вероятно смитого в свое время с выходящей части мыса.

На границе квадратов D-E в верхнем горизонте этой прослойки, в той же части, которая не была нарушена позднейшей постройкой (на плане правее линии , помеченной пунктиром - . - . -), были обнаружены фрагменты, которые составили несколько более половины сосуда на высоком поддоне, характерного усть-полуйского типа.

Отсутствие сколько нибудь распространенного культурного слоя этого времени и, в то же время наличие видимо некогда цельного сосуда, заставляет предположить возможность нахождения на Зеленой Горке погребения, а быть может и могильника усть-полуйского времени. Такое предположение объясняет и наличие в слое жилища X в. предметов и керамики усть-полуйского времени, которые могли попасть сюда по нашему мнению лишь в том

I) В. Чернецов. Очерк этногенеза Обских Угров. Краткие сообщения ИИМК в. IX.

- 6 -

случае если при срывании слоя У, что во время постройки жилища и имел место влево от линии Х-У, было нарушено погребение, от которого в непогребенной части слоя сохранилась лишь половинка сосуда.

Затруднительность выяснения характера пологого жилища, (главным образом из-за густого кустарника, глубоко укоренившегося в культурном слое) заставляла нас заложить другой раскоп в том месте, где на свободной от поросли части миса была хорошо различима неглубокая подквадратная впадина, размерами около 5х6 м. Здесь действительно оказались остатки землянки, совершенно идентичной по своей конструкции с жилищем верхнего слоя первого раскопа. Центра землянки занимал очаг, находившийся на некотором возвышении, обрешеткой четырехугольным срубом из бревенек 100х150 мм. в диаметре, заполненным песком. По обе стороны очага на границе квадратов 2-3 и 4-5 находились проходы, шириной около одного метра, за которыми справа и слева (по линиям квадратов 1-2 и 5-6) располагались нарты, уровень которых видимо более или менее совпадал с уровнем очага и был как будто совершенно незначительно (быть может только на толщину древесины) ниже поверхности почвы. Перед очагом (квадраты 3-4-В) находилась впадина, глубиной около 0,5 м очевидно являвшаяся окончанием входного коридора или сеней, располагавшихся по линии квадратов 3-4. Очаг и весь жилой горизонт землянки был перекрыт обвалившейся кровлей, состоявшей из нескольких слоев. Непосредственно под деревом находился слой земли - кровельной засыпки - интенсивно окрашенной гумусовыми частицами и угольной крошкой, содержащей мелкие фрагменты костей животных. К краям этот слой был

- 7 -

более мощным, достигая 20-30 м и почти выклиниваясь к середине.

Ниже залегающий слой угля, мощностью 2-4 см. лежавший на подстилке из еловых лап, от которых довольно отчетливо сохранились следы хвои. Под углем и хвоей можно было различить прокладку из бересты и далее следы обрешетки из горизонтальных плех или жердей (первоначальный диаметр их установить не представляется возможным), насаженной на жерди или нетолстые бревнышки, лежащие в направлении от краев землянки к ее середине, (II раскоп план I "А"). Последние первоначально имели видимо наклонное положение. Нижними концами они стояли на краю ямы землянки, а верхними опирались на четырехугольную раму (на плане помечено "С"), укрепленную на столбах ~~или~~. Несколько отступая от углов очага были вертикально вкопаны четыре прямоугольных бруска, видимо так же связанных рамой из более легкой чем "С", служившей по всей вероятности для подвешивания над огнем котлов и, как это можно наблюдать в некоторых современных жилищах в этом районе, для сушки рибон. За очагом (квадраты 3-4-), где уровень пола был такой же как и в проходах, было обнаружено большое количество камней, из которых многие имели следы огня, и костей животных - по определению зоолога В.И. ~~Ушкина~~ принадлежавших северному оленю и песцу.

Находки, сделанные в землянке, располагались частью в горизонте ее жилого слоя, частью несколько выше - среди остатков деревянного настила ее кровли. Последнее можно объяснить тем, что эти предметы, а именно: костяной наконечник стрелы (на плане помечен № 7; ~~или~~ рис. →); железный на-

- 8 -

ковечник стрелы (на плане № 5, ~~на плане № 5~~), осалок (на плане № 9, ~~на плане № 9~~) и костяной рожек для лука были за-
сунуты в щели настели краями, как это можно постоянно наблюдать
и в современном туземном быту, где подобные щели постоянно ис-
пользуются для хранения различных мелких предметов. В этой же
части землянки, т.е. на линии первого, второго и, частично,
третьего квадратов на горизонте найдены две заготовки для
стрел, - одна из осколка трубчатой кости, другая из оленьего
рога, несомненно костяная лопаточка или ложка ~~(на плане № 10)~~
и предмет, сделанный также из оленьего рога, ~~сделанный из~~
~~рога~~. Более или менее подобные рогульки применяются
в настоящее время при вязании сетей, чему не противоречит име-
ющаяся по середине его канавка, повидимому протертая во время
работы сеткой.

С другой стороны землянки, на линии квадратов 5-6 и на
уровне находки обнаружены: свернутый вдвое и сплюснутый кусо-
чек листовой меди, возможно служивший скребком для чистки ры-
ба, оковка из листовой меди, с двумя эвклепками из того же
материала, скреплявшая, по всей вероятности, треснувший край
деревянного сосуда ~~(на плане № 10)~~, костяная проколка ~~(на~~
~~плане № 10)~~, лопатка привески из олоя луженой бронзы (на плане
№ 11, ~~на плане № 11~~) и две голубые фарфоровые полевые бусины
(на плане № 10) из которых одна уложенная ручатая, а другая
бочечком, украшенные вдавленными косыми крестиками ~~(на~~
~~плане № 10)~~.

От юрта землянки, для уточнения ее границ, в квадратах
5-9 была заложена траншея, которая показала, что непосредствен-
но за землянкой, загибаясь линией квадрата 7, образованным от
южной стороны кровли, начинается углубление днухой землянки, с совер-

- 9 -

шенно тождественными наслоениями. У самой стены этой зем-
лянки, в квадрате 7, непосредственно под слоем дерева был
найден нож с узким загнутым концом и со следами заточки лез-
вия на правую сторону. ~~(на плане № 10)~~.

В кровельном слое землянки, особенно у ее краев (квад-
раты линии 6; 5BC и др.) находилось большое количество шлаков
и ошлакованных фрагментов сильно пережженной глины - вероят-
нее всего от осадков горнов. Большая часть их является ре-
зультатом плавки меди и бронзы, но некоторые возможно свя-
заны и с выработкой железа (анализы шлаков не производились).
Во всяком случае количество их свидетельствует об очень кельт
сильно развитой металлургии на селище Зеленая Горка, хотя
подробнее об ней пока говорить невозможно.

Время существования селища определяется довольно хоро-
мо как на основании бронзовых поделок - лопчатой привески
и "уточки" (пожалуй правильнее было бы назвать ее куропат-
кой, судя по характерному повороту головы), так и по бусинам,
концом I-го тысячелетия н.э. Следует при этом отметить, что
рожек лука совершенно точно соответствует форме и поперечному рас-
пространенной среди низовских остояков. То же можно сказать
и про конструкцию зеленогорского жилища. Землянки, теперь поч-
ти совершенно вышедшие из употребления, еще недавно были в
повсеместном распространении и описаны исследователями, по-
сещавшими окских угров в конце прошлого века. Согласно ука-
занию У. Сирелиуса один из наиболее близких к зеленогорскому
типов жилища имел так же четырехскатную крышу, состоявшую из
бревенчатого настила, покрытого сеном или мхом и засыпанного
сверху землей. Стороны краев в ее основании имели от 3-4,5 м,

- 10 -

а высота ее колебалась в пределах 1,5-2 м. В середине жилища выкапывалась яма, глубиной 30-60 см, а по краям земля оставалась не тронутой для устройства нар, высота которых таким образом соответствовала глубине центральной ямы. Очаг, типе ¹⁾ чувья, устраивался в одном из углов при входе. Последняя черта только и отличает жилище описанное У. Сирелиусом от зеленогорского, но она не является существенной, поскольку центральный очаг на возвышении, укрепленном срубом, весьма широко распространен среди обских угров, особенно для летних бревенчатых арт. На рис. приводим фотографию такого очага из селения летний Посал-Тит-паул на р. Сев. Сосва.

Позднее селище на Зеленой Горке представляет собой особый интерес, так как показывает что к концу первого тысячелетия н.э. уже сложились основные черты, свойственные этнографии обских угров в ее современных или весьма недавних формах. Следует однако заметить, что нож, найденный в квадрате В второго раскопа, с этой точки зрения является совершенно нетипичным. Богумльские и остяцкие ножи имеют совершенно прямую спинку и дырое же, несколько закругляющееся к концу лезвие. Заточка всегда на одну сторону и, при этом, довольно круглая. Такая форма врез характерна не только для настоящего времени но и для памятников конца первого - начала второго тысячелетия н.э. Лишь в материалах остяцкого могильника XVI-XIX в. с острова Мертвых на Оби ниже Сале-Харда находим ножи, приближающиеся по своему типу к вышеописанному из селища на Зеленой

¹⁾ U. Grélius, *Finnisch-Ugrische Forschungen*
т. VI.

- 11 -

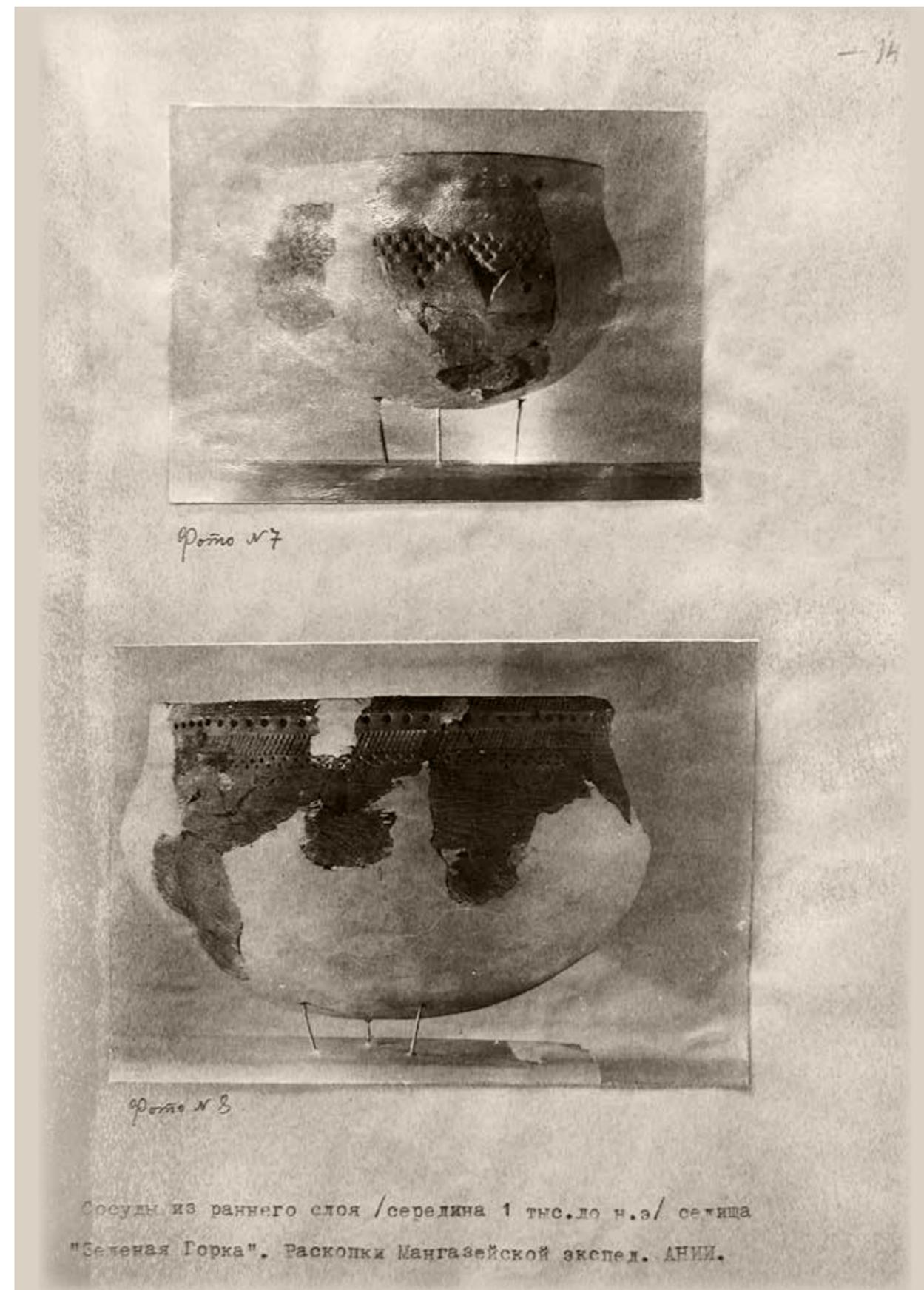
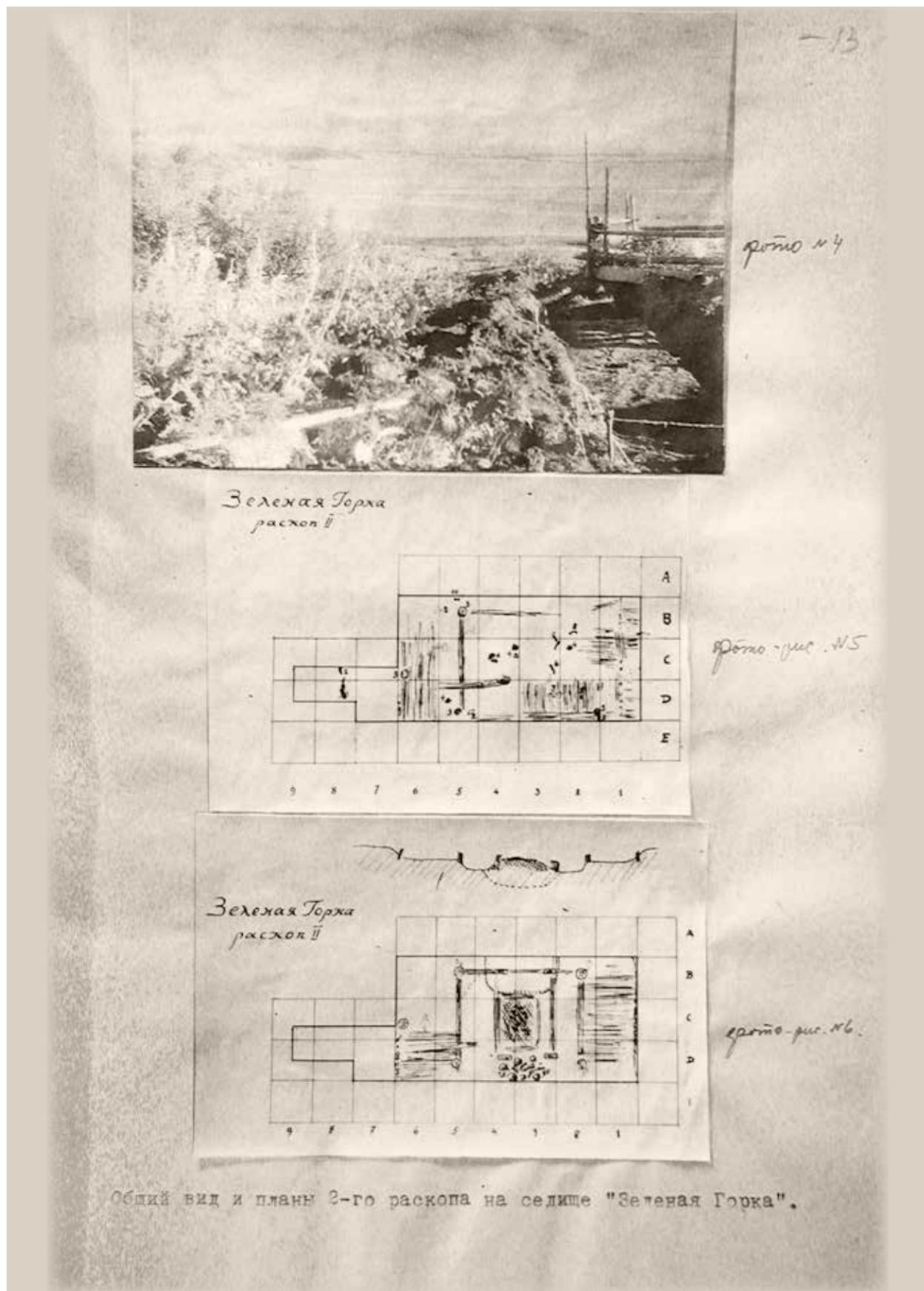
Горке, но все эти ножи привозного происхождения, поскольку можно судить по чеканным медным рукояткам. ¹⁾ По всей вероятности то же следует сказать и о зеленогорском ноже. Откуда он мог быть завезен сказать затруднительно, но этим местом мог быть только ИТ и скорее всего Средняя Азия, связи с которой мы можем проследить от глубокой древности и до XVII века, когда бухарские купцы еще продолжали посещать Обь и, в частности, Березов.

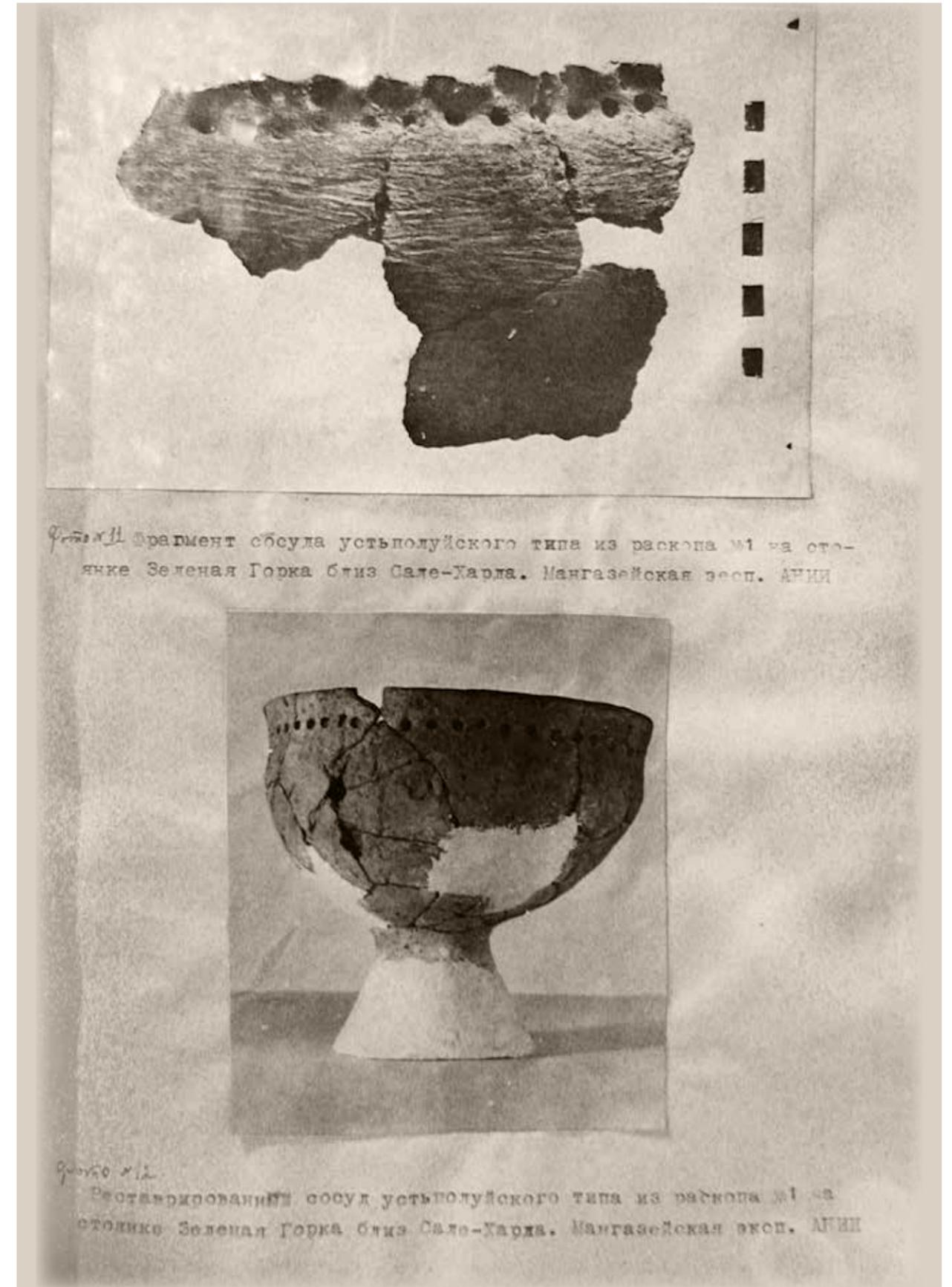
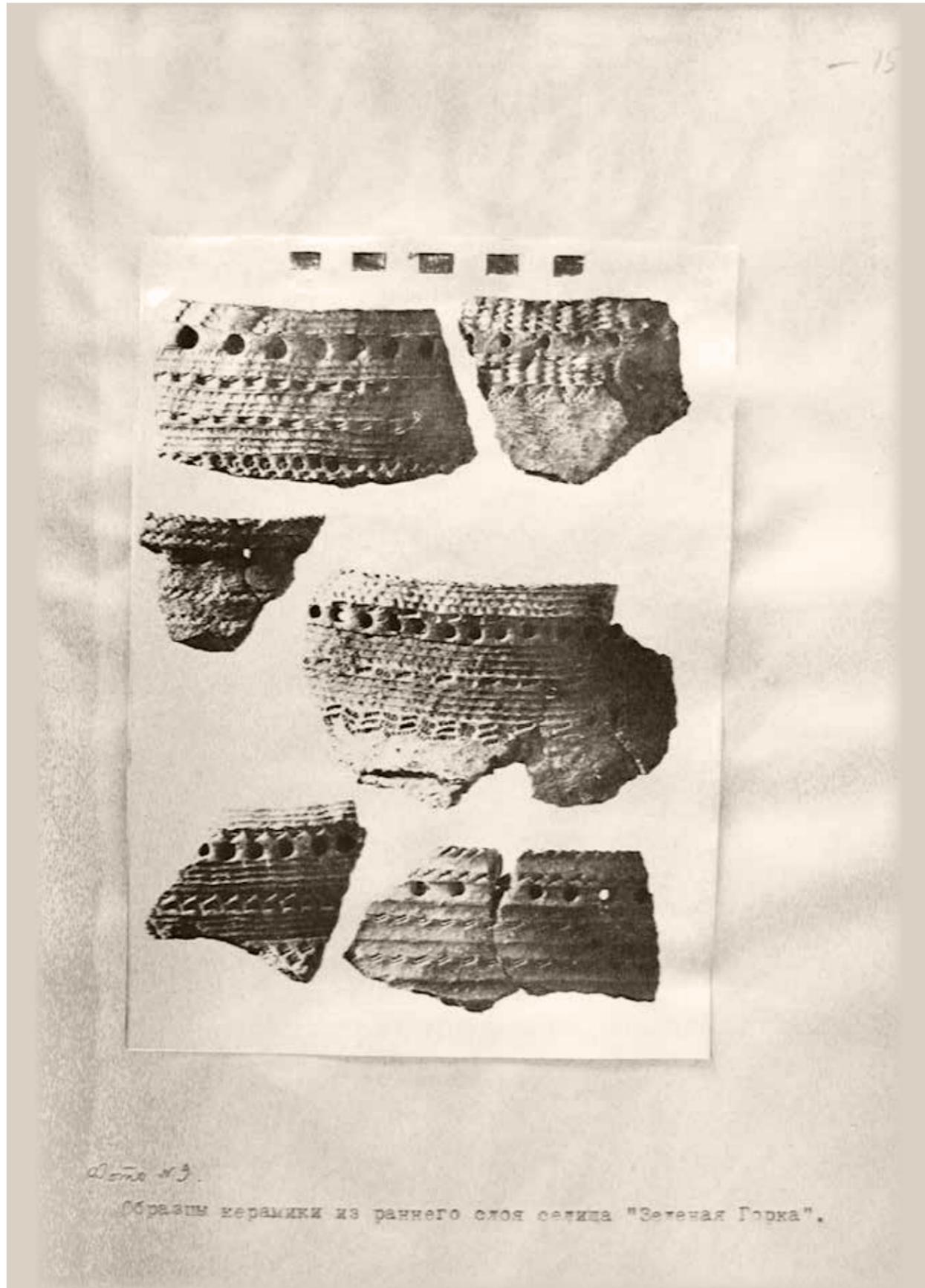
Работы на втором раскопе, давшие подробности конструкции жилища, позволили лучше понять и стратиграфию первого раскопа.

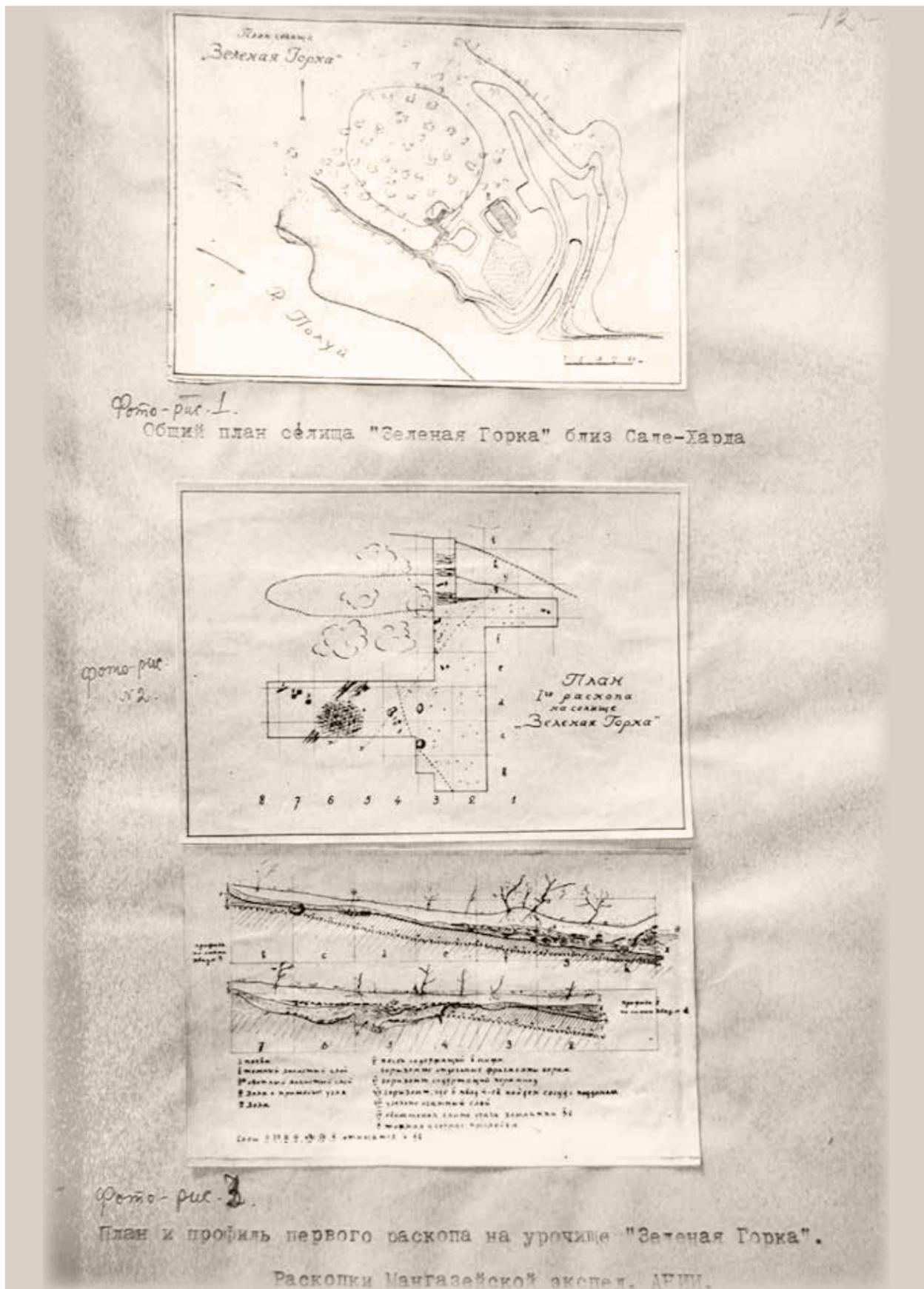
Линия X-Y (см. план первого раскопа) - справа от которой выходит неоттревоженный слой песка (на профиле Y), а слева в ведрах С-Е, углубление, выполненное остатками дерева, углем, золой и фрагментами прожаренной глиняной обмазки, - как можно теперь говорить уже с уверенностью, представляет собой границу ар и углубленного прохода около очага. При выкапывании этого прохода и был в свое время нарушен участок содержащий слой усть-польского времени, быть может являвшийся погребением. Благодаря извлечению нар, часть этого слоя сохранилась в квадрате 4С-D, где и был обнаружен описанный выше сосуд. Находке последнего в архиве горизонта стерильного слоя, залегающего над слоем, содержащим "воротничковую" керамику, дает также надежное указание для носительской датировки этих двух эпох, какими ни до сих пор еще располагали.

Материал из этого могильника, добытый Яновичем, хранится в Музее Антропологии ИГУ. Ножи, указанного типа никем еще подробно не изучались, почему и место их происхождения неизвестно.

В. Чернецов

УДК УДК 39; 392; 745/749
DOI 10.31630/2949-3609-2025-1-140-159

В. Н. Чернецов

БЫТ ХАНТОВ И МАНСИ ПО РИСУНКАМ XIX В.*

Описываемые ниже шторы, или вернее панно¹, были приобретены Музеем этнографии АН СССР в 1939 г. и зарегистрированы под коллекционным номером 5753 (порядковые №№ 1–6). При покупке никаких указаний на время и происхождение этих предметов получить не удалось. Единственным документирующим моментом являлась подпись Н. Шахова на некоторых из шторок. Фамилия Шаховых, как вам известно, – широко распространена среди салехардских зырян, переселившихся туда некогда из с. Ижмы. Таким образом, автор рисунков – местный житель, чем и объясняется его хорошее знание материала.

В № 3 Сборника «Советский Север», изданного Институтом народов Севера, помещена статья проф. А. Андреева, в которой он, ссылаясь на X том Известий Русского Археологического общества, сообщает, что в 1849 г. были присланы в Русское Географическое общество сибирские шторы, писанные по миткалю. В указанном месте «Известий Российского Археологического общества» находим среди протоколов за 1878 г. следующую запись:

«Л. Н. Майков показал сибирские шторы, писанные по миткалю Николаем Шаховым, присланные в Географическое Общество в 1849 году и писанные при Екатерине II; на этих шторах изображены различные занятия инородцев, острожки и обдорские князья в жалованных Екатериной II кафтанах»².

Поиски в Географическом обществе, хотя и не дали определенных указаний для выяснения происхождения и уточнения даты рисунков, все же укрепили нас в предположении, что шторы, приобретенные Музеем этно-

графии, и есть те самые, о которых докладывал в Русском Археологическом обществе Майков. В библиотеке Географического общества хранится картина размерами около 150 × 150 см, писанная масляными красками и изображающая «Ярмарку в г. Березове». Картина имеет подпись Николая Шахова и дату – 1855 г.

Исходя из этой даты следует заключить, что сведения, сообщенные Л. Майковым, – неточны. Шторки не могли быть писаны при Екатерине II – за что, впрочем, говорят и некоторые детали рисунка и шрифта – как, например, начертание буквы «е», не позволяющее отнести рисунки к XVIII в.

В то же время дата их не может быть позднее 1845–1848 гг., т. е. времени поступления их в Русское Географическое общество, если и здесь в сообщении Л. Майкова не было ошибки. Если же оно правильно, то тогда следует допустить, что в Русском Географическом обществе было два поступления рисунков Шахова – в 1849 г. и после 1855 г.

По видимому, описываемые шторы не попали в свое время в собрание Русского Географического общества и остались у кого-то на руках. Какова была их судьба в дальнейшем, нам пока неизвестно. Можно лишь сказать, что, к счастью, они не потерялись и нашлись, наконец, место хранения, которого они с полным правом заслуживают.

Рисунки Шахова, несмотря на отдельные неточности и излишние обобщения, представляют собой чрезвычайно ценный материал. Они являются единственными или почти единственными иллюстрациями к таким темам, как собачья упряжка цугом, охота на крупного зверя с луком и т. д. Эти соображения и заставили нас опубликовать их описание. В нем мы располагаем шторы по географическому признаку, следуя с севера от устьев р. Оби на юг. Можно только еще раз пожалеть, что до нас не дошло описание, которое, судя по этим пометкам, сделал автор рисунков Николай Шахов.

Художественная оценка творчества Н. Шахова дана б. сотрудником Отдела прикладного искусства Государственного Русского Музея, заведывавшей в 1941 г. Отделом фондов МАЭ, ныне покойной, Кириой Александровной Большевой.

Шторка I (рис. 1). Размеры: 1315 × 780 мм. Материалом для нее послужил миткаль, ширина которого не превышала, очевидно, 62 см, так как для получения желаемого размера шторы по всей длине была подшита полоса материи шириной 17 см (не считая подрубленной части). Края шторы подрублены. Шов сделан черными, побуревшими от времени нитками. Рубец зало-

жен уже после того, как рисунок был выполнен. Шов, соединяющий обе полосы материи, сделан через край, так что с лицевой стороны он еле заметен, а с оборотной представляет собой тонкий, шнуroidный валик и, таким образом, в точности соответствует зырянской манере сшивать оленьи шкуры для одежды.

Шторка обведена каймой, шириной 60–65 мм, состоящей из двух черных полосок, шириной до 10 мм каждая, пространство между которыми (около 45 мм) заполнено волнистой гирляндой из стилизованных листьев. По углам и в средней части верхней и нижней сторон каймы изображены цветы. Букеты даны также и в серединах обеих вертикальных каем.

В средней части каймы верхней и нижней сторон вертикальными перегородочками образованы рамки. В рамках надписи, выполненные славянскими буквами. В верхней – **обдорской князь**, в нижней – **само-едския старшины**: и далее, курсивом: – *рисовал Николай Шахов*.

В самой верхней части шторы изображен Урал, в виде ряда вершин, покрытых у подножия древесной растительностью. Хребет показан значительно выше, чем он виден с р. Оби у Сале-Харда, хотя художник и отнес его на задний план, показав горы в голубой дымке.

Ближе к переднему плану начинается равнина. С обеих сторон изображены деревья, со свойственной художнику условностью в рисунке. Помимо декоративного значения, деревья имеют, очевидно, целью усилить впечатление разности планов хребта и равнины.

В глубине равнины, посередине, стоит легковая мужская нарта на шести высоких копыльях, покрытая белой оленьей шкурой. Трудно сказать, какое значение желал придать художник этой нарте. Скорее всего он изобразил нарту самого князя. Несколько ближе по обе стороны изображены еще две нарты, тоже шестикопыльные, но грузового типа. На нартах – поклажа, обвязанная веревками.

Эти нарты стоят около амбарчиков на столбах, так называемых «чамьях» (единственное число: чамья). Обе чамьи изображены схематично, как и большинство строений в рисунках Шахова. К правой чамье прислонено бревно с зарубками, служащее лестницей.

Центральное место на шторке занимает рисунок дома – жилища князька. Как ни скупо показано художником внутреннее устройство, все же из того, что вдоль стены тянутся нары, разделенные перегородками (изображена лишь одна), видно, что жилищем князьку служила юрта, обычного для хантов и манси типа.

Близ переднего угла стоит князек, в красной, шитой золотом одежде. На голове у него шапка с красным верхом и золотым околышем. Обувь изображена слишком схематично, чтобы можно было ее определить, однако наличие каблук указывает на ее европейский характер. Но в общих чертах одежда князька передана художником правильно, поскольку можно

судить по фотографиям И. С. Полякова, относящимся к 1880 г., и хранящемуся в Отделе Сибири МАЭ акварельному рисунку из старых коллекций неизвестного происхождения (колл. № 1143-1), изображающему князька Ивана Матвеевича Тайшина (конец XVIII в.). Хорошо виден костюм и головной убор князька на фотографии И. С. Полякова (1880 г.), изображающей остяцкого князька Артанзиева³.

Справа от князька стоят, насколько можно судить по надписи в нижней части шторы, «самоятские» старшины. Одежда их также красная, с золотыми галунами, но более простого покроя, чем у князька. Шапки старшин также немного отличны: на рисунке они изображены в виде «венцов», но в действительности скорее всего имели узкий околыш из галуна и четырехугольный верх (напоминая тем самым польскую конфедератку). Именно такой головной убор приведен на рисунке, изображающем «остяцкого князя Тайшина» в книге Белявского «Поездка к Ледовитому морю». Оба старшины держат кортики, которые, как известно, жаловались князькам и некоторым старшинам и являлись одним из атрибутов их власти.

Правее изображена женщина с ребенком. Она стоит на нарах, какие обычно тянутся вдоль двух стен и бывают разделены перегородками на несколько отделений. Каждое отделение, в зависимости от места, имеет определенное название. Так, ближайшее к двери отделение, в котором и изображена женщина, называется «придверным». Женщина одета в костюм обычного покроя – так называемую ягушку, т. е. халат, украшенный по подолу полосой орнамента. Обычно летние ягушки шьются из сукна, в прежние времена шились также из замши. Чаще всего летом носят вытершиеся от употребления зимние ягушки. В данном случае, судя по цвету, ягушка сшита из шкур белого неплюя (молодого оленя), что указывает на значительную роскошь.

На голове у женщины накинута красная платок, подобно тому, как носят и теперь женщины у манси и ханты. Можно предположить, что эта женщина изображает жену князька. Ребенок, судя по одежде, – мальчик, одет в белую парку, также украшенную по подолу полосой орнамента.

У самой двери изображены еще две фигуры – пожилого мужчины и юноши. Судя по их позам, это просители, явившиеся к князьку.

В нижней части шторы изображена Обь, на которой расположены «Князь юрты»⁴.

На берегу лежит лодка, по берегу идет человек с веслом в руке. На человеке надета малица – одежда из оленьих шкур мехом внутрь, надеваемая через голову, с пришитым к вороту капюшоном. Малица покрыта красной материей. В левой руке у человека

³ Хранится в МАЭ Акад. Наук, колл. 106а-20.

⁴ См.: О. Финш и А. Брэм. Путешествие в Зап. Сибирь. М., 1882. С. 339, 352.

* Переиздание: Чернецов В. Н. Быт хантов и манси по рисункам XIX в. / В. Н. Чернецов // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Т. X. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – С. 7–33.

Фото шторок сделаны О. В. Кардашем в мае 2005 года в рамках подготовки диссертации «Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI – первой трети XVIII в. (по материалам раскопок Надымского городка)». Шторки хранятся в коллекции МАЭ.

Фото обработаны в программе Adobe Photoshop и Toraz GigaPixel AI. Режим доступа фотографий на сайте: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/133627?person=3716613&index=4>

¹ Соглашаясь с нашим соавтором К. А. Большевой в определении рисунков Н. Шахова как панно, мы сохраняем в описании термин «шторы», поскольку под этим названием они зарегистрированы в МАЭ и впервые были упомянуты в печати.

² Известия Русского Археологического общества. Т. X, вып. 2. Протоколы. 227 с.

Рис. 1. Шторка I (из коллекции МАЭ, № 5753-1)

палка с крючком на конце, по всей вероятности, багорок для подхватывания попавшей в сеть рыбы.

Над лодкой растянута для просушки так называемая «калданная сеть». Калдан – рыболовный снаряд вроде драги. Он представляет собой большой мешок из сети, устье которого одной стороной пришито к шесту около двух метров длины. Этот шест помогает держать отверстие калдана широко открытым. К середине шеста привязан камень, служащий грузилом. Ловец плавает на лодке и тянет за собою калдан, опущенный на веревке до дна реки. Из глубины мешка калдана идут сигнальные нити, по содроганию которых ловец узнает о зашедшей в снаряд рыбе. Тогда он быстро поднимает калдан на поверхность и выбирает попавшую в него рыбу. Если попадет крупный осетр, который может опрокинуть маленькую лодочку, его подхватывают специальным багорком и оглушают ударом деревянного молотка. Такой багорок, очевидно, и держит в руке человек, идущий по берегу. Здесь показаны различные моменты лова калданом: ловец плавает на лодке, гребя правой рукой и держа веревку и сигнальную нить левой: момент вытаскивания калдана на поверхность.

Лодки представляют собой маленькие челноки, днище которых выдалбливается из кедра. К днищу сосновыми корнями пришиваются борта из колотых еловых досок. Борта разводятся и укрепляются в таком положении поперечными распорками (на рисунках, вследствие ракурса, они видны в виде светлых квадратов), а швы заливаются смолой. Эти челноки бывают различной величины. Самые маленькие, рассчитанные на одного человека с небольшим грузом, называются «калданками», так как служат для описанного только что лова с калданной сетью. Калданка настолько легка, что один человек без труда может нести на себе⁵.

Для переездов, перевоза груза и т. д. употребляют лодки такой же конструкции, но большего размера. Там же изображена подобная лодка. У нее показаны типичные выемки на носу и корме, характерные для обских лодок. В лодке сидят три хантыйки остячки в ярких халатах с платками на головах.

Другой рисунок изображает неводьбу. Два человека вытаскивают невод, внутри которого видна рыба. Слева от них у берега стоит челнок, на котором невод завозился в реку. Судя по челноку, невод очень маленький, так как при неводе даже средней величины приходится связывать два челнока для большей грузоподъемности и устойчивости.

Правее на берегу видны вешала для сушки невода и шалаш, в котором живут рыбаки.

Слева изображен лов рыбы «сежей» (рис. 2) на небольшой протоке. «Сежа», «вожан» или «чердак», как и калдан, состоит из сетного мешка. Этот мешок устанавливается в воротцах закола, устроенного поперек реки

или протоки. Нижний край отверстия сети пришивается к Т-образной перекладине длинного шеста. На концах этой перекладины имеются широкие кольца, скользящие по кольям, образующим воротца. С помощью шеста нижний край отверстия мешка опускается до дна реки, и шест закрепляется в этом положении специальной петлей. Над воротцами устраивается небольшой помост, на котором сидит ловец. Он держит в руках сигнальные нити, идущие из глубины мешка, и по содроганию этих нитей узнает о рыбе, зашедшей в сеть. Сбрасывая петлю, он освобождает тогда шест с перекладиной, который, всплывая, закрывает отверстие сети. Последнюю затем поднимают на поверхность, чтобы выбрать из нее рыбу⁶.

Шторка II (рис. 3). Размеры: 1305 × 800 мм. По материалу и оформлению подобна первой, отличаясь лишь формой цветов и листьев бордюра. В нижней части рисунка надпись «Губа Морская» – рисовал Николай Шахов.

Рисунки этой шторки изображают жизнь и летние промыслы ненцев и хантов в устье Оби и Обской губе, наиболее северной части территории, представленной на шторках Шахова.

Декоративный задний план представляет собой равнину с невысокими всхолмлениями, поросшую невысокими, редкими деревьями. По краям задний план завершается двумя холмами: левый – в виде сопочки с деревом на ее вершине, правый – в виде высокого мыса, на вершине которого стоит остов чума, вешала для сушки рыбы и сетей и летнее жилище.

На всем остальном поле шторки нарисована Обская губа и ее салмы с берегами, изрезанными многочисленными протоками и заливами.

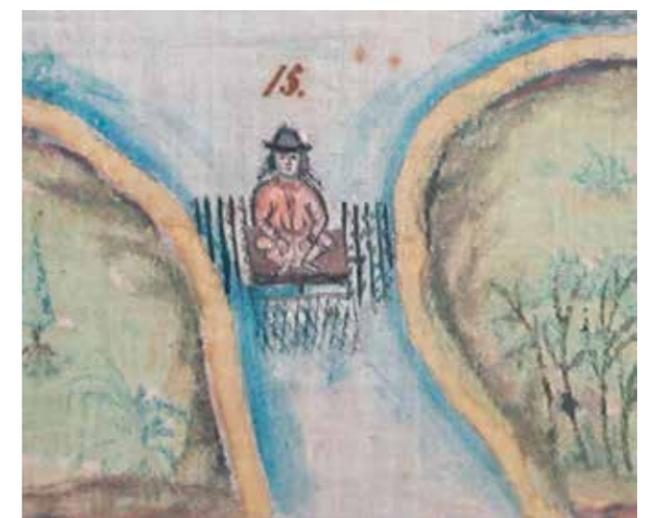

Рис. 2. Ловля рыбы «вожаном» («сежей»). Деталь шторки I

⁵ См.: Г. Д. Дмитриев-Садовников. Ваховской област. Ежегодник Тобольского губернского музея за 1911 г., вып. XXI. Тобольск, 1913 г.

⁶ См. Сабанеев. Рыбы России. М., 1875 г. – U. Sirelius. Über die Sperrfischerei bei den Finnisch-Ugrischen Fölkern. Helsingfors, 1906.

В верхнем левом углу изображен мыс, на котором расположено рыболовное стойбище. Чум крыт, по видимому, оленьими шкурами. Дверная полость откинута в сторону, так что виден горящий внутри чума огонь и висящий над ним котел. Из дымового отверстия идет густой дым.

На лабазе, как можно предположить, находятся идолы и другие предметы культа. За это говорит то, что лабаз стоит позади чума, в месте, считающемся священным, и то, что он покрыт красным материалом – скорее всего сукном. Культурный характер лабаза следует также из аналогии с лабазом (внизу направо), значение которого несомненно.

Временное летнее жилище, изображенное здесь, широко распространено среди хантов и манси. Остов такого жилища делается из жердей. Крыша двускатная или округлая, из согнутых ветвей. По остову шалаш покрывается берестой или пихтовой корой, которая сверху прижимается еще рядом жердей.

Лодка вытащена на берег и перевернута вверх дном. К лодке прислонено типичное для хантов и манси весло с листовидной лопастью. Рядом с лодкой стоят вешала, на которых развешан для просушки невод. Мотня его подперта шестом. Ближе по берегу тоже вешала, но для сушки рыбы. На длинных спицах нанизана распластанная рыба, очищенная от голов и костей.

На берегу стоит мужчина с веслом в руке, подающий связку рыбы женщине. Женщина сидит на корточках и пластает на доске рыбу. Рядом с доской стоит миска или, скорее, чуман (четырёхугольная миска из бересты), в которую обычно складывают чищеную рыбу и кишки, предназначенные на вытопку жира. Женщина одета в расшитую цветным сукном ягушку ненецкого типа. Ее капор лежит тут же. Надо думать, что художник расцвел ягушку излишне щедро, так как летом, да еще на рыбном промысле, надевают старую вытертую одежду, потерявшую уже значительную долю своей яркости. По спине у женщины спускаются косы, обвитые красными шнурками и украшенные медными привесками. Картина стойбища дополняется собакой, ожидающей когда ей что-либо перепадёт, и лодками, вытасканными на берег. Вверху посередине изображен мужчина, переплывающий протоку на маленькой лодочке. Он гребёт двухлопастным веслом, которое нередко можно встретить в низовьях Оби. На мысу, к которому подплывает лодка, расположено соседнее стойбище, состоящее из чума и жилища из коры. В отличие от предыдущего изображения стойбища невода здесь не видно, и шест, которым подпирают мотню, прислонен к вешалам, очевидно, обитатели находятся на рыбном промысле, и их, по всей вероятности, художник изобразил плывущими на лодке, в которой видна сложная сеть. Оба гребца в цветных «гусях» – одежде покроя малицы, но из сукна, причем у сидящего позади капюшон откинут с головы.

Ниже (рис. 4) изображены три последовательных момента неводьбы на салмах – отмелях простран-

ствах. При далеко тянущихся отмелях и маленьких неводах, последние приходилось заметывать не с берега, а вдаль от него, и пританивать к сетке, натянутой между двух кольев. На рис. 4 показано заметывание невода. Крыло его привязано к одному из кольев сетки. Два рыбака на лодке заводят невод, а третий рыбак, стоя в воде с веслом в руке, пугает рыбу, не давая ей выйти из круга. Далее видим, что невод уже выметан. Два рыбака, стоя в воде, подтанивают его к сетке, а третий, поставив лодку на причал, подбирает в нее веревку невода. На нижнем рисунке кольцо невода сомкнуто. Лодка подошла вплотную, и в нее складывают рыбу, выбираемую из невода.

Два рисунка изображают большие лодки, так называемые «каюки». Каюк – лодка, подъемностью до 10 тонн, с высоким носом, позволяющим каюку подниматься на волну, и длинной каютой, занимающей среднюю часть судна. Каюк оснащен одной мачтой, на которой поднят прямой парус. Каюки, изображенные здесь, кроме грота несут еще небольшой марс – явление довольно редкое (рис. 5).

Два других рисунка изображают такие же каюки, но идущие не под парусами, а на веслах. На каждом сидит по две пары гребцов, а на каюке, входящем в устье протоки, стоит еще человек с шестом, которым он помогает гребцам. На мелких местах каюки обычно ведут на шестах, для чего вдоль каждого борта устраивается узкий настил с перильцами. Люди, становясь в носовой части этих настилов, упираются шестами в дно реки, толкают каюк вперед, идя в то же время по направлению к корме. Дойдя до конца настила, поднимают шесты и, вернувшись к носовой части, снова опускают их в воду.

За кормой у каждого из каюков привязана небольшая лодка, необходимая для сообщения с берегом, к которому каюк, при его значительной осадке, в отмелях местах подойти не может.

Тут же изображены два ханты, плывущих в лодке. Они везут, по видимому, идола, как можно предположить по одетому на него головному убору – остроконечной шапке с кистью на ее верхушке. Идолы, в тех случаях, когда они хранились в самом селении, с переездом рода на летнее стойбище брали с собой. Несколько непонятно в этом рисунке наличие в лодке еще какого-то животного, определить которого по рисунку трудно. Скорее всего можно допустить, что это олений теленок, предназначенный для жертвы. Белый цвет животного подтверждает такое предположение.

В левом углу шторы изображено стойбище, расположенное на низком дуговом берегу. Картина стойбища существенно ничем не отличается от описанного выше, за исключением лишь большого количества фигур. Дополнением является священный лабаз, к которому добавлена фигура идола. Идол антропоморфный, одет в красную одежду с бахромой. На голове у него коническая шапка с султаном из красных и зеленых лент. Идол изображен держащим в левой руке саблю. Трудно допустить, чтобы Шахову не доводилось видеть хантыйских

Рис. 3. Шторка II (из коллекции МАЭ, № 5753-2)

Рис. 4. Сцены неводьбы в Обских салмах. Детали шторки II

идолов и что хотя бы понаслышке он не знал об отсутствии у них рук. Следует предположить, что такое наивное изображение идолов (рис. 6), в виде реалистической человеческой фигуры, вытекает из художественной манеры Шахова, находящейся целиком под влиянием рисунка XVIII и даже XVI вв. На животе идола изображен круглый предмет, закрасненный желтым. Скорее всего это металлическое блюдо или тарелка, игравшие известную роль в культе хантов и манси, о чем упоминали некоторые путешественники.

Так, согласно Ф. Белявскому, цитирующему сообщение штаб-лекаря Г. Шаврова, один из родовых идолов, которого Шавров именует Лонг, представляет собой «большой мешок, набитый туго разного рода рухлядью и весьма крепко завязанный: по середине мешка сего привязана серебряная тарелка, дном к мешку, а углублением к наружной стороне»⁷.

Роль металлических блюд и тарелок в культе хантов и манси разобрана нами детальнее в другой работе⁸, почему останавливаться здесь подробнее на этом вопросе не представляется необходимым.

К северу от стойбища низкий луговой берег переходит в высокий обрывистый мыс, на котором расположено кладбище, состоящее из трех могил. Несмотря на схематичность и слабость рисунка, художник правильно показал срубы, типичные для распространенного среди хантов наземного погребения. Рядом с могилами на кольях надеты олени черепа, остатки жертвоприношений. Изображенное кладбище, в целом, очень близко напоминает рисунок могил у северных хантов, приведенный в работе Карьялайнен⁹.

В правом углу изображено еще одно стойбище, также состоящее из чума, жилища из коры и т. д. Одна женщина нарисована за приготовлением пищи у наружного костра, на котором висит котел, другая стоит у лодки, из которой она вынула связку рыбы. Рядом изображен старик, с клюкой. В правой руке он держит рыбу, за спиной у него привязана котомка. По всей вероятности, Шахов

изобразил одного из бессемейных стариков-инвалидов, которые находились на содержании у всего рода. Они иногда жили в каком-нибудь одном месте, иногда же переходили из дома в дом, живя по очереди в каждом из них. Нам приходилось наблюдать, что некоторые старики, даже имеющие близких родственников (например сыновей), предпочитали жить отдельно. Описывая такого старика, К. Носилов говорит: «Вечером я был в юрте у одинокого старика... Он едва ходил, плохо видел глазами, совсем не работал, но это никому не мешало приносить ему с «запора» рыбы для котла, из леса, с лувушек, погнившую тетерю, делиться с ним куском промысла, одевать его, починивать его заплаты, и все это делалось только потому, что и он кормил стариков в свое время, и он делился с ними, и он помогал общественным работам, и он выносил во время болезни других, когда был силен и вскармливал подростков-сирот, и ему поэтому нечего бояться ни голода, ни нищеты, ни одинокой горькой жизни. О нем заботятся все»¹⁰.

Позади чума стоит священный лабаз с идолом, подобный описанному в предыдущем стойбище. Идол изображен держащим в руках саблю и стрелу. Лук и колчан прислонены к лабазу. Лук, стрелы, сабля, а иногда и копье, являются обычными атрибутами мансийских и хантыйских антропоморфных идолов, относящихся, как правило, к эпохе отцовского рода и изображающих мифических предков-богатырей. Об этом упоминает и Гр. Новицкий: «... знамения воинских дел: шабель, панцирей множество обретается... наипаче при кумирах»¹¹.

Далее за стойбищем берег, так же как и по левую сторону Оби, поднимается высоким мысом, на котором расположен маленький поселок, скорее всего весенний, состоящий из одной юрты, рядом с которой стоит чамья – амбарчик на высоком столбе. Немного ближе виден остов чума.

На реке между стойбищами оживленное движение. На маленькой лодочке едет ханты с мальчиком и собакой, плывет каюк, двое мужчин с луками и собакой выехали в лодке на утиную охоту (рис. 7). Поперек устья небольшой протоки укреплен на веревке сеть. В эту сеть охотники и загнали уток. Утки запутались в сети,

некоторых же, которые могут из нее вырваться, охотники убивают стрелами. Из протоки к сети подплывает другая лодка (рис. 7), в которой сидит один человек, тоже с луком. Его собака уже возвращается к лодке, держа в зубах убитую утку.

Шторка III (рис. 8). Размеры: 1305 × 740 мм. По материалу и обрамлению подобна предыдущим, отличаясь лишь формой цветов и листьев бордюра.

В верхней части рисунка надпись «Обдорская Крепость». Внизу в рамке бордюра «Писал Николай. Ша» (Шахов).

Рисунки шторки изображают Сале-Хард и прилегающую к нему местность. В верхней части виден самый городок, расположенный на трех холмах на берегу реки Полуя. Задний план в левом верхнем углу украшен деревьями, в число которых художник, пренебрегая натурой, ввел даже пальмы. В правом верхнем углу нарисована картушка компаса. Части света обозначены латинскими буквами N, S, W, O; а север, кроме того, помечен и обычным для морских карт знаком, изображающим стилизованную в виде бурбонской лилии стрелку.

На долине, раскинувшейся по левую сторону реки Полуя, художник изобразил быт кочевников-оленоводов и езду на оленях и собаках. При этом он, как мы уже только что наблюдали, очевидно в угоду декоративности, пренебрег условиями времени года и изобразил повсюду довольно пышную зеленую растительность, какую никак нельзя ожидать в низовьях Оби в это время года. Время это не может быть ранее поздней осени, так как оленоводы подходят к Сале-Харду лишь после замерзания рек, т. е. в октябре.

В центре шторки изображен в крупном масштабе чум, крышки которого откинута неестественно широко, чтобы показать внутренность жилища. Чум нарисован схематично, особенно дымовое отверстие и место пересечения шестов. Так же неправильно изображены шесты, поддерживающие котел, которые художник, в целях удобства изображения, расположил в плоскости, не соответствующей действительности¹². Внутри чума горит огонь, над которым повешен котел. Справа от него сидит женщина с ножом в руке, занятая приготовлением пищи. По другую сторону очага – мужчина. Он закуривает трубку, которую придерживает правой рукой. В левой у него щепка, послужившая для прикуривания.

Позади чума, левее от него, изображена поимка оленя арканом в стаде. Петля затянута на шее животного, которое бьется и упирается. Часть оленей при этом разбегаются, но их задерживает собака, забежавшая вперед. Она стоит около дерева и лает на важенку (матку), позади которой бежит теленок. Другие олени продолжают спокойно пастись.

Рядом с чумом нарисована женщина, увязывающая груз, положенный на нарту. Как эта, так и другая нарты изображены лишь с приблизительной точно-

Рис. 5. Каюк. Детали шторки II

Рис. 6. Идолы. Детали шторки II

стью, и копылья, наклоненные всегда несколько назад, показаны здесь поставленными вертикально. На женщине надета ягушка ненецкого типа, богато орнаментированная и украшенная цветным сукном. На голове у нее меховой капор, по-ненецки *savo*. По спине свешиваются две косы, обвитые красным шнурком, как это характерно для хантов и манси. Ягушка подтянута красным поясом с большой латунной прорезной бляхой. У мужчины парка из белых шкур, орнаментированная по подолу. В руках он держит аркан для поимки оленей.

⁷ Ф. Белявский. Поездка к ледовитому морю. М., 1833. С. 97.

⁸ В. Н. Чернецов. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. Труды Института этнографии. Т. I. М., 1947.

⁹ Karjalainen. Die Religion d. Jugra – Fölker, I. Helsinki, 1921. С. 113.

¹⁰ К. Носилов. У вогулов. СПб., 1904. С. 26.

¹¹ Гр. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком, сочинение... в 1715 г. Изд. Майкова. СПб., 1884. С. 44.

¹² В. Н. Чернецов. Чум. Советская этнография. № 6. 1936.

Рис. 7. Сцена охоты на уток с сетью и луком. Деталь шторки II

Перед чумом изображена женщина, едущая на нарте, запряженной двумя оленями. Уздечки оленей украшены кистями из крашеной замши. Богато орнаментированы и поясные ремни упряжи. Такое украшение из нашитого на них цветного сукна можно встретить нередко на женской и особенно свадебной упряжи. Круг на ремне передового оленя изображает медную бляху, укрепленную на крюке, служащем для поддержания вожжи. Женщина, сидящая на нарте, одета так же как и предыдущая. Хорошо видна поясная бляха, хотя художник и поместил ее ошибочно слишком высоко. В нарте у женщины лежит ребенок, покрытый красным сукном.

Ниже расположено изображение мужчины на оленьем нарте¹³. Поза его несколько непонятна. Возможно, что художник хотел изобразить мужчину сидящим, подобравшим под себя ноги, что является, впрочем, положением не совсем обычным. На мужчине надета малица, с характерным для манси и хантов окаймлением капюшона белым мехом. Харей, который он держит в левой руке, снабжен на заднем конце копьевидной насадкой. Такие насадки часто встречаются и в настоящее время. Теперь роль их чисто декоративная, но в прошлом харей служил одновременно и оружием. В нарте лежит груз, покрытый оленьей шкурой, конец которой свешивается сзади. При этом свешивающаяся часть изображена слишком длинной. Позади нарты бежит олений теленок, из чего следует, что один из оленей, запряженных в нарту, – важенка. У более крупных оленеводов, какими являются ненцы, важенка не служит упряжным животным, и ездят на них лишь в малооленных хозяйствах, какими, в общей массе, и являются хантыйские и мансийские.

В самом основании шторки (рис. 9) изображен ханты, едущий на нарте, запряженной собаками¹⁴. На нем надета парка, сшитая из темного и белого меха. Подол

парки опушен полоской собачьего меха. Нарта резко отличается по конструкции от предыдущих. Оленья нарта, как и все оленеводство хантов и манси, ненецкого типа. Здесь же изображена собачья нарта. Она длиннее, ниже и уже. Копылья не только вдолблены в пол, но и привязаны к нему специальными оттяжками. Передние концы нащепов также лишь привязываются к головкам полозьев. Такой способ крепления представляет собой пережиток, отражающий весьма архаическую технику, когда при несовершенных каменных и бронзовых инструментах было затруднительным изготовление гнезд и шипов. Способ крепления привязкой встречается в конструкции нарт и других народов Сибири, причем полнее всего он представлен в чукотской нарте, где шипы отсутствуют совершенно. Передний конец нарты снабжен особой деревянной дугой, называемой бараном. Благодаря своей упругости баран ослабляет толчки, если нарта ударяется о дерево или пень. На нарте лежит груз, покрытый красной материей, а на передке стоит круглая корзиночка, какие обычно плетутся из сосновых корней. В нарту запряжено шесть собак, расположенных попарно на общем потяге. Упряжь состоит из мягкого кольца, так называемого «алька», которое опирается на подвздошные кости. Этот способ запряжки распространен по Оби и, отчасти, по Енисею среди кетов. Он чрезвычайно несовершенен и его можно рассматривать как очень архаический.

Как на описываемой, так и на предыдущей шторке женские костюмы все без исключения ненецкого типа. Это явление весьма характерное для хантов низовьев Оби, объясняется очевидно тем, что они очень часто берут жен из ненецкой среды. Оно четко прослеживается и по материалу из хантыйского могильника XVIII–XIX вв. близ Сале-Харда, где женские погребения содержат предметы, характерные для ненецкого костюма, – поясные бляхи, подвески для капоров и пр.

Шторка IV (рис. 10). Размеры: 1300 × 805 мм. Материал, швы и обрамление тождественны предыдущим номерам.

¹³ Фигура эта помечена 8 на самой шторке, впоследствии этот номер был переправлен карандашом на 9.

¹⁴ Фигура первоначально была помечена 9, на самой шторке впоследствии переправлена на 10.

Рис. 8. Шторка III (из коллекции МАЭ, № 5753-3)

Рис. 9. Езда на собаках. Деталь шторки III

Изображение этой шторки охватывает территорию, расположенную несколько южнее, именно, верхнее течение реки Казыма. В верхней части шторки имеется надпись «Казымской Городок». Изображение его находится непосредственно под надписью. «Казымский или Юильский городок» – острожек, некогда стоявший на берегу Казыма; он состоял из небольшой крепостцы, срубленной из лиственничных бревен. Остатки этой крепостцы сохранялись еще до недавнего времени и были, к счастью, сфотографированы И. Шуховым, во время его поездки по Казыму в 1910 г. Теперь, насколько нам известно, постройка обрушилась окончательно. Четырехугольное строение на фотографиях Шухова, при сличении с рисунком Н. Шахова, оказывается надворотной башней. Это же сличение показывает большую точность рисунка Шахова в изображении башни, что дает полное основание доверять ему и в отношении других частей крепостцы.

После подавления военного сопротивления хантов Юильский городок продолжал существовать как опорный пункт русской колонизации. В нем производился сбор ясака, чинились суд и расправа. Красноречивым свидетелем этого служит виселица, срубленная «покоем», стоящая с петлей наготове, по соседству с крепостцей. Правее видны низенькие маленькие строения, расположенные в четыре ряда. Это не юрты хантов, как можно было бы предположить с первого взгляда. Несмотря на схематичность построек на рисунках Шахова, он все же отмечает характерные черты различных типов строений и, во всяком случае, изображает трубу. По всей вероятности, хибаки эти представляют собой домики для ездовых собак. Остатки таких домиков, как мне приходилось слышать, существовали в Юильском городке еще недавно, сохранившись с тех времен, когда они были необходимы во время приезда хантов для уплаты ясака.

Собаки были некогда единственным видом упряжных животных среди обских угров, и оленеводство, появившееся около середины II тысячелетия, будучи замещенным от ненцев, еще долго не могло вытеснить езды на собаках, не исчезнувшей окончательно и теперь.

В правой стороне сверху изображен ханты, стреляющий белку из лука. Форма лука дана Шаховым неверно. Лук у хантов и манси не имеет изгиба в средней части

и в натянутом состоянии образует совершенно равномерную дугу. Стрела изображена правильно, тупая, с утолщением на конце. Такие стрелы иногда с дополнительным коротким, коническим острием из кости употреблялись для охоты на белок. Удобство пользования такими стрелами заключалось в том, что, с одной стороны, они не рвали шкуру, а с другой – не вонзались в дерево. Совершенно подобная же фигура охотника, стреляющего белку, повторена немного ниже. Слева от казымского городка, на высоком мысочке изображен оловящий чума, чамья на высоком столбе и загон для оленей, в котором стоит сарай. Подобные сараи служат в летнее время для оленей убежищем от комаров, для чего внутри раскладывается дымный костер (см. шторку V).

На левом берегу Казыма и слева на рисунке изображена ловчая изгородь, с попавшим в нее оленем (рис. 12).

Загородь изображена художником неточно, так как обычно устраивается или в виде прясли в одну две слеги или засекой. Длинна ее бывает различна, достигая иногда 10–15 и более километров, а направление выбирается так, чтобы оно пересекало звериные тропы и переходы. В определенных местах устраиваются воротца, в которых устанавливают самострелы. От спускового приспособления самострела поперек прохода протягивается тонкая нитка. Лось или олень, встретив загородь, направляется вдоль нее, пока не дойдет до прохода. Как только он тронет нить, стрела поражает его с большой силой. Охота на зверя при помощи ловчих загородей, теперь запрещенная, была в прошлом широко распространена и потому неудивительно, что нашла свое отражение в рисунках Шахова.

Правее изображен ханты, едущий на нарте, запряженной оленями. Возможно, что это охотник, отправившийся осмотреть свои самострелы.

Следующая группа рисунков изображает зимнее селение хантов: две бревенчатые юрты, с характерными пристройками из вертикально поставленных плах перед входом. Эти пристройки служат для складывания дневного запаса дров, там же помещаются собаки, ставятся лыжи и т. д. Юрты окружены пряслом, образующим загон для оленей. В загоне двое ворот, запирающихся вдвигными слегами.

Рис. 11. Развалины острожка в Юильском городке

Одни ворота закрыты, другие открыты, и в них входит мужчина на лыжах, ведущий в поводу оленя. Три оленя и теленок уже находятся в загоне. Один из них привязан к заднему копылу нарты, стоящей на специальной подставке. Последняя состоит из двух параллельных жердей, укрепленных на четырех кольях. Другая нарта стоит рядом на этой же подставке.

С наружной стороны загона изображен ханты, ловающий арканом домашнего оленя. Аркан плетется из четырех тонких сыромятных ремешков и имеет в длину 15–17 маховых сажен. На конце к нему прикреплен кожаный блок, облегчающий затягивание петли.

Далее изображены сцены охоты на дикого оленя. Охотник с луком и посохом в руках идет на лыжах в лес. За спиной у него полный колчан стрел. Разогревшись на ходу, он отбросил с головы капюшон малицы (рис. 14).

Затем охотники уже поразили оленя и готовятся пустить по второй стреле. Художник изобразил их натягивающими лук левой рукой. Сомнительно, чтобы он сделал это преднамеренно, хотя леворукость – частое явление среди хантов и манси. Примечательна также стрела, которую собирается пустить нижний охотник: у нее раздвоенный наконечник, какой обычно не применяется на крупного зверя. По всей вероятности это ошибка, допущенная Шаховым.

На другом рисунке охотник уже поразили оленя и накладывает на лук вторую стрелу, чтобы добить его упавшее животное.

Рис. 16 (деталь шторки IV) показывает охоту на медведя. Стрела глубоко вонзилась в грудь зверю, поднявшемуся на задние лапы, и охотник готовится в этот момент выстрелить еще раз. Очевидно он застал медведя в тот момент, когда тот задрал корову, которая лежит тут же между охотником и зверем.

Несколько ниже на шторке изображена Обь, с надписью «Река Обь», в месте впадения в нее реки Полноватки. На Оби две собаки, запряженные в маленькую нарточку, везут «морду»¹⁵ – ловушку для рыбы, сделан-

¹⁵ «Морда» – иначе верша. У местных русских – гымга, манс, катка.

ную из тонких дранок, связанных сосновыми корнями. За нартой идет ханты, придерживающий её за веревку, чтобы нарты не раскатывались и не перевертывались (рис. 17). Рядом с «мордой» лежит плетеный черпак на ручке для выбирания сколков льда из проруби и пешня для пробивания льда. Ханты отправился, очевидно, устанавливать ловушку. Две уже поставлены. Одна у устья маленькой речки, впадающей в Полноватку, другая у берега Оби в левой части рисунка. Здесь изображены «заезки». Это загородки из кольев и дранок, которые устраиваются поперек течения. Они называются «езками» или «запорами», если пересекают всю реку, или «заясками», если захватывают лишь часть ее. В загородке оставляются свободные промежутки и в них устанавливают «морды», которые периодически осматриваются.

В первой части рисунка, на берегу Полноватки, изображен Полноатцкой погост, теперь село Полноватское или Полноват, расположенное близ устья реки Казыма. Из Полновата по реке едет хантыец на нарте,

На левом берегу расположено стойбище, пустое в это время года. Оно состоит из юрты, справа от которой стоит чамья на четырех столбах, а слева высокий помост, служащий для сушки и хранения сетей, рыбы и складывания различного промыслового инвентаря. По всей вероятности, это весенняя юрта, в которую переселяются на время ловли рыбы и промысла уток «перевесами». Перевес – особая снасть, подробно изображенная на следующей шторке. Здесь по обе стороны от юрты видны лишь высокие шесты, на которых во время охоты поднимают сеть перевеса.

Шторка V (рис. 19). Размеры: 1305 × 770 мм. По материалу, способу шивания и типу обрамления не отличается от предыдущих. Рисунки на этой шторке, как и на шторке IV, изображают реку Казым и ее обитателей, но уже в весенней обстановке.

Рисунки в левой верхней части шторки отражают оленеводство казымских хантов. Последние не откочевывают на лето в тундру, а остаются со своими оленями в лесу. В силу этого создавалась необходимость защищать оленей в летнее время от «гнуса», т. е. комаров и оводов. Для этого устраиваются специальные сараи,

Рис. 10. Шторка IV (из коллекции МАЭ, № 5753-4)

Рис. 12. Олень, убитый стрелой в ловчей загородке. Деталь шторки IV

Рис. 13. Ловля оленя арканом. Деталь шторки IV

Рис. 14. Охотник на лыжах с луком. Деталь шторки IV

в которых раскладывают костры, в дыму которых олени и находят себе убежище. Такой сарай, с находящимися внутри него двумя оленями, и видим изображенным на пригорке.

Весной рога у оленей начинают отрастать. Они короткие, мягкие, покрыты кожей и имеют округленные концы. Такими и изобразил их художник, за исключением двух оленей, которых он снабдил большими и разветвленными рогами. Очевидно Шахов имел в виду изобразить холощенных быков, у которых смена рогов нередко очень сильно затягивается. Справа, на высоком берегу Казыма, стоит остов чума и чамья. Это летнее стойбище, пока еще не населенное. По правую сторону Казыма видно озеро, соединенное с Казымом истоком, на котором хантыец в маленькой лодочке скрадывает какую-то водоплавающую дичь.

Слева от Казыма, на берегу Оби, художник изобразил жизнь в рыболовном стойбище. В стойбище юрта – летнее жилище, крытое корой или берестой, две чамьи. Позади юрты, рядом с чамьей, сидит остяк и плетет горловину для «морды», связывая сосновыми корнями тонко нащепленные драницы. Левее юрты стоит помост, укрепленный на четырех столбах. Верхние концы столбов связаны перекладинами, на которые положены тонкие палочки. На такие палочки нанизывается предназначенная для вяления рыбы. К первому переднему столбу привязан флюгер с вымпелом, снятый с мачты каюка. На помосте женщина чистит рыбу. Рядом с помостом изображены еще две женщины, занятые приготовлением пищи. Одна из них помешивает что-то в котле. Несколько левее женщина чистит рыбу и развешивает ее вялиться. На женщинах яркие платья и платки, покрывающие голову и плечи. Левее изображен мужчина, несущий связку рыбы, а рядом на специальных подставках растянуты для просушки невод и калданная сеть (рис. 20). На середине шеста сети виден «калданная камень» – каменное грузило. Подобные же калданные сети изображены правее, рядом с перевернутой лодкой и на самом берегу у воды.

Рис. 21 изображает моменты лова калданной сетью; видно, как ловец гребет левой рукой, держа в правой

сигнальные нити. Веревка, которая идет от калданного камня, закреплена в лодке. В сеть попал крупный осетр. Узнав об этом по содроганию нитей, ловец, потянув за веревку, закрыл сеть и поднял ее на поверхность. Осетры являлись главным объектом лова калданной сетью, и один рисунок изображает ханты, несущего на спине большого осетра. Тут следует заметить, что на шторке ханты изображены в каких-то совершенно неподходящих для них головных уборах вроде шляп. По всей вероятности, это вольность, допущенная Шаховым, тем более что и ханты и манси летом ходят почти все без исключения с непокрытыми головами. Мало правдоподобны также головные уборы и других мужчин (рис. 21 справа). Подобные уборы мне приходилось видеть только в качестве культовых (на идолах и при священных плясках, причем нет оснований предполагать, что в прошлом они применялись в качестве бытовых). Рисунок справа изображает, по всей вероятности, старшину. Он в красном халате, обшитом золотым позументом, и к нему, очевидно, обращается с просьбой ханты; видимо для того, чтобы подчеркнуть его зависимое положение, он нарисован значительно меньшего роста, чем старшина.

Группа рисунков изображает сцену неводьбы. Невод заметан, и его начинают подтягивать к берегу.

Большого внимания заслуживают рисунки, изображающие промысел уток перевесами. Он практикуется весной и осенью, во время прилета и отлета уток.

На зорях, перелетая с озера на озеро или с озера на реку, утки избегают подниматься выше леса, растущего на перешейках, выбирая для перелетов естественные и искусственные прогалены. Охотники, используя это, прорубают на перешейках просеки, в которых на высоких местах или даже вершинах деревьев, укрепляют на блоках тонкую сеть, и в эту сеть, почти невидимую в сумерках, и попадают утки.

На рисунке 22 мы видим поднятую сеть и охотника, сидящего в укрытии, далее уток, попавших в сеть, и охотника, спешащего опустить ее. Другой охотник уже выбирает уток из спущенной сети. Детально на устройстве перевеса мы здесь останавливаться не будем, поскольку все

Рис. 15. Охота на оленей с луком. Деталь шторки IV

подробности интересующийся может найти в превосходной работе С. И. Руденко, и посвященной этому вопросу¹⁶.

На озере, отделенном перешейком от Оби, художник изобразил охоту на уток при помощи лука и стрел. Охотник сидит в лодке, в которой находится также и собака. Он изображен в тот момент, когда, поразив утку, готовится пустить стрелу в другую. Стрела с типичным для утиной охоты раздвоенным наконечником. Такой наконечник по сравнению с обычным, копьевидным, имеет большую поражающую площадь и, кроме того, в случае промаха, стрела не уходит далеко в воду, обладая большим лобовым сопротивлением.

Правый рисунок изображает ханты, отправляющегося на лодке устанавливать верши в рыболовных заколах, устроенных на протоках и реках. В двух таких заколах верши уже установлены, и рыбак плывет теперь к третьему, где просвет еще открыт.

Шторка VI (рис. 23). Размеры: 1305 × 770 мм. Материал и обрамление такие же, как и в предыдущих. В верхней части рамки – надпись, поясняющая содержание рисунков шторки «**Волость Сосвинска**»; под надписью литеры: **Р**(исовал) **Н**(иколай) **Ш**(ахов).

В верхней части шторки изображено зимнее кочевое стойбище, состоящее из двух чумов, рядом с которыми стоят нарты и бродят олени. Ниже художник нарисовал ловчую загородь с тремя воротцами. Против каждого прохода лежит добыча – пораженные стрелами медведь, лось и олень. Так же, как и на шторке V, художник допустил неточность. Стрелы, применяемые для сторожевых луков, отличаются от обычных. Они не имеют оперения и значительно длиннее – предназначенные для крупного зверя достигают почти полутора метров. Так же, как и на шторке V, не изображены самые луки, но прясла даны несколько верно.

Ниже, слева, изображена, правда весьма неточно, мансийская юрта и чамья. Это паул – селение, из которого, очевидно, и направились в лес охотники (рис. 24). Оба

Рис. 16. Охота на медведя с луком. Деталь шторки IV

они на лыжах, один с луком, другой с ружьем. Последний держит в левой руке какой-то небольшой предмет, в котором можно предположить рожок для табака. На ногах у них туфли-няры, изготавливаемые из оленьей и лосиной кожи, и чулки. Последние, насколько можно судить по рисунку, вязаные, зырянского происхождения. Надо заметить, что у манси и ханты такие чулки встречаются крайне редко и типичными являются длинные, выше колена чулки из грубого сукна или, в прошлом, из замши. Тем более сомнительно, чтобы зырянские вязаные чулки могли бытовать в начале XIX в. Скорее всего, это неточность, допущенная Шаховым под влиянием родной для него зырянской среды. Верхняя одежда охотников, по видимому, с разрезом спереди, типа современного мансийского охотничьего асяма. Рукавицы пришиты к рукавам. Несколько непонятны спускающиеся из-под шапок платки. Такие платки обычно носят летом, прикрывая ими голову и шею в защиту от комаров. Скорее всего, это неточность, допущенная Шаховым. Возможно, что он и видел талой платок зимой у кого-либо из манси, который надел его, чтобы прикрыть шею от падающего с деревьев снега, и распространил этот случай уже значительно шире. Совершенно ошибочным является наличие платка у охотника, поскольку на нем надета малица, хорошо защищающая шею. Манси изображены на охоте за лосями, мясо которых составляло некогда основное средство пропитания в районах, удаленных от Оби.

Рис. 25 изображает мужчину манси, стреляющего из лука в белку. Фигура эта мало отличается от охотника на предыдущей шторке.

Ниже видим сцену охоты за диким оленем. Охотник стреляет из ружья в оленя, который, будучи ранен, поднялся на дыбы. Другой олень лежит поодаль, уже убитый. Рядом изображен манси, стреляющий в какого-то зверька, сидящего на дереве. Судя по тому, что художник изобразил его темным, в нем можно предположить соболя.

Слева у самого края шторки видим юрту со стоящей позади чамьей, ниже которой изображено селение с относящейся к нему подписью: Сартыннинской повост (село Сартыннинское или Сортынья на реке Сосве). В соответ-

Рис. 17. Рыболов везет вершу. Деталь шторки IV

Рис. 18. Весеннее стойбище и просеки для перевеса. Деталь шторки IV

ствии с истиной Сортынья изображена на двух холмах на берегу Сосвы. В то же время в расположении реки и ее притоков допущены грубые погрешности: Сортынья находится не выше, а ниже устья Сосвы (Ляпин), Ляпинский городок был на левом, а не на правом берегу, и наоборот, река Щекунья впадает в Ляпин с правой стороны выше крепости.

Рядом с Сортыньей, но совершенно вне всякой связи с ней, обычно, стоит шалаш, который должен изображать охотничий стан. Шалаш изображен неточно, так как и манси и ханты применяют обычно в качестве временного охотничьего жилища односкатный навес, крытый хвойными ветвями или берестой.

К шалашу прислонен лук и колчан со стрелами, а несколько правее виден и сам охотник (рис. 26). Он ранил медведя стрелой, глубоко вонзившейся в горло зверя, которого охотник принял теперь на рогатину.

Ниже изображен манси, едущий на нарте, запряженной парой оленей. Он, видимо, возвращается с покупками из Сартынни, так как на передке нарты лежит бочонок, в каких раньше продавали вино. Слева показана еще одна юрта с чамьей, стоящая в излучине реки Сосвы, против устья реки Ляпин.

Вверху по Ляпину, в правом краю шторки, изображена Ляпинская крепость. Рисунок мало отличается от описанного выше укрепления в Юильском городке. Тип острожка был, очевидно, довольно стандартным и не имел особых отклонений. Ляпинская крепость простояла до недавнего времени и была в весьма хорошей сохранности. Но в 1927 г. один саранпаульский зырянин сжег ее, так как она якобы мешала ему на покосе. К счастью, имеется описание укрепления, сделанное в 1884 г. К. Носиловым, которое мы здесь и приводим:

«Против с. Саран-паул, на противоположном берегу р. Сыгвы (р. Ляпин), находится полуразрушенная, деревянная с бойницами крепость... на невысоком, но прежде обрывистом берегу, в бору стоит четырехугольный, в 250 фут квадратной площади при высоте стен в 21 фута, сруб, сложенный из бревен в виде правильного четырехугольника. На высоте 18 фут стена расширяется на 2 фута с уступом для прохода, на который наслан деревянный из круглых бревен пол. Крыши нет, остались одни лишь боковые отверстия для стрельбы, как в нижних, так и в верхних стенах. С западной и восточной стороны, по направлению берега, устроены полукруглые, аркой, две-

ри. Для подъема в верхний этаж или площадку для боя установлены в углу два со ступенями бревна, к востоку от главного боевого здания находятся в нескольких шагах два надменные помещения, тоже с двойным потолком и отверстиями для стрельбы. От боков (южного и северного) главной бойницы идет высокая бревенчатая с острыми оконечностями стена; она шла вокруг и двух других зданий, но ныне она разрушена. На западной стороне бойницы сохранились следы строений, занимающих до 30 сажен в длину местности на берегу. Несколько лет тому назад над дверьми (западными) еще видна была надпись года постройки крепости, которая показывала, что здание было устроено более 300 лет тому назад»¹⁷.

Против острожка изображено мансийское селение. Это Сокурья-павыл, или село Щекурья, расположенное на правом берегу реки того же названия, недалеко от впадения ее в Ляпин (Сыгву).

Таково содержание рисунков Н. Шахова. Ниже публикуется статья сотрудника Русского Музея в Ленинграде, ныне покойной К. А. Большевой, выясняющей историю творчества художника и пытающейся на основе стилистического анализа установить датировку рисунков.

Обращая основное внимание на связь творчества Шахова с картографией XVIII в., К. А. Большева не останавливается на его других, также заслуживающих внимания стилистических особенностях. Они обнаруживаются как в некоторых композициях, так и в тех отдельных рисунках, которые, отображая ловильные сюжеты, не встречались Шахову среди образцов XVIII в., главным образом и обусловивших характер его творчества.

Действительно, тогда как большинство строений, деревьев, деталей ландшафта и т. д. условны и схематичны и носят ясно выраженные следы влияния готовых образцов, изображения нарт, лошади, запряженной в нарту, сетей, каюков очень правдивы, показывают хорошую наблюдательность художника и его знакомство с перспективой и в большей степени, чем все остальное, могут характеризовать личное творчество самого Шахова.

Еще одна особенность, слабо отмеченная К. А. Большевой, является, по всей видимости, результатом влияния на Шахова местных художественных традиций и

¹⁶ С. И. Руденко. Перевес. Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 2. Л.: изд. Русского музея, 1929.

¹⁷ К. Д. Носилов. О маньсах. Изв. общ. люб. естествозн., антропол. и этногр. Т. X, вып. 5. Тр. Антропол. отд. Т. IX, вып. 3. С. 564.

Рис. 19. Шторка V (из коллекции МАЭ, № 5753-5)

Рис. 20. Калданная сеть, растянутая для просушки. Деталь шторки V
Рис. 21. «Калданят» – ловят рыбу калданной сетью. Деталь шторки V

Рис. 22. Охота на уток с перевесом и луком. Деталь шторки V

даже не русских или зырянских, а ненецких и хантыйских. В изобразительном искусстве последних, как впрочем и у ряда других народностей Севера, встречаем со своеобразным стремлением изобразить в рисунке не один момент какого-то рассказа или действия, а весь рассказ в целом, в последовательности содержащихся в нем событий. Таковы, например, рисунки-повествования эвенка Кемури Барбасенова, приведенные в работе А. Ф. Анисимова «Родовое общество эвенков», изображающие выбор вождя, войну между родами Момоль и Хурасир. Таков же имеющийся у нас рисунок ненца Амнго Вэнэши «Охота на тюленя» и др.

Аналогичную идею находим в ряде композиций Шахова. Таковы рисунки, представляющие собой изображе-

ния одних и тех же лиц в последовательных этапах процесса ловли рыбы, рисунки на шторке I, изображающие ловлю рыбы калданом, и изображение охоты на оленей на шторке IV.

В заключение необходимо еще раз коснуться вопроса о датировке рисунков.

К. А. Большева, на основе стилистического анализа, склонна относить рисунки к концу XVIII в., а автора их, Н. Шахова, либо считать однофамильцем Н. Шахова, написавшего «Ярмарку в Березове» (1855 г.), либо, если допустить идентичность подписей, видеть в Шахове лишь точного копировщика старых произведений.

Однако в последнем предположении К. А. Большева несколько противоречит самой себе. Не говоря уже

Рис. 24. Охотник на лыжах. Деталь шторки VI

Рис. 25. Охотник стреляет в белку из лука. Деталь шторки VI

Рис. 26. Охота с луком и рогатиной на медведя. Деталь шторки VI

о том, что стиль рисунков, относимый ею к последней четверти XVIII в., не чужд прикладному искусству XIX в. (возьмем хотя бы роспись на фарфоре, особенно мелких провинциальных фабрик), копировщик, воспитанный в иных по сравнению с XVIII в. художественных традициях, должен был бы допустить отклонения в сторону «новых веяний», особенно в шрифте. Можно с уверенностью сказать, что Н. Шахов не копировщик, а автор рисунков на «шторках». Можно ли говорить в таком случае о двух Шаховых, живших в конце XVIII в. – около середины XIX вв.? Думается, что нет. Хотя я и плохо помню «Ярмарку в Березове», которую видел лишь один раз, тем не менее не ошибусь, если скажу, что приемы, в которых выполнена

эта картина, манера расположения фигур и отдельных сцен совершенно тождественны с тем, что мы видим на «шторках».

К сожалению, не имея перед собой «Ярмарки», я не могу привести примеров, необходимых для доказательства этого, в силу чего и вопрос о датировке придется пока считать открытым. Думаю, однако, что доказать идентичность автора «шторок» и «Ярмарки», а следовательно, и принадлежность рисунков к XIX в., будет нетрудно. Дополнительным и уже совершенно неопровержимым датировочным моментом может также служить изображение церкви в селе Сортынье (шторка IV), которая, если мне не изменяет память, была впервые построена лишь в XIX в.

Рис. 23. Шторка VI (из коллекции МАЭ, № 5753-6)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНО	– Автономное некоммерческое объединение
АНО ИАС	– Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера»
БУ ВО ХМАО-Югры	– Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
СурГУ	– «Сургутский государственный университет»
ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГБУТО «ГА в г. Тобольске»	– Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ГБУТО ГАТО	– Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
ИАН	– Императорская академия наук
ИКН	– историко-культурное наследие
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
ИЭРиЖ УРО РАН	– Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МБУ ДО	– Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Центр дополнительного образования «Поиск»
«ЦДО «ПОИСК»	– Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Сургутский краеведческий музей»
МБУК СКМ	– Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Сургутский краеведческий музей»
МИА	– Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья
МОИП	– Московское общество испытателей природы
НИИ	– научно-исследовательский институт
НИР	– научно-исследовательская работа
НОЦ ИГОиС	– Научно-образовательный центр Института гуманитарного образования и спорта
НПО	– научно-производственное объединение
НПО «СА-1»	– Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»
НПЦ	– научно-производственный центр
ОАО	– Открытое акционерное общество
ОКН	– объект культурного наследия
ООО	– Общество с ограниченной ответственностью
ООО «НАЦ «АВ КОМ – НАСЛЕДИЕ»	– Общество с ограниченной ответственностью «Научно-аналитический центр «АВ КОМ – НАСЛЕДИЕ»
ОПИ ИА РАН	– Отдел полевых исследований Института археологии Российской академии наук
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
СПбФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал государственного бюджетного учреждения науки Архива Российской академии наук
ТПП	– Территориально-производственное предприятие
УрО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
ФГАОУ ВО НИ ТГУ	– Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
ФГБОУ ВО РГПУ	– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена»
ФГБУ ВО МГУ	– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
ФГБОУ ВО СПбГУ	– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
ФГБУ ВО УрГПУ	– Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Уральский государственный педагогический университет»
ФГБУ РАН (АН)	– Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская академия наук»
ФГБУК ГЭ	– Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж»
ФГБУН ИАЭТ СО РАН	– Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ФГБУН ФИЦ ТюмНЦ СО РАН	– Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ФКУ РГАДА	– Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив древних актов»
ХМАО	– Ханты-Мансийский автономный округ
ЯНАО	– Ямало-Ненецкий автономный округ
ГЛОНАСС	– Глобальная навигационная спутниковая система
МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова гора»	– Муниципальное автономное учреждение Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»
ФГБУ ВО УрГУ	– Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Уральский государственный университет»
НГДУ	– нефтегазодобывающее управление
БИИКФ	– Библиотечный информационный историко-культурный фонд
пгт	– поселок городского типа
РНФ	– Российский научный фонд
МК	– музейный комплекс
НКО	– некоммерческая организация
ЦСП «Сибирский легион»	– Центр специальной подготовки «Сибирский легион»
ЦКП СурГУ	– Центр коллективного пользования Сургутского государственного университета

ABBREVIATION LIST

АНО	– Autonomous non-commercial organization
АНО IAS	– Autonomous non-commercial organization “Institute of Archeology of the North”
BU HE KhMAO-Yugra Surgut	– Budgetary Institution of Higher Education of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra “Surgut State University”
State University	– State University
VTsIK	– All-Russian Central Executive Committee
SBITO “GA in Tobolsk”	– State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive in Tobolsk”
SBITO GATO	– State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive of the Tyumen Region”
IAN	– Imperial Academy of Sciences
ICH	– Historical and cultural heritage
IEA RAS	– Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
IERIZH UB RAS	– Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
MAE	– Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
MBI SE “CDO “POISK”	– Municipal Budgetary Institution for Supplementary Education “Center for additional education “Poisk”
MBUK SKM	– Municipal budgetary institution of culture “Surgut Museum of Local Lore”
MIA	– Materials and research on the archeology of the Urals and Cisurals
MOIP	– Moscow Society of Naturalists
RI	– Research institute
R & D	– Research work
REC IGOiS	– Scientific and Educational Center of the Institute for Humanitarian Education and Sports
SPA	– Scientific and production association
SPA “SA-1”	– Scientific and Production Association “Northern Archeology – 1”
SPC	– Research and production center
OJSC	– Open Joint Stock Company
CHS	– Cultural heritage site
LLC	– Limited Liability Company
NAC “AV COM – HERITAGE”	– Limited Liability Company “Scientific and Analytical Center “AV COM – HERITAGE”
OPI IA RAS	– Field Research Department of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
PSRL	– Full collection of Russian Chronicles
SB RAS	– Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
SPbF ARAN	– St. Petersburg branch of the state budgetary institution of science of the Archive of the Russian Academy of Sciences
TPP	– Territorial production enterprise
UB RAS	– Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
FSAEI HE NR TSU	– Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National Research Tomsk State University”
FSBEI HE RSPU	– Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen”
FSBEI HE SPbSU	– Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint Petersburg State University”
FSBI HE MSU	– Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M. V. Lomonosov Moscow State University
FSBI HE USPU	– Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Ural State Pedagogical University”
FSBI RAS (AN)	– Federal State Budgetary Institution “Russian Academy of Sciences”
FSBI GE	– Federal State Budgetary Institution of Culture “State Hermitage”
FSBSI IAET SB RAS	– Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
FSBSI TyumNC SB RAS	– Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Center Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
FKU RGADA	– Federal Government Institution “Russian State Archive of Ancient Acts”
KhMAO	– Khanty-Mansi Autonomous Okrug
YaNAO	– Yamalo-Nenets Autonomous Okrug
GLONASS	– Global navigation satellite system
MAI SD “HCRPC “Barsova Gora”	– Municipal Autonomous Institution of the Surgut District “Historical and Cultural Research and Production Center “Barsova Gora”
FSBI of HE USU	– Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Ural State University”
OGPA	– oil and gas production administration
LIHCF	– Library Information Historical and Cultural Foundation
UTS	– Urban-type settlement
RSF	– Russian Science Foundation
MC	– museum complex
NPO	– non-profit organization
TsSP “Siberian Legion”	– Special training center “Siberian legion”
CCU of SurSU	– Center for Collective Use of Surgut State University

СЕВЕРНЫЕ ДРЕВНОСТИ: АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (13) 2025

Выпуск посвящен 120-летию со дня рождения
выдающегося советского археолога В. Н. Чернецова

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO "INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH"

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – 1»
LLC "SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION "NORTHERN ARCHAEOLOGY – 1"

БУ ВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
SURGUT STATE UNIVERSITY

Приглашаем ученых, молодых исследователей, преподавателей и студентов присоединиться к авторскому коллективу журнала «Северные древности: археология, этнография, история» и подать заявку на публикацию, прислав ее на электронный адрес: archeonord.journal@yandex.ru.
Все подробности на сайте издателя <http://www.nordarcho.ru/>

Издатель

АНО «Институт археологии Севера» 628306 РФ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202

Адрес редакции:

628306, РФ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202

Формат 60*90/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,25.
Тираж 100 экз. Журнал распространяется бесплатно. Заказ № 2540165. Дата выхода в свет 31. 03.2025 г.
Отпечатано в типографии ООО «Типография Форт Диалог».
620085, г. Екатеринбург, ул. Монтерская, 3/81А.

NORTHERN ANTIQUITIES:
ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY, HISTORY

